
ISSN 2225-8272

ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

JOURNAL OF PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

**Культурно-просветительский
и образовательный журнал**

Выходит четыре раза в год

Том 12, № 2 2023

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

5.6.1. — Отечественная история (исторические науки);

5.6.2. — Всеобщая история (исторические науки).

С 2012 года материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по адресу: <http://eLIBRARY.RU> (Научная электронная библиотека).

Включён в базы данных Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO.

**Список членов научно-редакционного совета журнала
«Вестник государственного и муниципального управления»**

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, политологии и государственной политики, директор Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, зав. кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет (Россия, Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

Брузати Лука, Ph.D, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Гелла Тамара Николаевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: gellat@mail.ru

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, кафедра политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Елисеев Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Залужный Александр Гаврилович, доктор юридических наук, профессор факультета национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Зайцев Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, зам. зав. кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Институт государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Караджова Милена Нешева, доктор административного права и административного процесса, Новый болгарский университет (Болгария, София), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: iscander48@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Мелихова Анжела Валентиновна, кандидат юридических наук, Ph.D, доцент Эстонской высшей школы предпринимательства MAINOR (Эстония, Таллин), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Менегуццо Марко, доктор экономики, факультет экономики, профессор кафедры общественного и некоммерческого менеджмента факультета экономики, Университет итальянской Швейцарии (Швейцария, Лагуно), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Нехаев Виктор Викторович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: tulastat@inbox.ru

Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры связи с общественностью, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж), e-mail: nechaevv@mail.ru

Ручкин Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра образования и культуры «ГРИНТ» (Россия, Москва), e-mail: alexey.ruchkin@uara.ru

Саран Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Редакционная коллегия:

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, политологии и государственной политики, директор Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Мироненко Надежда Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, зам. редактора журнала по развитию и продвижению (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Харитоновна Наталья Ивановна, кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры истории и стран ближнего зарубежья Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва), e-mail: natahari@yandex.ru

***Editorial Council of «Journal
of Public and Municipal Administration»***

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Arabadjiiski Nicolai, Doctor of Economic Sciences, Professor, New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Astafichev Pavel, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Bagdasaryan Vardan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Era, Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Gorin Dmitry, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Gella Tamara, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Universal History and Regional Studies, Orel State University (Russian Federation, Orel), e-mail: gellat@mail.ru

Eliseev Anatoly, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Zaluzhny Alexander, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Faculty of National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Zaitsev Vladimir, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Legal Enforcement of Market Economy, Institute of State Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Zubarev Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Ivanov Hristo Marinov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria, Varna), e-mail: xiza@abv.bg

Karadzhova Milena, Doctor of Administrative Law and Process, New Bulgarian University (Bulgaria, Sofia), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Maslennikov Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Field Researches of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: iscander48@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Melikhova Angela, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Higher School of Enterprise MAINOR (Estonia, Tallin), e-mail: vestnik.gmu@yandex.ru

Meneguzzo Marco, Doctor of Economic Sciences, Faculty of Economics, Professor of Public and Non-profit Management at the Faculty of Economics, Università della Svizzera Italiana (USI), (Switzerland, Lugano), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Mikhailchenko Sergei, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice Rector for Research and International Relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russian Federation, Bryansk), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Nekhaev Victor, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of Legal Disciplines, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: tulastat@inbox.ru

Nechaev Dmitry, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: Nechaevv@mail.ru

Ruchkin Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Education and Culture «Grint» (Russian Federation, Moscow), e-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Saran Alexander, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Editorial Board:

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Mironenko Nadezhda, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Deputy editor-in-chief of the magazine for development and promotion (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Kharitonova Natalia, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of History and Near Abroad Countries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow), e-mail: natahari@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

Меркулов П. А., Меркулов А. В.	И.Г. Старинов и органы государственной безопасности	11
Ливцов В. А., Саран А. Ю.	Почётный чекист Илья Старинов и Советская Украина в 1920–1940-е гг.	21
Мишуков И. А.	Артиллерия Новосиля в 1667–1696 гг. (по данным годовых смет)	31

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Бредихин А. В.	Казачество во фронтальной среде юга России	41
Аккузинов А. К.	Административно-политическое устройство СССР и Казахской ССР накануне Великой Отечественной войны	49

РЕФОРМЫ И ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Астрахан В. И., Щекотихин Е. Е.	Модели студенческого самоуправления в молодёжной политике советской власти 1917–1923 гг.	58
Цыганкова Е. А.	Становление работы с кадрами в 20-х годах XX века как необходимое условие развития пионерского движения	69
Дробот М. В.	Молодёжные организации в постреволюционном преобразовании России (на примере Донского комсомола: 20-е годы XX века)	78
Демидов А. Г.	Формирование условий создания общественного движения в защиту памятников в СССР в период Великой Отечественной войны	87
Фатеев В. В.	Благотворительная деятельность Ведомства канцелярии Марии Фёдоровны Романовой в Орловской губернии	96

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Федотов С. П.	История второго периода деятельности Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия в Англии	106
---------------	---	-----

CONTENTS

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Панарин И. А., Меркулов А. В.	Профессорско-преподавательский состав духовных семинарий в России второй половины XIX – начала XX века	113
Баушов Р. Б.	Реализация реформы 1808–1814 годов в системе духовного образования на примере Курской духовной семинарии	120
Тарасов В. Е.	Атеистическое воспитание и пропаганда в 1953–1964 гг. в СССР и их влияние на внутрицерковную жизнь Белгородской области	134

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Цыбакова О. В.	Реформы РККА и их влияние на развитие советского военного права в период 1920–1930-х гг.	144
----------------	--	-----

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Алексеев С. В.	«Сказание о холопьем войне»: литературная история и проблема исторической основы	152
----------------	--	-----

CONTENTS

MILITARY CHRONICLE

Merkulov P. A., Merkulov A. V.	I. G. Starinov and State Security Bodies	11
Livtsov V. A., Saran A. Yu.	Honorable CHEKA officer Ilya Starinov and Soviet Ukraine 1920-1940.	21
Mishukov I. A.	Novosil artillery 1667-1696 (according to annual estimates)	31

HISTORY OF TERRITORIES DEVELOPMENT

Bredikhin A. V.	Cossacks in the frontier environment of the South of Russia	41
Akkuzinov A. K.	Administrative and political structure of the USSR and the Kazakh SSR on the eve of the Great Patriotic War	49

REFORMS AND INSTITUTIONS: HISTORY AND MODERNITY

Astrakhan V. I., Shekotikhin E. E.	Models of student self-government in the youth policy of the Soviet government 1917-1923	58
Tsygankova E. A.	The establishment of personnel management in the 20s of the 20 th century as a necessary condition for the development of the Pioneer movement	69
Drobot M. V.	Youth organizations in the post-revolutionary transformation of Russia (the case of the Don Komsomol: the 1920s of the 20 th century)	78
Demidov A. G.	Creating environments for a public movement to protect monuments in the USSR during the Great Patriotic War	87
Fateev V. V.	The charitable work of the agency of Maria Fyodorovna Romanova's department in Orel province	96

GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Fedotov S. P.	The history of the second period of activity of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius in England	106
---------------	--	-----

STATE, RELIGION AND CHURCH

Panarin I. A., Merkulov A. V.	The teaching staff of the Theological seminaries in Russia of the late 19 th and early 20 th centuries	113
----------------------------------	--	-----

CONTENTS

Baushov R. B.	The implementation of the reforms 1808-1814 in the system of Theological education on the example of Kursk Theological seminary	120
Tarasov V. E.	Atheistic education and propaganda in the 1953s -1964s in the USSR and its impact on the inner-church life of Belgorod region	134

HISTORY OF LEGAL RUSSIAN STATEHOOD

Tsybakova O. V.	The reforms of the Red army and their impact on the development of Soviet military law in the 1920s-1930s.	144
-----------------	--	-----

STATEHOOD: HISTORICAL-PHILOSOPHICAL, SOCIO-CULTURAL AND ETHNO-CIVILIZATIONAL ASPECTS

Alekseev S. V.	«The tale of the Kholop War»: literary history and the problem of historical basis	152
----------------	--	-----

УДК 93: 929 (XX вв.)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-2-11-20

МЕРКУЛОВ Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, директор, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: director@orel.ranepa.ru, AuthorID: 382668

MERKULOV P.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: director@orel.ranepa.ru

МЕРКУЛОВ Алексей Вячеславович, кандидат исторических наук, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, (Россия, Орёл), e-mail: siu-ranepa57@mail.ru, AuthorID: 1016633

MERKULOV A.V., Candidate of Historical Sciences, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: siu-ranepa57@mail.ru

И.Г. СТАРИНОВ И ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

I. G. STARINOV AND STATE SECURITY BODIES

Аннотация. Целью статьи является изучение деятельности полковника И. Г. Старинова и его взаимодействия с органами государственной безопасности, направленных на формирование стратегии и тактики диверсионной работы. Его методика стала эталонной для проведения специальных акций по разрушению критической инфраструктуры врага и ликвидации лидеров вражеских военных и административных структур. Авторы используют широкий спектр исторических методов исследования – от сравнительно-исторического до компаративного. Деятельность И. Старинова рассматривается как отражение эпохи в военной истории России. Во время жизни Старинова называли «гений взрыва», «бог диверсий», «дед российского спецназа». По долгу службы на разных этапах своей карьеры И. Г. Старинов находился в тесном сотрудничестве с органами безопасности: ОГПУ, НКВД, МГБ и КГБ. Это происходило в период его работы по подготовке диверсионных кадров в 1930-е гг. в Украинском военном округе, во время командировки в Испанию. В ходе Великой Отечественной войны И. Г. Старинов вместе с сотрудниками НКВД вел подготовку чекистских кадров для диверсионной и партизанской работы. В послевоенное время И. Г. Старинов снова взаимодействовал с сотрудниками КГБ в преподавательской деятельности. Деятельность И. Г. Старинова стала основой формирования спецслужб в Советской России. В статье делается вывод о том, что методика действий в сфере диверсий, разработанная Стариновым, была столь совершенна, что не утратила своего значения до наших дней, и до сих пор находится в практическом применении у современных органов госбезопасности и у Вооруженных сил России.

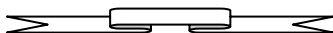
Ключевые слова: диверсионная деятельность, Илья Григорьевич Старинов, государственная безопасность, ОГПУ, НКВД, КГБ, СССР.

Abstract. The purpose of the article is to study the activities of Colonel I. G. Starinov and his interaction with state security bodies aimed at forming a strategy and tactics of sabotage work. It is stressed that his methods of work became a benchmark for carrying out special actions to destroy the critical infrastructure of the enemy and eliminate the leaders of enemy military and administrative structures.

A wide range of historical research methods, such as comparative and historical methods, comparative methods and others are used. Starinov's activity is considered as a reflection of the epoch in the military history of Russia. During his life, Starinov was called «the genius of the explosion», «the god of sabotage», «the grandfather of the Russian special forces». Being on duty, at various stages of his career, I. G. Starinov was in close cooperation with the security bodies: the OGPU, the NKVD, the MGB and the KGB. This cooperation took place during his work on the training of sabotage personnel in the 1930s in the Ukrainian Military District, and during his business trip to Spain. During the Great Patriotic War, I. G. Starinov, together with NKVD officers, trained CHEKA officers for sabotage and partisan work. In the postwar period I. G. Starinov worked again with KGB officers on a teaching job.

As a result, the authors come to the conclusion that the activity of I. G. Starinov became the basis for the formation of special services in Soviet Russia. The authors emphasize that Starinov's methods of work in the field of sabotage are so perfect that they are of great importance to the present day, and are still in practical use by modern state security bodies and the Armed Forces of Russia.

Keywords: sabotage activity, Ilya Grigoryevich Starinov, state security, OGPU, NKVD, KGB, USSR.

ВВЕДЕНИЕ

Илья Григорьевич Стаинов – человек удивительной судьбы. Он прошел большой путь военной карьеры. Ему довелось быть участником целого ряда военных конфликтов. Он стал основателем и идеологом диверсионной работы. Илья Григорьевич смог обернуть практические знания в теорию, которая стала основанием для новых открытий во взрывном и диверсионном деле. Стаинов, обладая большим багажом теоретических знаний, стал ученым, а затем и преподавателем.

Жизнь Стаинова – это отражение эпохи в военной истории России. Во время жизни его называли «гений взрыва», «бог диверсий», «дед российского спецназа». Такие олицетворения были связаны с удивительным талантом Стаинова организовывать и вести диверсионную работу.

Вся жизнь и деятельность И. Г. Стаинова находилась в тесной взаимосвязи с органами государственной безопасности. Военный человек по своей сути и военный инженер в силу своего таланта, умений, он на протяжении активной фазы своей деятельности тесно сотрудничал с подразделениями органов государственной безопасности. Задачи, которые выполнял Стаинов, были близки тем задачам, которые возлагались на сотрудников органов безопасности и ГРУ.

По этой линии он был в годичной командировке в Испании. А до этого периода выполнял важные задания в Украинском военном округе, где занимался подготовкой партизанских кадров.

В период Великой Отечественной войны И. Г. Стаинов выступил инициатором создания специальных школ, где можно было производить подготовку кадров для проведения диверсий. Обеспечение работы этих школ и подготовка кадров для партизанского движения происходили в тесной взаимосвязи с органами государственной безопасности.

После отставки Стаинов продолжал делиться опытом и преподавал диверсионное дело на Курсах усовершенствования офицер-

ского состава КГБ.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

И. Г. Стаинов родился в Орловской губернии 2 августа 1900 года. Местом его рождения стало село Войново Болховского уезда. Сегодня это территория Болховского района Орловской области.

После окончания школы в 1908 году Стаинов поступает в Тверское земское народное училище, где проучился 7 лет. После завершения обучения И. Г. Стаинов начал работать писарем-регистратором в Тверском губернском правлении. Затем работал делопроизводителем при правлении Тверской губернии [11].

С октября 1917 года И. Г. Стаинов состоял в боевой группе Тверского городского совета.

18 июня 1919 года Стаинов был призван в РККА Болховским уездным военкоматом [РГВА. Ф. 40973. Оп.1. Д. 4. Л. 9] по мобилизации и направлен в г. Брянск Орловской губернии во 2-ю роту 20-го стрелкового полка 3-й стрелковой дивизии 13-й армии рядовым красноармейцем.

В октябре 1918 года Илья Стаинов вступил в боевую группу, в задачи которой входило сдерживание белогвардейских эшелонов, направлявшихся по железной дороге к Петрограду. В сентябре – октябре 1919 г. Стаинов проходил курс лечения после ранения в госпитале в г. Туле. После лечения и отпуска Стаинов вернулся на службу. Теперь он проходил службу в 9-й стрелковой дивизии в 27-й отдельной саперной роте [11]. В ноябре – декабре 1919 года 9-я стрелковая дивизия участвовала в Орловско-Курской операции. Затем Стаинов воевал на Южном фронте.

После завершения Гражданской войны в Красной армии началось сокращение штатов. Перед Стаиновым также встала дилемма: демобилизоваться или поступить на учебу в военное училище? Он выбрал второй вариант. Собрав необходимый перечень документов, взяв характеристику с места службы,

Старинов уехал в Москву, чтобы попасть в Главное управление военно-учебных заведений. Затем из Москвы он был командирован в Одессу для сдачи вступительных экзаменов в военно-инженерное училище. Сдача экзаменов не была удачной. По этой причине Старинову пришлось вернуться обратно в Москву.

После прибытия в столицу Старинову предложили поступить в школу военных железнодорожников. Он прошел необходимое вступительное испытание и был зачислен в сентябре 1921 года в 4-ю школу военно-железнодорожных техников в Воронеже.

В 1922 году Старинов был принят в кандидаты в члены партии [11]. Кстати, свой последний партийный взнос Старинов оплатил в 1999 году.

Окончив военно-инженерную школу, Илья Григорьевич был направлен для прохождения службы в 4-й Коростенский краснознаменный железнодорожный полк, который дислоцировался в Киеве [РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 3. Л. 2].

Во время начала службы в полку на Старинова обратил внимание командир роты, в которой Илья Григорьевич нес службу. По предложению ротного А. Е. Крюкова Старинова назначили начальником подрывной команды [РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 3. Л. 1].

В 1923 году в жизни И. Г. Старинова произошло важное событие – он получил мандат Государственного политического управления (ГПУ) при Совете народных комиссаров Украинской ССР, подписанный замначальника административно-организационным управлением Рубинштейном. В мандате было указано, что И. Г. Старинов находится на службе в ГПУ в должности сотрудника для поручений при Управлении погранохраны и имеет право на ношение «всякого рода оружия» [РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

При этом с 18 ноября 1922 года по апрель 1923 года Старинов значился старшим рабочим путевой роты 4-го Коростенского краснознаменного железнодорожного полка в Киеве [РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 3. Л. 2; Д. 4. Л. 8 об.].

За образцовое несение службы командование решило рекомендовать И. Г. Старинова

в состав специальной комиссии под председательством Е. К. Афонько. Данная команда поступала под командование И. Якира, который командовал войсками Украинского военного округа [11].

Сформированной команде была поставлена задача – заниматься укреплением приграничной полосы с одновременным обследованием железнодорожных участков в приграничье Польши и Румынии. В 1929 году в киевской школе Кочегарова Старинов занялся подготовкой диверсантов-подпольщиков. В практическую задачу диверсантов входило выведение из строя железнодорожных путей, если произойдет занятие территории врагом [7, С.59].

Немногим позже И. Г. Старинов начал нести службу в одном из отделов при Главном разведуправлении Генштаба Красной армии. В это время он вел работу по подготовке специальных баз, на которых в случае нападения противника возможно было бы организовать массовое партизанское движение в тылу врага.

Идея создания таких баз включала в себя будущий возможный вариант развития театра войны. План предполагал, что при переходе противником границы и после его продвижения вглубь страны начнется позиционная война. В тылу врага в это же самое время развернется партизанская война.

К концу 1929 года основные мероприятия по устройству заграждений на территориях, близко расположенных к границе, были завершены.

В январе 1930 года Старинова вызвали в штаб Украинского военного округа в Харьков. Здесь его принял Г. И. Баар, который руководил одним из штабных отделов. После состоявшегося разговора Старинов был переведен из состава 4-го Коростенского краснознаменного железнодорожного полка в распоряжение 4-го (разведывательного управления) штаба Красной армии [РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 3. Л. 2] с прикомандированием к 4-му (разведывательному) отделу штаба Украинского военного округа (в Харькове). В этом разведывательном отделе вели подготовку диверсантов

и партизан [7, С. 59].

В этом подразделении И.Г. Старинову было необходимо заниматься подготовкой партизанских кадров. Нужно было обучать подрывному делу уже опытных красноармейцев [РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 10. Л. 1].

В разведывательном управлении Старинов проработал до августа 1933 года. В этот период он привлекался к преподаванию минного дела в партизанских школах. Тогда же Старинов создал лабораторию, где проводил эксперименты для разработки новых видов мин.

Нужно заметить, что в середине 1930-х гг. в СССР произошла смена военной доктрины. Высшее руководство не предполагало ведения войны на собственной территории. Поэтому созданные базы с вооружением для ведения партизанской войны в случае захвата территории СССР противником были уничтожены.

И. Г. Старинов в июне – августе 1933 года работал под началом Мирры Сахновской. Он вёл занятия на специальных военных курсах, которые действовали при исполкоме Коминтерна. Эти курсы возглавлял сотрудник военной разведки Кароль Сверчевский.

В сентябре 1933 года И. Г. Старинов поступил в Военно-транспортную академию РККА на железнодорожный факультет [11]. Обучаясь в академии, 13 июля 1934 года И. Г. Старинов получает справку парткома дорожно-транспортного отделения ОГПУ станции Жлобин Западной железной дороги для парткома Военно-транспортной академии о том, что за время прохождения практики он прочитал чекистам несколько лекций [РГВА. Ф. 40973. Оп.2. Д.2. Л.1].

Отметим, что 10 июля 1934 года по постановлению ЦИК СССР органы госбезопасности были включены в НКВД СССР. После смерти В.Р. Менжинского (1874–1934гг.) работой ОГПУ, а позднее и НКВД с 1934 по 1936 год руководил Г. Г. Ягода (1891–1938гг.). Затем в период с 1936 по 1938 год НКВД находился под руководством Н. И. Ежова (1895–1940гг.). После Ежова НКВД возглавлял Л. П. Берия (1899–1953гг.) с ноября 1938 до 1945 года [2].

В мае 1935 года Старинов завершил обучение в академии. В скором будущем Илье

Григорьевичу было поручено прибыть в отдел военных сообщений РККА. После этого он стал заместителем военного коменданта железнодорожного участка (ЗКУ). Управление этого участка было расположено в здании Московского вокзала в Ленинграде.

С сентября 1935 года по октябрь 1936 года по совместительству И. Г. Старинов являлся преподавателем технических особенностей оборудования заграждений на дорогах в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта им. Т. Рудзутака [РГВА. Ф.40973. Оп. 1. Д. 140. Л. 1–2].

Летом 1936 года И. Г. Старинов написал на имя наркома обороны рапорт, в котором просил направить себя для участия в гражданской войне в Испанию. По личному распоряжению начальника разведывательного управления Я. К. Берзина («Старика») рапорт был удовлетворен. Старинов был направлен на работу в Испанию.

В сентябре 1936 года представителем НКВД в Испании был назначен майор Александр Орлов. Его заместителем стал Наум Эйтингон, приехавший в Испанию в том же году. В их задачу входили функции по созданию партизанских групп и организация их действий в тылу франкистов, включая диверсии на железных дорогах [3, С. 19].

Осенью 1937 года испанское руководство согласовало с советской стороной вопрос объединения разрозненных ячеек партизан в 14-й специальный корпус. Он находился в подчинении Генштаба республиканских вооруженных сил. Деятельность в корпусе осуществляли и чекисты, и военные [13]. Все они занимались диверсионно-разведывательной работой в тылу франкистских войск.

Данные мероприятия (взрыв мостов, нарушение линий связи, уничтожение боевой техники) имели кодовое название «Д». Чекисты в своей переписке так обозначали разведывательно-диверсионную деятельность партизанских подразделений на фронтах, а также в тылу противника [8].

Важный вклад в организацию работы по линии «Д» внесли сотрудники резидентуры Л. П. Василевский и военный разведчик Ста-

ринов [8].

Дети легендарного разведчика Л.Н. Эйтингона в своих воспоминаниях так описывали работу советских военных и чекистов в Испании: «Нельзя не отметить, что деятельность резидентуры НКВД в Испании проходила в исключительно сложных условиях не только потому, что была связана с боевыми действиями на фронтах войны. Другим осложняющим эту работу фактором была активная работа германской разведки» [7, С. 22, 23].

Поздней осенью 1937 года И. Г. Старинов вернулся на Родину. Спустя некоторое время после приезда Старинова принял начальник ГРУ Красной армии генерал С. Г. Гендин, который сообщил Илье Григорьевичу, что он должен доложить о своем участии в испанских событиях лично народному комиссару обороны Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову. Ворошилов высоко оценил заслуги Ильи Григорьевича и рекомендовал его начальству повысить диверсанта в звании и должности. Старинов был награжден орденами Ленина и Красного Знамени, которые позднее были вручены ему М. И. Калининым.

Вскоре Гендин был арестован. Старинова же вызвали в НКВД в качестве свидетеля. Илье Григорьевичу задавали вопросы о месте прохождения службы, об отношениях с теми или иными людьми. На все вопросы Старинов ответил честно: называемых людей знал и выполнял их задания, так как они являлись его прямыми начальниками.

Илья Григорьевич решил обратиться в К. Е. Ворошилову, который тогда был наркомом обороны. Старинов хотел попросить у Ворошилова защиты от безосновательных обвинений, а также донести до наркома свои сомнения. Ворошилов принял его. Сделал звонок Ежову и поручил оставить диверсанта в покое.

Немногим позже комбриг А. Е. Крюков, начальник военных сообщений РККА, вызвал И. Г. Старинова к себе. А. Е. Крюков предложил Илье Григорьевичу стать в округе начальником военных сообщений [11].

Старинов отказался от этого предложения. Но позже стал начальником Центрального

научно-испытательного железнодорожного полигона вдали от крупных городов [11].

С началом в 1939 году Советско-финляндской войны Старинов был командирован в Ленинград. Здесь его назначили старшим особой боевой группы из семи человек, целью которой была организация масштабной работы по разминированию дорог.

20 февраля 1940 года Илья Григорьевич получил ранение, которое оказалось тяжелым. Финский снайпер дважды выстрелил в Илью Григорьевича. Пули вошли в правое плечо и предплечье [РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–1 об.]. После ранения два месяца Старинов находился на лечении.

С началом Великой Отечественной войны необходимо было в кратчайшие сроки организовать работу по подготовке диверсионных кадров. Одну из главных ролей в этом деле сыграл И. Г. Старинов [9].

26 июня 1941 года И. Г. Старинов был командирован на Западный фронт, где ему необходимо было взять под командование нештатную оперативно-инженерную группу для помощи основным войскам. В ведении И. Г. Старинова было четыре подрывника из числа командного состава, три саперных батальона, 6000 противотанковых мин и 25 тонн взрывчатых веществ.

28 июня 1941 года И. Г. Старинов был назначен на должность начальника инженерной группы Ставки Верховного главнокомандования, которая должна была заниматься вопросами заграждений на Западном фронте.

Обстановка на фронте складывалась тяжелая – с отрядами отсутствовала связь. Повреждение советскими диверсантами железобетонных мостов с большим расходом взрывчатки не всегда приносило ожидаемые плоды, так как период был сухой, а небольшие мелководные участки не являлись тяжелой преградой на пути врага.

С течением времени интенсивность наступления неприятеля стала угасать, чем и следовало воспользоваться советским войскам. Немцы проникали на советскую территорию в основном вдоль шоссе и железных дорог, в то время как лесные массивы, болота и

поля по обеим сторонам дорог им не были подконтрольны. В этой ситуации требовалось перевести работу минеров СССР во вражеский тыл – его слабое место.

И. Г. Старинов, обращаясь к командованию, стал настаивать на необходимости подготовки дополнительных кадров для диверсионной работы. Нужно было сформировать группы диверсантов для работы в тылу противника. Проведенные экспериментальные вылазки советских диверсантов показывали эффективность такой работы. Свои идеи он адресовал при встрече первому секретарю ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко, который поддерживал предложения Старинова. Пономаренко обратился к наркому обороны Тимошенко. Маршал Тимошенко согласился с предложениями И. Г. Старинова и приказал создать на Западном фронте оперативно-учебный центр [12].

В начале июля 1941 года И. Г. Старинов сконструировал два образца мин для подрыва железнодорожных путей и составов. Эти мины он продемонстрировал П. К. Пономаренко.

На встрече 11 июля 1941 года Старинов рассказал Пономаренко о необходимости создания специальных партизанских школ. В школах необходимо было преподавать тактику действий в неприятельском тылу. Помимо этого, здесь нужно было бы учить изготавливать, а также уметь устанавливать разнообразные мины разных видов и модификаций. Пономаренко заслушал доклад Старинова и одобрил его. Более того, он попросил Илью Григорьевича в ближайшее время подготовить докладную записку на имя народного комиссара обороны, а также составить проект для будущего приказа.

В задачу оперативно-учебного центра (ОУЦ) входили вопросы подготовки, обмундирования, а также переброски групп партизан и диверсантов в тыл врага.

Вначале подготовка в школе осуществлялась за 5–7 суток. Однако дальше было принято решение увеличить время подготовки диверсантов для более комплексного овладения ими знаниями в сфере военного дела. Срок был увеличен до 10 суток.

ОУЦ начал свою работу 14 июля в городе Рославле Смоленской области, на территории пионерского лагеря. 17 июля 1941 года пришел приказ о передислокации ОУЦ под Гомель по причине взятия немцами Смоленска. Местом размещения школы стала территория обкомовских дач. Здесь в дальнейшем наладилось обучение групп диверсантов в течение 5–7 дней. Будущих диверсантов готовили к применению мин, снабжали экипировкой. После этого уже обученных диверсантов отправляли за линию фронта.

В середине августа 1941 года было принято решение о переносе ОУЦ в Орловскую область. Для обучения здесь будущих партизан в Орёл был откомандирован И. Г. Старинов. Позднее он так вспоминал об этом: «...15 августа 1941 года по указанию т. Пономаренко я выехал с группой в Орёл для организации школы, которая была организована там как дублер оперативно-учебного центра. Орловская школа просуществовала до полного освобождения Орловской области от немецко-фашистских захватчиков. Изначально этой школой руководил...» [6, С. 208].

Организацию и деятельность школы партизан на территории поселка Стрелецкого поддержали областные власти и орловские военные. Для деятельности школы были выделены специальные средства [5, С. 28].

Школа была оформлена как подразделение ОУЦ Западного фронта. Она получила наименование «Орловская школа подготовки пожарных кадров» [7, С. 271]. В историю это подразделение вошло как «школа пожарных». 18 августа 1941 года в школе приступили к подготовке партизан и диверсантов [11].

Школу разместили на территории дач Орловского облисполкома и НКВД в поселке Стрелецком, неподалеку от аэродрома [6, С. 209]. Долгий период времени школа здесь проработать не смогла, так как этот адрес определила немецкая разведка. Поэтому было принято решение перенести школу на территорию фабрики, где производили канаты и шпагат.

Орловский областной Совет выделил 100 тыс. рублей на функционирование школы

по подготовке партизанских кадров. Деньги были выделены за счет средств госстраха по противопожарным и ветеринарным мероприятиям [7, С. 279].

Первый набор учеников школы партизан составил 26 человек. Они прошли обучение на инструкторов. Занятие в школе проводили сотрудники НКВД. Обучали на инструкторов учителей, агрономов, партийных и советских работников, а также сотрудников НКВД.

Школа была рассчитана на 3–5-дневное обучение по подготовке кадров с контингентом ежедневного выпуска по 30–40 человек.

В поселке Белые Берега неподалеку от города Брянска у Орловской школы подготовки партизанских кадров действовал филиал. Здесь школа располагалась в зданиях закрытого Иоанно-Предтеченского мужского монастыря [5, С. 30].

В начале осени 1941 года в «школе пожарников» обучались лица, направленные для подготовки местными обкомами партии из Тулы и Курска. К концу сентября 1941 года школа из-за приближения противника к территории города Орла была переведена в город Елец. Потом немного позже – в город Задонск Орловской области. Филиал в Брянском районе после захвата противником города Орла был ликвидирован.

И. Г. Старинов в сентябре 1943 года проезжал через Орёл, направляясь из Москвы в Харьков. Вот его воспоминания об увиденном в г. Орле: «Первые следы ожесточенных сражений появились вблизи Орла. Орёл пострадал сильно. Иные уголки города нельзя было узнать» [7, С. 314]. При общении с местными жителями Старинову удалось узнать о деятельности диверсионных групп на территории самого города Орла в период оккупации. Тут местные жители и поделились своими наблюдениями о деятельности диверсантов, которые прошли подготовку в «школе пожарных». В частности, рассказали, как взрывались эшелоны, как расстреливались немецкие патрули, а также как уничтожались склады с ГСМ [11].

В августе 1944 года полковник Старинов стал исполнять обязанности начальника штаба Советской военной миссии в Югославии при

Верховном главнокомандующем Народной освободительной армии Югославии (НОАЮ).

После завершения войны осенью 1945 года Старинов стал заместителем начальника 20-го управления железнодорожных войск Советской армии на территории Львова. Здесь И. Г. Старинов руководил разминированием и восстановлением железных дорог. Также Илья Григорьевич в это время принимал участие в борьбе с остатками УПА.

Спустя год И. Г. Старинов стал начальником кафедры тыла Военного института МГБ СССР. После трех лет Илья Григорьевич возглавил оперативно-тактическую группу партизанской борьбы.

В отставку полковник И. Г. Старинов ушел в начале 1956 года [РГВА. Ф. 40973. Оп. 2. Д. 3. Л. 7].

Уже в следующем году Илья Григорьевич начал работу в Институте марксизма-ленинизма на должности старшего научного сотрудника. В тот период времени велась работа по подготовке крупномасштабного издания по истории Великой Отечественной войны. Старинов принял участие в подготовке ряда материалов для этого многотомного труда.

Большой период своей жизни И. Г. Старинов посвятил преподавательской деятельности. С 1964 года он стал преподавать тактику диверсий для офицеров КГБ на Курсах усовершенствования офицерского состава (сокращенно – КУОС). Заметим, что проводил Старинов не только лекции, но и практические занятия на специализированных полигонах. Этой работой он занимался порядка 10 лет [РГВА. Ф. 40973. Оп. 2. Д. 4. Л. 22].

Организация специальных курсов КГБ (КУОС) была произведена для подготовки специалистов-командиров, способных вести диверсионную работу в тылу врага. В дальнейшем выпускники этих курсов вошли в состав знаменитых групп специального назначения, таких как «Вымпел», «Каскад», «Зенит». Старинов передавал свои умения и навыки курсантам в первую очередь в деле инженерной подготовки.

Отметим, что, естественно, функционал курсов не имел спонтанного понятия формиро-

вания. Так, уже в начале Великой Отечественной войны был создан спецназ НКВД. 2-й отдел НКВД, а позднее 4-е управление возглавлял известный разведчик П.А. Судоплатов [1].

16 июня 1969 года Старинов был назначен старшим инженером Высшей краснознаменной школы КГБ при Совете Министров СССР [РГВА. Ф. 40973. Оп. 2. Д. 4. Л. 29 об.].

Приказом КГБ при Совете Министров СССР от 28 июля 1970 года № 0400 Старинов был награжден нагрудным знаком «Почётный сотрудник госбезопасности» № 3934 за достигнутые в работе положительные результаты [РГВА. 40973. Оп. 2. Д. 6. Л. 6].

В 1984 году И. Г. Старинову было присвоено звание профессора.

В возрасте 86 лет в 1986 году Старинов завершил преподавание на курсах КГБ.

Нужно сказать несколько слов о младшем брате И. Г. Старинова – Гаврииле Григорьевиче Старинове [10, С. 48], который был младше на три года. В 1914 году он закончил три класса начального железнодорожного училища в поселке Завидово Клинского уезда. После этого работал слесарем в мастерских торфоразработок, на железной дороге, трудился в хозяйстве своего отца в Болховском уезде Орловской губернии в 1918 году. В июле 1919 года поступил на службу в органы безопасности. Прошел путь от рядового до заместителя начальника республиканского управления КГБ. Гавриил Старинов начал свою чекистскую службу в Орловской губернии, служил в Центрально-Черноземной области, побывал и на Урале, и на юге (в Таджикской ССР и Туркменской ССР), и на западе (в Молдавской ССР и Эстонской ССР). Г. Г. Старинов занимал руководящие должности в Смерше в период Великой Отечественной войны. Был ранен. Отмечен государственными наградами. Помимо службы в органах государственной безопасности, Г. Г. Старинов послужил и в армии, и в ЧОН, и на гражданской службе.

Оба брата стали полковниками – И. Г. Старинов – армейским, а Г. Г. Старинов – полковником госбезопасности, и оба получили звание «Почетный сотрудник госбезопасно-

сти».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Невероятная биография И. Г. Старинова наполнена событиями целого столетия. За свой огромный жизненный путь Илья Григорьевич принял участие в ряде военных конфликтов, прошел путь от рядового до полковника. Начав службу в Красной армии в 1918 году, Старинов проявил интерес к подрывному делу. Этот интерес и природный талант определили его дальнейшую судьбу. Он зарекомендовал себя грамотным военным инженером и знатком минного дела. Ещё в годы Гражданской войны он принимал участие в диверсионных делах. После завершения Гражданской войны Старинов продолжил служить Родине. Он получил специальное образование военного инженера, которое сразу же применил в период службы в Украинском военном округе. Затем была командировка в Испанию. Здесь Старинов изобрел новые мины, применил их на практике, повредив десятки инженерных объектов франкистов. За активную деятельность в Испании под псевдонимом «Родолфо» Старинов приобрел непререкаемый авторитет и известность. Командировка в Испанию и профессиональный успех на диверсионном поприще позволили Старинову оказаться вне массовых репрессий конца 30-х гг. XX века.

В годы Великой Отечественной войны И. Г. Старинов совместно с сотрудниками органов безопасности занимался подготовкой кадров для партизанской борьбы. Нужно заметить, что именно ему принадлежала идея создания на начальном этапе войны школ по подготовке партизанских и диверсионных кадров. В школах были подготовлены сотни инструкторов и еще больше рядовых участников партизанских отрядов.

Старинову довелось руководить организацией партизанского движения не только на территории Советского Союза, но и за его пределами; организовывать работу на территории Югославии.

В период окончания войны и после капитуляции Германии И. Г. Старинов руководил

вопросами разминирования в Германии, а затем и на Западной Украине.

После выхода в отставку И. Г. Старинов посвятил себя преподаванию. Богатый практический опыт передавался Стариновым новым кадрам органов государственной безопасности.

Библиография / References:

1. 2-й отдел НКВД СССР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <https://specsluzhby-all.ru/sss/nkvd-2-otdel/> (дата обращения: 17.02.2023).

2. История создания органов государственной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history.htm> (дата обращения: 14.02.2023).

3. Малиновская М.Н., Эйтингтон Л.Н. На предельной высоте. – Великие Луки, 2009. – 225 с.

4. Меркулов А.В. И. Г. Старинов и подготовка кадров для мировой революции в 1933–1935 гг. // Управленческое консультирование. – 2017. – № 12 (108). – С. 218–226.

5. Меркулов А.В. И. Г. Старинов и орловская школа партизанских кадров // Вестник государственного и муниципального управления. – 2018. – Т. 7. – № 4. – С. 24–32.

6. Меркулов А.В. Личность как олицетворение подвига народа в период Великой Отечественной войны (Неизвестные подробности деятельности И. Г. Старинова в орловской школе партизанских кадров в 1941–1944 гг.) // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 2. – С. 206–210.

7. Меркулов П.А. Гений взрыва: судьба на фоне эпохи: научная монография. – Орёл: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2020. – 624 с.

8. Очерки истории российской внешней разведки. Том 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: [https://coollib.com/b/337671-yuliy-nikolaevich-kobyakov-ocherki-istorii-rossiyskoy-vneshney-](https://coollib.com/b/337671-yuliy-nikolaevich-kobyakov-ocherki-istorii-rossiyskoy-vneshney-razvedki-tom-3/read)

[razvedki-tom-3/read](https://coollib.com/b/337671-yuliy-nikolaevich-kobyakov-ocherki-istorii-rossiyskoy-vneshney-razvedki-tom-3/read) (дата обращения: 15.02.2023).

9. Разведчики и резиденты ГРУ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: https://modernlib.net/books/kochik_valeriy/razvedchiki_i_rezidenti_gru/read/ (дата обращения: 16.02.2023).

10. Соколов М.В., Меркулов А.В. Орловский чекист Гавриил Старинов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2020. – Т. 9. – № 4. – С. 44–57.

11. Старинов И.Г. Записки диверсанта // Альманах «Вымпел». – 1997. – № 3. – 438 с.

12. Старинов И.Г. Солдат столетия / Под общей редакцией И.И. Комаровой. – М.: Издательство «Теория и практика государственного переворота», 2002. – 162 с.

13. Шарапов Э.П. Наум Эйтингтон – карающий меч Сталина. – СПб.: Нева, 2003. – 192 с.

1. 2-y otdel NKVD SSSR. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: <https://specsluzhby-all.ru/sss/nkvd-2-otdel/> (data obrashcheniya: 17.02.2023). (In Russ.).

2. Istoriya sozdaniya organov gosudarstvennoy bezopasnosti. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history.htm> (data obrashcheniya: 14.02.2023). (In Russ.).

3. Malinovskaya M.N., Eytington L.N. (2009) Na predel'noy vysote. – Velikiye Luki. – 225s. (In Russ.).

4. Merkulov A.V. I.G. Starinov i podgotovka kadrov dlya «Mirovoy revolyutsii» v 1933–1935 gg. // Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. – 2017. – №12(108). – S.218–226. (In Russ.).

5. Merkulov A.V. I.G. Starinov i orlovskaya shkola partizanskikh kadrov // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2018. – T.7. – №4. – S.24–32. (In Russ.).

6. Merkulov A.V. Lichnost' kak olitsetvoreniye podviga naroda v period Velikoy Otechestvennoy voyny (Neizvestnyye podrobnosti deyatel'nosti I.G. Starinova v orlovskoy shcole partizanskikh kadrov v 1941-1944 gg.) // Vlast'. – 2019. – T. 27. – №2. – S.206–210. (In Russ.).

7. Merkulov P.A. Geniy vzryva: sud'ba na fone epokhi: nauchnaya monografiya. – Orol: Izdatel'stvo Srednerusskogo instituta upravleniya – filiala RANKhiGS, 2020. – 624s. (In Russ.).

8. Ocherki istorii rossiyskoy vneshney razvedki. Tom 3. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: <https://coollib.com/b/337671-yuliy-nikolaevich-kobyakov-ocherki-istorii-rossiyskoy-vneshney-razvedki-tom-3/read> (data obrashcheniya: 15.02.2023). (In Russ.).

9. Razvedchiki i rezidenty GRU. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: https://modernlib.net/books/kochik_valeriy/razvedchiki_i_rezidenti_gru/read/ (data obrashcheniya: 16.02.2023). (In Russ.).

10. Sokolov M.V., Merkulov A.V. Orlovskiy chekist Gavriil Starinov // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2020. – T.9. – №4. – S.44–57. (In Russ.).

11. Starinov I. G. Zapiski diversanta // Al'manakh «Vypel». – 1997. – №3. – 438s. (In Russ.).

12. Starinov I.G. Soldat stoletiya / Pod obshchey redaktsiyey I.I. Komarovoy. – M.: Izdatel'stvo Teoriya i praktika gosudarstvennogo perevorota, 2002. – 162s. (In Russ.).

13. Sharapov E.P. Naum Eytingon – karayushchiy mech Stalina. – SPb.: Neva, 2003. – 192s. (In Russ.).

УДК 93/94: 930 (XX в.)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-2-21-30

ЛИВЦОВ Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, зам. директора, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, (Россия, Орёл), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru, AuthorID: 367835

LIVTSOV V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management, Branch of the RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru

САРАН Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, зам. начальника Управления научной работы, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru, AuthorID: 690485

SARAN A.Yu., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Scientific Work, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

ПОЧЁТНЫЙ ЧЕКИСТ ИЛЬЯ СТАРИНОВ И СОВЕТСКАЯ УКРАИНА В 1920–1940-Е ГГ.

HONORABLE CHEKA OFFICER ILYA STARINOV AND SOVIET UKRAINE 1920-1940

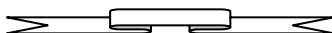
Аннотация. Целью данной статьи является исследование деятельности почётного чекиста, сапёра, диверсанта и партизана – полковника Ильи Григорьевича Старинова (1900–2000 гг.), который несколько десятилетий из своей столетней биографии был связан с Советской Украиной. Здесь он получал первые профессиональные навыки сапёра, подрывника, здесь он участвовал в борьбе с украинскими националистами в 1920–1940-е годы, здесь он готовил украинских партизан и в годы Великой Отечественной войны руководил их боевой работой. Харьковская диверсионная операция, подготовленная и проведенная под руководством И. Г. Старинова в октябре – ноябре 1941 года, вошла в учебники по диверсионной работе. Исследование сделано на основании широкого круга исторических источников. При исследовании использовались как общенаучные, так и специальные исторические методы. Авторы приходят к выводам, что деятельность И. Г. Старинова в Украинской ССР стала базой для дальнейшего развития его методик минно-подрывной и диверсионной работы, которая в полную силу была развернута уже в ходе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Илья Григорьевич Старинов, сапёр, диверсант, партизан, Советская Украина, Главное разведывательное управление Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной армии.

Abstract. The purpose of this article is to study the activities of the honorable CHEKA officer, sapper, saboteur and partisan Colonel Ilya Grigoryevich Starinov (1900-2000), who for several decades from his century-old biography was associated with Soviet Ukraine. In Ukraine he received his first professional skills as a sapper, a bomber and he participated in the fight against Ukrainian nationalists in the 1920s and 1940s. He trained Ukrainian partisans and led their combat work during the Great Patriotic War. Kharkov sabotage operation, prepared and conducted under the leadership of I. G. Starinov in October – November 1941, entered the textbooks on sabotage work. The work is based on a wide range of historical sources. Both general scientific and special historical methods are used in the study.

As a result, the authors come to the conclusion that the activity of I. G. Starinov in the Ukrainian SSR became the basis for the further development of his methods of mine-blasting and sabotage work, which was fully deployed already during the Great Patriotic War.

Keywords: Ilya Grigoryevich Starinov, sapper, saboteur, partisan, Soviet Ukraine, Main Intelligence Directorate of the General Staff of the Workers' and Peasants' Red Army.

ВВЕДЕНИЕ

Полковника Илью Григорьевича Старина (1900–2000 гг.) называют легендой российского спецназа. Уроженец Орловской губернии выбрал военную карьеру и стал выдающимся сапёром и диверсантом. Его знания, умения и таланты оказались востребованы армией, органами внутренних дел, а также структурами государственной безопасности Советского Союза и Российской Федерации.

Приказом Комитета государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР от 28 июля 1970 года № 0400 Илья Григорьевич Старин был награжден нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» № 3934 «за достигнутые положительные результаты в работе» [9, Л.6]. Эта ведомственная награда стала результатом почти полувекового к тому времени сотрудничества Ильи Григорьевича с органами государственной безопасности.

Долгая служебная карьера И. Г. Старина не раз забрасывала его на Украину. Знаковым событием стал тот факт, что 9 января 1923 года Илья получает мандат Государственного политического управления (ГПУ) при Совете народных комиссаров Украинской ССР, подписанный замначальника административно-организационным управлением Рубинштейном, о том, что И. Г. Старин находится на службе в ГПУ в должности сотрудника для поручений при Управлении погранохраны и имеет право на ношение «всякого рода оружия» [6, Л.2].

При этом с 18 ноября 1922 года по апрель 1923 года он значился старшим рабочим путевой роты 4-го железнодорожного полка, который квартировал на территории Киева [7, Л. 2], а с 5 мая 1923 года официально был назначен начальником подрывной команды роты.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1923 год ознаменовался для Старина тем, что, находясь в должности начальника подрывной команды путевой роты упомянутого полка в Киеве, он овладел украинским языком [7, Л. 1].

И. Г. Старину как начальнику подрывной

команды вменялось противодействие диверсантам, которые осуществляли подрывы железнодорожных мостов самодельными взрывными устройствами (СВУ). Подрывной команде нужно было найти способ предотвратить диверсии такого типа, не дать возможности врагам ставить мины в первую очередь на маленьких мостах (так как не хватало человеческих ресурсов для охраны именно таких сооружений).

Советским войскам в начале 1920-х гг. на Советской Украине противостояли диверсанты, в том числе из Украинской войсковой организации (УВО), которые действовали с территории Чехословакии и Польши. Националистами-диверсантами руководил вначале Е. Петрушевич, а затем Евген Коновалец, которого в 1938 году устранил один из крупнейших диверсантов XX века П. А. Судоплатов. Отметим, что судьба не раз сводила вместе И. Г. Старина с Павлом Анатольевичем и в военные, и в мирные годы. В частности, выпускник КУОС, сотрудник группы «Вымпел» КГБ СССР подполковник Э. С. Абдулаев рассказывает о праздновании 9 Мая 1982 года: «...на День Победы пригласили на КУОС убежденных сединами ветеранов: Старина И. Г., Судоплатова П. А., Ботяна А. Н., Орлова А. А. Много интересного они рассказали. Одно дело – читать приукрашенные отчеты о проведенных операциях, другое дело – услышать из первых уст, как было на самом деле. И это была замечательная традиция КУОСа соблюдать преемственность поколений...» [1].

Украинская военная организация была серьезной структурой – к 1922 году в её составе находилось 1500–2000 человек. В 1929 году именно на основе УВО создают ОУН – Организацию украинских националистов, которая дожила до наших дней и активно участвовала в процессе фашизации современной Украины.

Подрывная команда И. Г. Старина занялась изготовлением мин-ловушек, изобретенных самим Ильёй Григорьевичем, которые, будучи установленными на объектах, где не было постоянных постов охраны, срабатывали, если кто-то проникал в зону заминированного сооружения. Эти мины-ловушки не убивали человека, а только оглушали его, а также привлекали внимание

охраны соседних объектов. Применение таких мин показало их высокую эффективность – ряд контуженных диверсантов был задержан, а число диверсий уменьшилось. Несколько таких сработавших ловушек отбили у бандитов желание минировать железнодорожные объекты. Успешные действия красных подрывников были отмечены благодарностью командующего войсками Киевского военного округа Ионы Якира.

В 1926 году И. Г. Старинов с присущим ему рвением взялся за выполнение новой задачи. Он активно участвует в обследовании заблаговременных минных устройств на мостах Юго-Западной железной дороги Украинского военного округа [10, Л. 1]. Напомним, что все мероприятия в рамках той работы курировал И. Э. Якир, которого Старинов очень высоко ценил, отзываясь о командующем еще более восторженно, чем он отзывался о Н. Махно и Л. Троцком. Он охотно вспоминал «приветливую улыбку», «спокойный голос» и «дружеские рукопожатия» Якира.

Вот что писал Илья Григорьевич в своих многочисленных мемуарах: «В Харькове я впервые встретился с командующим войсками Украинского военного округа И. Э. Якиром. Я был тогда командиром 7-й роты 4-го Краснознаменного Коростенского железнодорожного полка. Встреча произошла во время разработки плана заграждений на Юго-Западной железной дороге. Очень внимательный, обаятельный был он человек, глубоко вникающий в дело... Якир был всегда подтянут, аккуратен, пунктуален» [12].

И. Г. Старинов продолжил работу в составе комиссии, проводившей осмотр приграничных районов. Эта деятельность осуществлялась несколько месяцев. Тогда же случился эпизод с находкой старого, начавшего разлагаться динамита, ранее заложенного для возможного подрыва моста близ станции Мозырь. Этот драматичный эпизод, связанный со сложным разминированием, из-за чего было приостановлено движение железнодорожных составов, Илья Григорьевич позднее описал в своих мемуарах.

Эти события были связаны с периодом деятельности И. Г. Старинова против диверсантов, в том числе и украинцев, которые действовали из-за рубежа против Советской Украины.

В 1929 году начинается новый период в про-

фессиональной деятельности И. Г. Старинова. Молодого, но исполнительного, изобретательного и лояльного начальника подрывной команды – будущего «бога диверсий» – привлекли к педагогической работе, а именно к обучению диверсантов-подпольщиков. Теперь ему требовалось перестроиться с задачи охраны объектов в советском тылу с позиций сапёрного дела на задачу разрушения объектов противника минно-взрывными способами. В киевской партизанской школе Кочегарова 29-летний Старинов участвует в подготовке красных украинцев-диверсантов, чье предназначение заключалось в выводе из строя железнодорожных мостов или участков железнодорожного пути на территории противника, а в случае захвата противником части территории Советского Союза – и на своей земле. На Украине у Старинова нарабатывается опыт не только в сапёрном, но и в диверсионном деле.

Вскоре следует новое повышение в виде службы в одном из отделов в Главном разведывательном управлении (ГРУ) при Генеральном штабе Рабоче-крестьянской Красной армии. Впрочем, служба проходила не столько в Москве, сколько на западных границах Советского Союза, в первую очередь опять-таки на Советской Украине. Тогда в соответствии со стратегическими планами советского руководства закладывалась целая сеть секретных баз для разворачивания массового партизанского движения. Сеть охватывала как территорию СССР, так и сопредельные страны. На базах размещались запасы оружия, боеприпасов, взрывчатки. В этой связи И. Г. Старинов частенько наведывался в Харьков, в штаб округа, для изучения различной документации. Работа была архиважная, поэтому вызывала самое пристальное внимание со стороны командующего Киевским военным округом И. Э. Якира. В конце 1929 года работа по созданию секретных партизанских баз была завершена.

Теперь противник в случае вторжения на территорию западных регионов Советского Союза не смог бы действовать без значительных потерь, в первую очередь в системе логистики, и ему пришлось бы задействовать существенные ресурсы на восстановление железных дорог, мостов и прочих ключевых логистических объек-

тов. Система охраны и вывода из строя всех таких объектов была по указанию Якира и при активном участии И. Г. Старинова тщательно разработана и проверена. Он лично, следуя установившейся практике, проинспектировал большое количество объектов, чтобы убедиться, насколько верны заключения специалистов.

Среди командиров подрывников присутствовал и Старинов. Учебные минно-подрывные мероприятия были проведены в целом удовлетворительно. Якир в основном остался доволен работой минеров. К недочетам он отнесся с пониманием, хотя никогда не слыл «добрячком». Сам Старинов считал, что командующий знал цену армейской дисциплине, поэтому, предъявляя свои требования к подчиненным, делал это так, что «каждый чувствовал, что имеет дело не просто с «большим начальником», а со старшим, умудренным жизнью человеком».

Год спустя комиссия из Москвы повторно проверила участки Юго-Западной железной дороги на территории Советской Украины, находящиеся в приграничной зоне, с точки зрения готовности обустройства заграждений и отработанности нанесения разрушений. Готовность оказалась на более высоком уровне.

При участии И. Г. Старинова в Киевском военном округе подготовили более полусотни подрывных спецкоманд в составе 1400 сапёров-диверсантов, заложили немало складов с готовыми минами, взрывчатыми веществами и вспомогательным оборудованием.

В то же время перед специалистами минно-подрывного дела ставились и иные задачи, требовавшие использования таких взрывных технологий, чтобы выведенные из строя пути сообщения при освобождении можно было бы быстро восстанавливать. И в решении этой задачи главную роль должны были играть мины замедленного действия (МЗД).

В начале 1930 года Старинова вызвали в столицу Советской Украины – Харьков, в штаб Киевского военного округа. Здесь он был принят Густавом Ивановичем Бааром – начальником одного из отделов [11]. После короткой ознакомительной беседы прошло не так много времени, и И. Г. Старинов 15 февраля 1930 года был отозван из состава 4-го Коростенского краснозна-

менного железнодорожного полка. Он был переведён в распоряжение 4-го (разведывательного) управления Штаба РККА [7, Л.2] и прикомандирован к 4-му (разведывательному) отделу штаба Украинского военного округа, который организовывал подготовку партизанской войны. Работа шла по линии 5-го отдела 4-го управления Генштаба РККА. Начальником отдела в штабе Киевского военного округа являлся упомянутый выше Густав Иванович Баар¹.

Баар обозначил круг задач, решать которые как раз и был приглашен Старинов. Речь шла о подготовке партизанских кадров, и Илье Григорьевичу предстояло учить уже достаточно опытных красноармейцев подрывному делу [10]. Конкретизировал Старинову ситуацию уже знакомый ему на тот момент командующий Украинским военным округом Иона Якир, сделавший акцент на том, что преподавать необходимо так, чтобы опытные красноармейцы не разочаровались.

¹ Баар Густав Иванович (1892–1938). Латыш. Из рабочих. Полковник (17 января 1936 г.). В РККА с 1918 г. Член компартии с мая 1917 г. Окончил разведывательные курсы при РУ Штаба РККА (1921 г.), штабное отделение Курсов усовершенствования высшего состава при Военной академии им. М. В. Фрунзе (1926–1927 гг.), особый факультет той же академии (1933–1935 гг.). На службе с 1915 г. Участник Первой мировой войны. Участник Гражданской войны. Воевал на Польском фронте, против войск П. Н. Врангеля. Начальник регистрационного отдела штаба 4-й армии (июнь 1920 г. – февраль 1921 г.), инспектор РУ Штаба РККА, заместитель начальника регистрационного отдела штаба 16-й армии, заведующий румынским сектором информационно-статистического отдела РУ штаба всех Вооруженных сил Украины и Крыма (февраль – октябрь 1921 г.). Организатор партизанских отрядов (1920–1922 гг.). Начальник разведотдела штаба Харьковского ВО (октябрь 1921 г. – июнь 1922 г.), уполномоченный Разведупра штаба всех Вооруженных сил Украины и Крыма, начальник приграничного разведывательного пункта № 3 того же РУ (июнь 1922 года – май 1923 года), начальник Разведотдела штаба Украинского ВО (май 1923 г. – ноябрь 1933 года). Один из руководителей подготовки в УВО партизан и разведчиков на случай войны (1929–1933 гг.). В распоряжении Разведупра РККА (декабрь 1935 г. – январь 1938 г.). Арестован 27 января 1938 года. Расстрелян 3 октября 1938 года. Реабилитирован 25 июня 1957 года.

Им, по мнению И. Э. Якира, необходимо было давать как можно больше новой информации, учитывая, конечно, тот факт, что тактику непосредственно партизанской войны они знали куда лучше Ильи Григорьевича. Поэтому требовалось проявить достаточную долю уважения, чтобы не задеть самолюбие этих бывалых людей. Якир не преминул отметить, что обучение должно проходить с соблюдением секретности.

В связи с необходимостью достижения курсантами универсализма в подготовке партизандиверсантов командование обязывало преподавателей совершенствовать методы обучения уже известным способам ведения партизанской борьбы и одновременно искать возможности освоения новых достижений по отработке приемов обеспечения более высокой маневренности и эффективности партизанских подразделений с учетом решения задач их своевременного материального снабжения. Наш герой проработал в подразделении ГРУ Генштаба РККА до августа 1933 года [9, Л.1, 21].

Он был привлечен к преподаванию подрывного дела в специальных партизанских школах, кадры для которых подбирали обкомы КП(б)У и ЦК КП(б)У. В Киеве было две такие школы, где Старинов преподавал, существовали школы также в Винницкой (на сахарном заводе) и в Харьковской областях, были школы и в Одессе.

В этих школах Илья Григорьевич впервые увидел настоящих партизан Гражданской войны 1918–1922 годов, которые воевали под командованием Сергея Лазо, Николая Щорса, Александра Пархоменко, Григория Котовского.

В Винницкой области в партизанской школе подобралась даже особая группа «котовцев». Среди них были Кириченко и Слива (командир кавалерийского эскадрона; один из первых награжденных двумя орденами Красного Знамени). Обучалась и молодежь, которая, видимо, была собрана по рекомендациям ветеранов, обладавших очень богатым, разносторонним опытом подготовки.

На Старинова, как он сам вспоминал позднее, было возложено обучение всей названной публики только подрывному делу. Он готовил их так же, как делал это у себя в полку. Но, как признавался сам «гений взрыва», он сразу увидел, что для них

наработанные методы совершенно не пригодны.

Илья Григорьевич рассказывал: «...мы выезжали на практические занятия на мосты, и на минирование у нас уходило около двух часов. Поэтому нам необходимо было резко уменьшить время, так как никто не даст два часа сидеть на мосту. И я предложил им в основном переходить на ускоренный способ подрыва железнодорожных мостов, и мы начали заниматься вопросами массового крушения поездов...» [9, Л.1, 21].

Зимой 1930–1931 годов Старинов столкнулся с проблемой — классические железнодорожные мины нужно было закапывать под рельсы, что в зимних условиях было очень сложно. Нужны были новые мины, которые можно было бы устанавливать снаружи, не производя трудоёмкий подкоп. Работать нужно было быстро, поэтому той же зимой будущий «бог диверсий» создает несколько важнейших изобретений, среди которых самыми значимыми были колесный замыкатель, взрыватель с детонирующим шнуром и универсальный взрыватель (УВ). Последний представлял собой цилиндр, внутри которого имелся ударник, накалывающий при помощи пружинки капсюль-воспламенитель.

Работая в своей лаборатории, Старинов (неустанно источающий идеи и удивительно трудоспособный) написал инструкцию для партизандиверсантов по подрывному делу, а также по осуществлению поджогов.

В 1931 году Старинов принимал участие в больших маневрах в Ленинградском военном округе совместно с другими партизанами (около 60 человек украинских партизан). Старинов о встрече с Примаковым в 1932 году на учениях Ленинградского военного округа позднее напишет: «Встречался с ним в сентябре 1932 года на учениях войск Ленинградского военного округа под Ленинградом. Я участвовал в качестве руководителя диверсионной группы украинских партизан. Встретился он со своими бывшими участниками Гражданской войны, тогдашними слушателями нашей украинской школы, которые осваивали диверсионную технику. Он был исключительно рад нашей встрече, много беседовал с нами, вспоминал Гражданскую войну. Интересовался минами, хвалил их. Держался просто и с командирами, и с солдатами. Был очень опрятно одет, выглядел

очень подтянутым, с хорошей выправкой. Впечатление от него с годами не поблекло, хотя он был лишь одним из многих военачальников, с которыми мне пришлось встречаться»¹.

Предпринятые меры по всем выявленным проблемам возымели действие и дали быстрые положительные результаты. Так, уже в 1932 году на украинских маневрах все установленные мины успешно взорвались, пустив под откос две специально выделенные для учений платформы, как и было запланировано в рамках учебных диверсионных мероприятий.

В 1932 году перед укрепрайонами на западной границе заложили тайные склады, предназначенные для снабжения партизанских отрядов, которые должны были разворачиваться в случае вторжения врага на Советскую Украину.

Однако итоги столь масштабной, целенаправленной, затратной работы с участием И. Г. Старинова оказались не востребованы. Учитывая неоднозначность и противоречивость подходов к стратегии и тактике вооруженных сил страны, а также к вопросам их модернизации и оснащения, в 1933 году партизанские склады были ликвидированы. Старинова по этому поводу даже допрашивали, считал ли он это дело вредительством или нет. Он же полагал, что если есть укрепрайоны, на создание которых потрачены миллиарды народных денег, то их нужно защищать от вероятного противника. Однако и эти мысли не нашли поддержки у руководства страны и армии, которые переходили к доктрине короткой наступательной войны на чужой территории и отрицали саму возможность агрессии против СССР.

¹ Примаков Виталий Маркович (1897–1937 гг.) – командир (1935 г.). В Гражданскую войну командовал корпусом Червоного казачества. В 1924–1925 гг. – начальник Высшей кавалерийской школы в Ленинграде. В 1925–1926 гг. – советник в Китае. Военный атташе в Афганистане (1927–1929 гг.). Военный атташе в Японии (1930 г.). В 1931–1932 гг. командовал 13-м стрелковым корпусом Приволжского ВО. В 1932–1934 гг. – замкомандующего Северо-Кавказским ВО, затем заминспектора высших военно-учебных заведений Штаба РККА. С мая 1936 году – командующий войсками Ленинградского ВО, член Военного совета при наркомате обороны СССР. В 1937 году расстрелян. Реабилитирован (1957 г.).

В течение 1937–1938 годов была уничтожена вся система подготовки к партизанской войне, ликвидированы партизанские школы, а сотрудников Генштаба, НКВД, секретарей обкомов компартии, занимавшихся организацией подготовки к партизанской войне, просто репрессировали – они были расстреляны или оказались в лагерях. Партизанские отряды расформировали [2]. И. Г. Старинова спасла от репрессий боевая командировка в Испанию, где он принял активное участие в борьбе с фашизмом, талантливо применяя и развивая полученные на Советской Украине диверсионные навыки, а также получая непосредственно боевой партизанский опыт, которого ему не хватало.

И. Г. Старинов в годы Великой Отечественной войны вновь оказался на Советской Украине. 13 июля – 25 сентября 1941 года он находился в должности начальника оперативно-инженерной группы (ОИГ) заграждений Ставки Верховного главнокомандования на Западном фронте. Им было инициировано создание оперативно-учебного центра (ОУЦ) для того, чтобы подготовить, сформировать, вооружить и перебросить в тыл врага диверсионные и организаторские партизанские группы [5, Л. 73, 80]. ОУЦ стал своего рода возрождением опыта партизанских школ рубежа 1920–1930-х годов.

Для производства мин в мастерских ОУЦ потребовались материалы из Киева. В Киеве Илью Григорьевича принял М. А. Бурмистенко, второй секретарь ЦК Компартии Украины, который просил Старинова остаться для организации работы местной партизанской школы. Наутро он принёс в ЦК список украинских партизан и специалистов-подрывников. Бурмистенко заверил, что их поиск начнется немедленно, и поинтересовался о снабжении полковника необходимыми деталями для минного производства. По просьбе Н. С. Хрущева и Бурмистенко в Гомеле были подготовлены кадры для киевской школы и создана сама школа в Киеве.

ОУЦ Западного фронта с филиалами подготовил к началу 1942 года более 4500 сапёров, диверсантов и командиров для партизанских отрядов Украины, а также Белоруссии, Орловской, Московской и других областей РСФСР. Все они были полностью экипированы и вооружены, в том числе минами.

И. Г. Стаинов в конце мая 1942 года пишет на имя И. В. Сталина докладную записку «О целесообразности и необходимости организации специального штаба партизанского движения. Центральный и Украинский штабы партизанского движения были организованы одновременно в июне месяце 1942 года» [9, Л. 19]. Вскоре после сталинского приказа и обращения к Вознесенскому, 8 сентября 1942 года, Стаинова назначили помощником начальника Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) по диверсиям [9, Л. 20].

1 августа 1942 года полковник тов. Стаинов назначается начальником Высшей оперативной школы особого назначения (ВОШОН) при ЦШПД, а в сентябре 1942 года одновременно назначается помощником начальника Центрального штаба партизанского движения по технике, где ведёт работу по модернизации имеющейся и созданию новых образцов минно-взрывной техники, готовит высококвалифицированные кадры инструкторов минного дела.

В марте 1943 года у Стаинова новая должность – член Военного совета Южного фронта и представитель Украинского штаба партизанского движения (УШПД) на Южном фронте. В следующем месяце – апреле – его назначают замначальника УШПД, и Стаинов ведёт большую работу по своей партизанско-диверсионной линии, а также выполняет ряд спецзаданий ЦК КП(б) Украины.

Весной 1943 года в Центральном штабе произошли изменения. Украинский штаб партизанского движения был непосредственно подчинен Ставке Верховного главнокомандования и руководился ЦК КП(б) Украины.

Особым эпизодом в боевой биографии И. Г. Стаинова стала Харьковская диверсионная операция – крупнейшая диверсионная операция первого, оборонительного этапа Великой Отечественной войны. Ставкой Верховного главнокомандования во второй половине 1941 года решено было оказать помощь Юго-Западному фронту – для обороны Харькова планировалась массированная постановка минно-взрывных заграждений, а также минирование и подрыв всех стратегических объектов города в случае его захвата неприятелем.

Для этого решено было сформировать специальную оперативно-инженерную группу под руко-

водством И. Г. Стаинова, которого по всем этим вопросам вызывали в Ставку, где его принял начальник Генштаба РККА маршал Б. М. Шапошников, разъяснивший ситуацию на Юго-Западном фронте.

1 октября 1941 года вместе со Стаиновым в Харьков прибыла группа из 15 командиров со своими подразделениями инженерных войск, инструкторы из старинского оперативно-учебного центра и военинженер В. И. Ястребов со своими сотрудниками и 30 радиоминами.

А. Гитлер заявил 28 июля, что для Германии «промышленный район вокруг Харькова важнее, чем Москва» [10, Л. 5], а потому на этом направлении были сосредоточены существенные вражеские силы. Положение становилось угрожающим.

План минирования города был согласован с генерал-майором Г. Г. Невским, одобрен командующим фронтом Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко и согласован с членом Военного совета Н. С. Хрущевым, который рекомендовал добавить побольше ложных мин. Впоследствии оказалось, что это было весьма ценным дополнением к плану минирования столицы Советской Украины – Харькова.

В ходе проведения диверсионных работ выявилась вражеская агентура. По докладам это выражалось в нанесении зарубок на стволы деревьев рядом с местами постановки мин, сламывании веток (командир группы сержант П. Г. Шедов) и т. п. Стаинов приказал наказать вражеских лазутчиков обязательной постановкой мин-сюрпризов. С других участков минирования также последовали сообщения от солдат, сержантов и офицеров об обнаружении подобных знаков [4]. Руководство операцией тотчас приняло меры к тому, чтобы дезориентировать соглядатаев противника: увеличили количество ложных мин, надежнее маскировали боевые, вынуждали неприятеля при возможном разминировании разделять силы, притупляли бдительность и уничтожали обнаруженных немецких диверсантов.

Предельную осторожность подрывники Стаинова проявляли при установке радиоуправляемых мин. В конце 1920-х годов наш «гений взрыва» присутствовал при испытании подобного устройства, сконструированного талантливым советским инженером В. И. Бекаури, но в итоге

сам стал первым человеком, применившим этот способ в условиях военных действий.

3 октября руководством было принято решение о минировании сооружения по адресу: Дзержинского, 17 – особняка в центре города, возведенного для первого секретаря ЦК КП(б) Украины, в котором жил Н. С. Хрущев [4]. 12 октября особняк был замысловато заминирован – основной заряд большой мощности с радиоминой поместили в глубокий колодец в котельной под объектом, сверху прикрыв вход кучей угля. Пол также был заминирован, а в угле была спрятана мина с системой антиобезвреживания. Два последних заряда были ложными объектами, задачей которых было отвлечь внимание сапёров противника от радиомины, которой отводилась ключевая роль. Сотрудники охраны особняка, посетив котельную для проверки состояния оставляемого помещения, разумеется, обратили внимание на потолок. Однако стены, пол (скрывавший 350 кг тола) и куча угля со спрятанной в нем «блесной» подозрений не вызывали.

Враг приближался, в 20-х числах октября 1941 года бои с немцами начались уже в пригороде. Харьков был занят противником, а 13 ноября 1941 года И.Г. Старинову поступил приказ Военного совета взорвать все 30 радиомин, установленных в г. Харькове в октябре. На следующий день с радиостанции широкого вещания, располагавшейся в Воронеже, были переданы мощные радиосигналы. Любопытно, что уже в 1960-е годы в ежедневной газете Сибирского военного округа «Советский воин» в выпуске от 12 июля 1967 года в свет вышла статья, содержащая сведения о том, что радист, осуществивший передачу радиосигнала, не знал о назначении сигналов [3].

В тот же день самолёт-разведчик вернулся с фотоснимками районов Харькова, представляющих интерес для Военного совета. Фотографии выявили детонацию радиомин со значительной эффективностью, однако дом № 17 на улице Дзержинского в объектив вообще не попал, а сам великий диверсант узнает о результатах своей работы лишь значительное время спустя.

Подробности ситуации с интересующей миной Старинову сообщил немецкий капитан

Карл Гейден, взятый в плен и занимавшийся разминированием заветного дома: радиомины благополучно подняли в воздух штаб 68-й пехотной дивизии и особняк на улице Дзержинского, 17, вместе с Георгом фон Брауном, родным братом Вернера фон Брауна – строителя самолетов-снарядов ФАУ, заодно уничтожив неудачную пропаганду вермахта о неквалифицированных русских минерах [13].

В Харькове творился «суший ад». Повсюду ревели смертоносные взрывы, в небо взметалось пламя вперемежку с землей, остатками строений и рваниной, оставшейся от человеческих тел. Смерть и разрушение царили повсюду. К вечеру 14 ноября, придя в себя от испытанного ужаса и шока, немцы устроили расправу над мирным населением оккупированного города: повесили 50 и расстреляли 200 жителей Харькова. Это была ужасающая цена, которую заплатили невинные люди за операцию, успешно проведенную советскими диверсантами. Такова была обратная, темная сторона диверсионно-партизанской деятельности: на гибель своих солдат и офицеров нацисты всегда отвечали массовыми казнями мирного населения. В случае с диверсионной операцией, проведенной группой Старинова и получившей название «Западня», гибель харьковчан стала одной из многочисленных страшных жертв среди мирных людей, заплативших своими жизнями за Великую Победу над фашизмом.

Вскоре, после того как в Харькове отгремели взрывы, прошли карательные расправы над населением, а то, что осталось от погибших, было похоронено, семья фон Браунов в Германии получила урну, в которой вместо праха генерала лежало несколько горстей украинской земли из воронки, оставшейся от взорванного дома [10, Л. 5].

Известно, что на одном из совещаний, проводимых А. Гитлером, ему доложили обстоятельства смерти генерала фон Брауна и гибели всего штаба 68-й армии вермахта. Фюрер также навел справки об исполнителе – Старинове, после чего поручил Геббельсу разработать фальшивые компрометирующие Илью Григорьевича материалы и довести эти сведения до русской контрразведки, а также назначил награду за его уничто-

жение в размере 1 000 000 рейхсмарок.

При отходе от города было оставлено 1302 МЗД как в его границах, так и на железной, автомобильной дорогах, а также на аэродромах, прилегающих к нему. После занятия г. Харькова советскими войсками было установлено, что около 85 % мин взорвалось, а остальные отказали или были извлечены противником [9, Л. 17–18].

Подводя итоги, можно сказать, что минно-взрывная операция «Западня», проведенная группой полковника И. Г. Старинова в Харькове, стала первой в истории войн значительной диверсией с использованием мин с дистанционным радиовзрывателем. К сожалению, в наши дни тактика дистанционных управляемых взрывов прочно вошла в арсенал террористов и активно используется террористическим режимом Украины.

Илье Григорьевичу Старинову пришлось иметь дело и с украинскими красными партизанами, многих из которых готовили в партизанских школах и в филиалах ОУЦ.

18 марта 1943 года полковник Старинов был назначен на генерал-полковничью должность члена Военного совета Юго-Западного фронта (командующий генерал Ф. И. Толбухин). С 23 марта по июнь 1943 года Старинов являлся представителем Украинского штаба партизанского движения (УШПД) на Южном фронте. С июня 1943 года он был назначен заместителем по диверсиям начальника штаба УШПД генерал-майора Т. А. Строкача¹. В УШПД создаются диверсионный и технический отделы, а в апреле при УШПД организуется школа диверсантов. Илья Григорьевич создает диверсионные службы и при штабе, и в партизанских соединениях.

После освобождения Советской Украины от фашистов весной 1944 года Украинский штаб

партизанского движения был расформирован, а партизанские отряды вошли в состав Красной армии.

И. Г. Старинову пришлось столкнуться с украинскими националистами, которые действовали сообща с германскими карателями. Преступники уничтожили сотни тысяч людей на Украине – украинцев, русских, поляков... Старинов писал о них: «...кто такие бандеровцы? Что бы сегодня ни говорили, бандеровцы – организация украинских националистов – являлись по существу немецкой агентурой. Из-за них на западе Украины до подхода сюда крупных партизанских соединений Ковпака, Федорова и Бегмы партизанская война не велась. Лишь этим партизанским соединениям, несмотря на то что бандеровцами народ был морально подавлен, удалось очистить от бандеровских банд и оккупантов западные области Украины. Сельское население жило в постоянном страхе. Бандеровцы приходили по ночам, забирая у селян продукты якобы для партизан, на самом же деле передавая их немцам...» [12].

Комиссия по делам бывших партизан Украины 21 июня 1968 года выписала нашему герою партизанский билет № 182, подтверждающий, что «предъявитель сего тов. Старинов Илья Григорьевич в период Великой Отечественной войны был участником партизанского движения и подпольных организаций в Украине с июля 1941 года по май 1945 года» [9, Л. 4].

Таким образом, почётный чекист, сапёр, диверсант и партизан полковник Илья Григорьевич Старинов несколько десятилетий из своей столетней биографии был связан с Советской Украиной. Здесь он получал первые профессиональные навыки сапёра, подрывника, здесь он участвовал в борьбе с украинскими националистами в 1920–1940-е годы, здесь он готовил украинских партизан и в годы Великой Отечественной войны руководил их боевой работой. Харьковская диверсионная операция, подготовленная и проведенная под руководством И. Г. Старинова в октябре – ноябре 1941 года, вошла в учебники по диверсионной работе.

¹ Строкач Тимофей Амвросиевич (1903–1963) – генерал-лейтенант (1944 г.). В 1919–1922 гг. участвовал в партизанском движении на Дальнем Востоке. С 1924 г. служил в пограничных войсках. С 1940 г. – заместитель наркома внутренних дел УССР. Начальник Украинского штаба партизанского движения (1942–1945 гг.). С 1946 года – министр внутренних дел Украинской ССР. В 1956–1957 гг. – ответственный работник МВД СССР.

Библиография / References:

1. Абдулаев Э.С. Позывной – «Кобра» (Записки разведчика особого назначения). [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: [http:// lib.ru/ MEMUARY/ AFGAN/kobra.txt](http://lib.ru/MEMUARY/AFGAN/kobra.txt). (дата обращения: 10.01.2023).
2. Боярский В.И. Партизанство вчера, сегодня, завтра. – М.: Граница, 2003. – 477с.
3. Могилевский В. По дорогам минной войны // Советский воин. – 1967. – 12 июля.
4. Мринский Н. Легенда русского спецназа. Ч. 4. Портал Проза.ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <https://proza.ru/2017/04/22/2421> (дата обращения: 10.01.2023).
5. Партийный архив при Центральном комитете Коммунистической партии (большеви́ков) Белоруссии (Далее – ПА при ЦК КП(б)Б). Ф. 4. Оп. 33а. Д. 42.
6. Российский государственный военный архив (Далее – РГВА). Ф.40973. Оп.2. Д.1.
7. РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 3.
8. РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 4.
9. РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 6.
10. РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 10.
11. Старинов И.Г. Записки диверсанта. Кн. 1. – М.: Альманах «Вымпел», 1997. – 438 с.
12. Старинов И.Г. Солдат столетия. – М.: «Теория и практика государственного переворота», 2002. – 162с.
13. Толмачев М., Барвинский В. Операция «Западня» // Строительная газета. – 1968. – 7 февраля.
2. Boyarskiy V.I. (2003) Partizanstvo vchera, segodnya, zavtra [Partisanship yesterday, today, tomorrow]. – M.: Granitsa. – 477s. (In Russ.).
3. Mogilevskiy V. (1967) Po dorogam minnoy voyny [On the roads of a mine war] // Sovetskiy voyn. – 12 iyulya. (In Russ.).
4. Mrinskiy N. Legenda russkogo spetsnaza [Legend of the Russian special forces]. CH. 4. Portal Proza.ru. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: <https://proza.ru/2017/04/22/2421> (data obrashcheniya: 10.01.2023). (In Russ.).
5. Partiynyy arkhiv pri Tsentral'nom komitete Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov) Belorussii [Party archive under the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus] (Daleyе – PA pri TSK KP(b)B). F. 4. Op. 33a. D. 42. (In Russ.).
6. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenny arkhiv [Russian State Military Archive] (Daleyе – RGVA). F.40973. Op.2. D.1. (In Russ.).
7. RGVA. F. 40973. Op. 1. D. 3. (In Russ.).
8. RGVA. F. 40973. Op. 1. D. 4. (In Russ.).
9. RGVA. F. 40973. Op. 1. D. 6. (In Russ.).
10. RGVA. F. 40973. Op. 1. D. 10. (In Russ.).
11. Starinov I.G. (1997) Zapiski diversanta [Notes of a saboteur]. Kn. 1. – M.: Al'manakh «Vympel». – 438s. (In Russ.).
12. Starinov I.G. (2002) Soldat stoletiya [Soldier of the century]. – M.: «Teoriya i praktika gosudarstvennogo perevorota». – 162 s. (In Russ.).
13. Tolmachev M., Barvinskiy V. (1968) Operatsiya «Zapadnya» [Operation «Trap»] // Stroitel'naya gazeta. – 7 fevralya. (In Russ.).

1. Abdulayev E.S. Pozyvnoy – «Kobra» (Zapiski razvedchika osobogo naznacheniya) [Callsign – «Cobra» (Notes of a Special Purpose Scout)]. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: [http:// lib.ru/ MEMUARY/ AFGAN/kobra.txt](http://lib.ru/MEMUARY/AFGAN/kobra.txt). (data obrashcheniya: 10.01.2023). (In Russ.).

МИШУКОВ Иван Александрович, аспирант исторического факультета, кафедра истории России, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж), e-mail: ivan.mishukov.99@mail.ru, AuthorID: 1162076

MISHUKOV I.A., Postgraduate Student at the Department of Russian History, Voronezh State University, (Russian Federation, Voronezh), e-mail: ivan.mishukov.99@mail.ru

Артиллерия Новосила в 1667–1696 гг. (по данным годовых смет)

NOVOSIL ARTILLERY 1667-1696 (ACCORDING TO ANNUAL ESTIMATES)

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе артиллерии города Новосила в 1667–1696 гг. по данным годовых смет. Автором используются как общенаучные, так и исторические методы исследования. Впервые, на основе сведений из годовых смет, реконструировано состояние артиллерийского парка одного из городов Белгородского полка «в черте» – Новосила. Определена динамика его изменений на протяжении последней трети XVII в. Выявлена численность новосильских артиллерийских систем в 1667, 1676, 1682, 1684 и 1696 гг. и произведена их классификация. Выявлены варианты калибров и длин стволов орудий и численность каждого из вариантов, а также выявлены отличительные особенности некоторых пушек: функции, характеристики и надписи на стволах. Кроме этого, установлен порядок размещения артиллерийских систем по башням и в крепости. Автор приходит к выводу, что артиллерийский парк Новосила в последней трети XVII в. претерпел два изменения в своем составе: между 1676 и 1682 гг. и в 1684–85 гг. Однако, несмотря на это, на протяжении всего рассматриваемого периода на вооружении крепости была, в основном, мелкокалиберная артиллерия разнообразных типов.

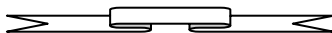
Ключевые слова: артиллерия, Новосиль, годовые сметные книги, мелкокалиберная артиллерия, пищаль, калибр.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the artillery of Novosil between 1667 and 1696, according to annual estimates.

Both general scientific and historical research methods are used. It is stressed that according to annual estimates the state of the artillery park of one of the cities of the Belgorod regiment «in the line» – Novosil is reconstructed for the first time. The dynamics of its changes during the last third of the 17th century is determined. The number of Novosil artillery systems in 1667, 1676, 1682, 1684 and 1696 is revealed and their classification is given. Variants of calibers and lengths of gun barrels and the number of each of the variants are revealed, as well as distinctive features of some guns such as: functions, characteristics and inscriptions on the barrels. In addition, the order of placement of artillery systems on towers and in the fortress is established.

As a result, the author comes to the conclusion that the artillery park of Novosil in the last third of the 17th century underwent two changes in its composition: between 1676 and 1682 and between 1684 and 1685. However, despite this, throughout the period under study, the fortress was armed mainly with small-caliber artillery of various types.

Keywords: artillery, Novosil, annual estimate books, small-caliber artillery, squeaker, caliber.

ВВЕДЕНИЕ

В 1635 году на южной окраине Московского государства началось возведение Белгородской черты – мощной оборонительной линии, целью которой была защита южных и центральных российских уездов от нападения крымских и ногайских татар, а также запорожских черкасов. Её основой стала цепь деревянных городов-крепостей, дополненная различными деревянными и земляными укреплениями. После завершения строительства южнорусские города стали подразделяться на три категории: города «в черте» (севернее черты), города «по черте» (непосредственно крепости черты) и города «за чертой» (южнее черты; эти города не были охвачены чертой, поскольку та строилась исходя из географических особенностей юга Московского государства, прежде всего рек, текущих хотя бы отчасти в широтном направлении, и лесных массивов¹).

Исследователи, занимаясь историей южнорусских городов в XVII веке, более обращали и обращают свое внимание на историю городов Белгородской черты и городов «за чертой», поскольку они в то время стали пограничными и составляли территорию южнорусского фронта. При этом города «в черте», которые в свое время представляли южнорусское пограничье, но со второй половины XVII века, оказавшиеся в тылу основного оборонительного рубежа, гораздо в меньшей степени привлекают внимание ученых. По нашему мнению, в частности, отсутствуют работы, посвященные артиллерии большинства городов «в черте» в XVII веке. Этим определяется актуальность настоящего исследования.

Таким образом, целью настоящей статьи является выявление состояния артиллерийского парка одного из городов «в черте» – Новосиля – в последней трети XVII века и анализ динамики его изменений на протяжении рассматриваемого периода. Задачами статьи являются:

1. Выявление численности и классификация новосильских артиллерийских систем в 1667–1696 гг.

2. Выявление качественных характеристик орудий: вариантов калибров и длин стволов, определение численности каждого из вариантов.

3. Выявление отличительных особенностей ряда пушек: функций, особых характеристик и надписей на стволах.

4. Рассмотрение изменений в составе артиллерийского парка Новосиля в 1667–1696 гг.

Для достижения цели и выполнения поставленных задач использовался такой вид источников, как «годовые сметные книги городов Белгородского полка», часть из которых сохранилась до наших дней. Появлению этого вида делопроизводственной документации способствовало формирование в 1658 году на территории уездов городов «в черте», «по черте» и «за чертой» Белгородского полка, в силу чего возникли новая военно-административная единица – «города Белгородского полка» – и новая управленческая инстанция – «воевода Белгородского полка».

Годовые сметные книги представляют собой сборники отредактированных копий ежегодных отчетов («годовых смет») южнорусских воевод и приказных людей о состоянии важных сторон жизни подчиненных городов и уездов. Отчеты сначала посылались в Белгород – административный центр полка, где их переписывали, редактировали и дополняли «перечневой росписью» – кратким обобщением отчетных сведений с подведением количественных итогов (Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 143–143 об.). После из копий формировали книгу, которая отправлялась в Разрядный приказ. Таким образом, содержание годовых смет годовых сметных книг подразделяется на две части: сама отредактированная копия отчета и созданная на его основе «перечневая роспись» (более подробную характеристику состояния годовых сметных книг и содержания годовых смет см. [1]).

Один из разделов любой годовой сметы включал в себя характеристику состояния кре-

¹ Скобелкин О.В. Чины служилого населения в городах и уездах южного фронта России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2019. – Т. 24. – № 182. – С.196.

постного «наряда» – артиллерийского парка. Эти сведения и составляют источниковую базу настоящего исследования. Оно основывалось на информации из сохранившихся новосильских годовых смет за 1667 (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 57. Л. 195–216 об.), 1676 (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 187–208), 1682 (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 121. Л. 916–935 об.), 1684 (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 1106–1121) и 1696 годы (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 172. Л. 647–696).

При осуществлении исследования использовались преимущественно такие методы, как сравнительно-исторический, ретроспективный и количественный. Применение сравнительно-исторического метода было обусловлено стремлением установить динамику изменений в новосильском артиллерийском парке в течение 1667–1696 гг., т. е. был осуществлен диахронный анализ. Ретроспективный метод применялся из-за особенностей заявленной источниковой базы: в более поздних годовых сметах содержится важная информация, относящаяся к более ранним периодам, но отсутствующая в ранних документах. По той же причине (особенности источниковой базы) использовался и количественный метод: в годовых сметах при описании артиллерии значительно использовались числовые данные, которые были систематизированы и проанализированы в настоящей работе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде чем перейти к результатам исследования, необходимо сделать несколько замечаний:

1. Во всех таблицах настоящей статьи «наряд» перечисляется не так, как в источниках, а по следующей схеме: сначала он группируется по типам артиллерийских систем в порядке убывания численности каждого типа (единственное исключение – ручные затинные пищали, которые перечислены в самом конце второй таблицы, поскольку не являлись пушками; однако современники относили их к артиллерии), затем – в порядке убывания численности по материалу, после орудия распределяются в

порядке убывания калибров (в XVII веке калибр орудий измерялся по массе подходящего к пушке ядра), и, наконец, они распределяются в порядке убывания длин стволов.

2. В новосильской смете 1667 года длины стволов орудий выражены в саженьях и их долях, при этом во всех остальных сметах они выражены в более подходящих для таких небольших величин аршинах и их долях. Во всех таблицах настоящей статьи длины стволов орудий выражены в аршинах и их долях. Перевод сажень в аршины произведен на основе метрологии XVII века согласно соотношению 1 сажень = 3 аршина.

3. Необычной особенностью всех новосильских смет является тот факт, что ни в одной из них не зафиксированы массы стволов орудий. В сметах других городов эти характеристики обязательно указывались для всех пушек или для большинства из них. Следовательно, выявить данные показатели на основе заявленной источниковой базы невозможно.

Согласно смете 1667 года в Новосиле размещалось три типа артиллерийских систем: пищали, тюфяки (во всех используемых источниках названы «пищальями тюфяками») и пищали дробовые. Обычные пищали подразделялись на бронзовые и чугунные: бронзовых насчитывалось 3 ствола, чугунных – 6. В то же время все тюфяки и пищали дробовые были бронзовыми: тюфяков насчитывалось 4 ствола, пищалей дробовых – 2. Всего в городе размещалось 15 орудий. Все пушки были исправны (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 57. Л. 215 об.). При этом ни в одной из других смет исправность пищалей не зафиксирована, однако не зафиксированы и поломки. Поэтому с большой долей вероятности новосильский «наряд» был исправен не только в 1667 году, но и на протяжении всего рассматриваемого периода.

Информация о характеристиках новосильского «наряда» 1667 года (калибры, длины стволов, отличительные особенности пушек) представлена в таблице 1.

Столбцы «Калибр» и «Длина ствола»: во всех новосильских сметах калибры выражены в гривенках и их долях, длины стволов (за исключением сметы 1667 года) – в аршинах, их долях

и вершках.

Таблица 1 – Наряд Новосила в 1667 году*

Table 1 – Set of Novosil' artillery guns in 1667

№ п/п	Тип артиллерийской системы	Материал	Калибр (гривенок)	Длина ствола (аршин)	Примечания
1	пищаль	чугун	6	3	голландская
2	пищаль	чугун	5	3,24	голландская
3	пищаль	чугун	1,5	2,7	полковая
4	пищаль	чугун	1,5	2,7	полковая
5	пищаль	чугун	1,5	2,7	полковая
6	пищаль	чугун	1,5	2,7	полковая
7	пищаль	бронза	6	3,75	вестовая
8	пищаль	бронза	4	2,25	
9	пищаль	бронза	1	2,25	полковая
10	«пищаль тюфяк»	бронза	1,5	1,5	
11	«пищаль тюфяк»	бронза	1,5	1,5	
12	«пищаль тюфяк»	бронза	1,5	1,5	
13	«пищаль тюфяк»	бронза	1,5	1,5	
14	пищаль дробовая	бронза	–	1,5	
15	пищаль дробовая	бронза	–	1,5	

*РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 57. Л. 210 об. – 211 об.

В обеих таблицах настоящей статьи калибры выражены также в гривенках и их долях, а длины стволов – только в аршинах и их долях. Перевод вершков в аршины осуществлен на основе метрологии XVII века согласно соотношению 1 аршин = 16 вершков. Столбец «Калибр»: калибры пищалей дробовых определить невозможно, поскольку орудия данного типа не стреляли ядрами.

Смета учла у пищалей 5 вариантов калибров: 6 гривенок (2 орудия), 5 гривенок (1 орудие), 4 гривеньки (1 орудие), 1,5 гривеньки (4 орудия) и 1 гривенька (1 орудие). Столько же она учла вариантов длин стволов: 3,75 аршина, или 1,25 сажени (1 орудие); 3,24 аршина, или 1,08 сажени (1 орудие); 3 аршина, или 1 сажень (1 орудие); 2,7 аршина, или 0,9 сажени (4 орудия); 2,25 аршина, или 0,75 сажени (2 орудия). Таким образом, в 1667 году среди новосильских пищалей преобладали мелкокалиберные чугунные орудия калибром 1,5 гривеньки, а про-

чие калибры были представлены 1–2 пушками. Самой распространенной длиной ствола было 2,7 аршина, или 0,9 сажени (ею обладали те же 1,5-гривеньковые пищали), а другие длины также были представлены 1–2 артиллерийскими системами.

Все четыре тюфяка по этим характеристикам были одинаковы: калибром 1,5 гривеньки и с длиной ствола 1,5 аршина, или 0,5 сажени. Одинаковы были и пищали дробовые: обе с такой же длиной ствола, как и у тюфяков. Калибр у пищалей дробовых определить невозможно, поскольку те стреляли не ядрами, а дробью. Можно заметить, что длина стволов тюфяков и пищалей дробовых почти на порядок меньше, чем у самых коротких пищалей. По калибру же тюфяки не отличались от мелкокалиберных чугунных пушек.

Следовательно, в артиллерийском парке Новосила в 1667 году преобладали мелкокалиберные 1,5-гривеньковые системы (8 орудий).

Перейдем к отличительным особенностям ряда пушек. Одна бронзовая пищаль калибром 1 гривенка и четыре чугунные пищали калибром 1,5 гривенки названы «полковыми». По всей видимости, эта характеристика означает, что пушки принадлежали Белгородскому полку, а в Новосиле просто хранились. Другие сметы больше не фиксируют чугунные полковые орудия, а бронзовая полковая пушка между 1667 и 1676 гг. была заменена на орудие такого же типа и вида, но калибром 2,25 гривенки (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 201 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 121. Л. 931). Отсюда следует, что Белгородский полк, скорее всего, забрал обратно чугунные пищали, а бронзовую заменил. При этом доставленное из полка 2,25-гривенковое бронзовое орудие в тот раз было оставлено не на хранение, а передано в состав крепостного артиллерийского парка: согласно сметам 1682 и 1696 гг. пищаль, оставаясь установленной на «походном» лафете, была размещена в одной из крепостных башен, т.е. находилась на боевой позиции (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 121. Л. 931; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 172. Л. 648 об.).

Бронзовая пищаль калибром 6 гривенок обозначена как «вестовая». Эта пушка с такой же характеристикой зафиксирована и другими новосильскими сметами, т.е. она была в городе на протяжении всего рассматриваемого периода (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 201 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 121. Л. 931; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 1117; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 172. Л. 648). Её функция, кроме ведения артиллерийского огня, состояла в оповещении населения о важнейших событиях, например о возможном татарском нападении или пожаре. По мнению некоторых специалистов, в крепости вестовым орудием обычно назначали одно из крупнокалиберных – калибром 6 или 8 гривенок, поскольку именно такие параметры позволяли сделать достаточно громкий выстрел [2, С. 106]. Казалось бы, всё сходится, поскольку новосильское орудие обладало таким показателем. Однако, например, в 1676 г. годовыми сметами городов Белгородской черты были учтены

вестовые пищали калибром и 4, и даже 2 (!) гривенки [3, С. 137]. Поэтому данный вопрос требует дальнейшего рассмотрения.

Стоит заметить, что Новосиль во все рассматриваемые годы был оборудован и другим исправным устройством, предназначенным для оповещения населения, со схожим названием – вестовым колоколом (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 57. Л. 212 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 203 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 121. Л. 935 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 1118 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 172. Л. 650 об.). Наличие в городе двух устройств с одной функцией, видимо, было вызвано соображениями практичности – пушка и колокол могли заменить друг друга в случае поломки. Тем более с огромной долей вероятности местные колокола действительно ломались, на это указывает тот факт, что крепость была возведена еще в XVI в., а зафиксированный в источниках колокол появился в крепости только в 1663–64 гг. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 203 об.). Вряд ли в Новосиле более полувека не было вестового колокола, скорее, произошла очередная замена неисправного устройства.

Две чугунные пищали калибром 6 и 5 гривенок названы «голландскими». Не совсем ясно, как подьячие смогли определить место производства пушек, если, согласно другим сметам, никаких особенных признаков у этих орудий не было – ни специфического декора, ни голландских подписей (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 202 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 121. Л. 931 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 1118; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 172. Л. 649).

Необходимо обратить внимание и на следующее обстоятельство. Информация о новосильском «наряде» во второй, обобщающей части сметы 1667 года во многом отличается от сведений из первой. Речь идет не только о числовых несовпадениях, когда длина вестовой пищали во второй части равна 1,5 сажени вместо 1,25 и калибр одной из чугунных полковых пищалей равен 0,5 гривенки вместо 1,5. Есть и более серьезные противоречия. Во второй части откуда ни

возьмись появляется еще одна бронзовая пицаль калибром 3 гривенки с длиной ствола 1,5 сажени. Также 3 из 4 чугунных полковых пушек не называются там «полковыми». А то орудие, которое продолжает называться «полковым» (с калибром в 0,5 или 1,5 гривенки), становится «голландским». В то же время чугунная пицаль калибром 6 гривенок, называемая в первой части «голландской», во второй части перестает быть таковой (РГАДА. Ф.210. Оп.6-д. Кн.57. Л.214–215). Явно прилагательное было ошибочно вписано не туда.

Нам представляется, что существует два объяснения этому «беспорядку»: либо новосильские подьячие при составлении отчета допустили ряд грубых ошибок, которые исправили более аккуратные переписчики при помощи информации из прежней новосильской документации, либо, что гораздо более вероятно, переписчики проявили высокую степень невнимательности и халатности при составлении «перечневой росписи», а подьячий «со справой» ненадлежащим образом проверил работу своих сотрудников. Поэтому мы склонны считать, что первая часть, представляющая собой дословно переписанный оригинальный отчет с комментариями, является более достоверной, чем вторая.

Завершая анализ новосильской сметы 1667 года, отметим, что, кроме рассмотренных орудий, новосильские подьячие в первой части документа также указали на наличие в городе трёх исправных затинных пищалей. Однако новосильцы отнесли их не к артиллерии, а к обычным ружьям. Во второй же части переписчики «поправили» местных подьячих и записали затинные пищали в состав «наряда» (РГАДА. Ф.210. Оп.6-д. Кн.57. Л.212, 215об.). Налицо разность восприятия одних и тех же реалий у местных чиновников и центральных. Затинные пищали, будучи хоть и крупнокалиберными, но всё же ружьями, в сознании местных писцов пока еще таковыми и оставались (далее, согласно документам, ситуация изменится). В центре же, напротив, данный тип оружия, вероятно, воспринимался как мелкокалиберная артиллерия.

В 1676 году по сравнению с 1667 годом в составе новосильской артиллерии произошли изменения. Дело не только в том, что четыре полковые 1,5-гривенковые чугунные пищали были забраны обратно в полк, а полковая 1-гривенковая бронзовая пицаль была заменена на 2,25-гривенковую. Крепостной «наряд» также пополнился одной бронзовой пищалью (в документах названа «пищалью грановкой»), четырьмя чугунными затинными и четырьмя чугунными ручными затинными пищальями. По источникам неясно, включали ли в себя затинные пищали три упомянутых в 1667 году ружья или же это были полностью новые системы.

В ряде документов указано, что затинные пищали размещались на «волоковых» лафетах, а в смете 1684 г. также отмечено, что на таких же лафетах размещались и ручные затинные пищали (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 121. Л. 932–932 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 1118–1118 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 172. Л. 649 об.).

Теперь в городе размещалось 20 артиллерийских систем пяти типов: 6 пищалей – 4 бронзовые и 2 чугунные, 4 чугунные затинные пищали, 4 бронзовых туюфяка, 2 бронзовые пищали дробовые и 4 чугунные ручные затинные пищали. В последующие рассматриваемые годы эта картина оставалась без изменений, за исключением одного небольшого – в 1684–85 годах новосильцы нашли в реке Пшевка недалеко от города одну чугунную затинную пицаль длиной ствола 2,5 аршина (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн.172. Л. 650). Ядер к ней, естественно, не было, поэтому ее калибр определить невозможно, но с огромной вероятностью он был таким же, как и у остальных. Новосильцы не преминули включить находку в «наряд», однако об исправности пищали в источнике сведений нет. Следовательно, с 1684–85 гг. на вооружении Новосиля стала находиться 21 артиллерийская система.

Несмотря на то, что сами орудия, вероятно, сохраняли свою боеспособность на протяжении всего рассматриваемого периода, постепенно приходили в негодность их лафеты.

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

К 1682 году «станок и калеса огнили» у 3,1-аршинной «голландской» пищали, а к 1696 г. – у еще одной «голландской» пищали, у 4-гривенковой пищали и у грановки (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 121. Л. 931 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 172. Л. 648–649).

Информация о характеристиках новосильского «наряда» 1676–1696 гг. (калибры, длины стволов, отличительные особенности пушек) представлена в Таблице 2.

Таблица 2 – Наряд Новосиля в 1676–1696 гг.*
Set of Novosil' artillery guns in 1676–1696

№ п/п	Тип артиллерийской системы	Материал	Калибр (гривенок)	Длина ствола (аршин)	Примечания
1	пищаль	бронза	6	4	вестовая
2	пищаль	бронза	4	4	
3	пищаль	бронза	2,25	1,9	полковая
4	пищаль	бронза	1,5	2,1 (1676 г. – 0,9)	грановка
5	пищаль	чугун	6	3,2	голландская
6	пищаль	чугун	6	3,1	голландская; в 1682 г. не учтена
7	затинная пищаль	чугун	0,5	2,5	
8	затинная пищаль	чугун	0,5	2,5	
9	затинная пищаль	чугун	0,5	2,5	
10	затинная пищаль	чугун	0,5	2,5	
11	затинная пищаль	чугун	нет ядер (вероятно – 0,5)	2,5	часть парка с 1684–85 гг.
12	«пищаль тюфяк»	бронза	1,5 (1682 г. – 0,5)	1,7 (1682 г. – 1,2)	
13	«пищаль тюфяк»	бронза	1,5	1,4	
14	«пищаль тюфяк»	бронза	1,5	1,4	
15	«пищаль тюфяк»	бронза	1,5	1,4	
16	пищаль дробовая	бронза	–	1,4	
17	пищаль дробовая	бронза	–	1,4	
18	ручная затинная пищаль	чугун	–	2,1	
19	ручная затинная пищаль	чугун	–	1,9 (1696 г. – 2,1)	
20	ручная затинная пищаль	чугун	–	1,9	
21	ручная затинная пищаль	чугун	–	1,4	

* РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 201–203, 207 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 121. Л. 930 об. – 933; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 1117–1118 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 172. Л. 648–650.

Столбец «Калибр»: насчет калибров пищалей дробовых см. таблицу 1; калибры ручных затинных пищалей определить невозможно, поскольку в источниках нет информа-

ции об их снарядах.

Если сравнить длины стволов обычных пищалей, тюфяков и пищалей дробовых с таковыми в 1667 года, можно определить, что

они различаются (табл. 1–2). Как уже упоминалось, по всей видимости, несоответствие было вызвано тем, что в 1667 г. местные подьячие выразили их длины в сажнях. Впоследствии эти длины были перемерены аршинами, в силу чего значения были уточнены. Также в 1667 го-ду новосильцами была допущена ошибка при указании калибра «голландской» пищали с длиной ствола 3,2 аршина (в 1667 году ее длина была определена как 3,24 аршина, или 1,08 сажени): вместо 6 гривенок они отметили 5 (табл. 1–2).

Но не только в 1667 году писцы допускали ошибки. В 1676 году они неверно зафиксировали длину грановки (вместо 2,1 аршина – 1,9), в 1682 году – калибр и длину одного из тюфяков (вместо 1,5 гривенки – 0,5; вместо 1,7 аршина – 1,2), в 1696 году – длину одной из ручных затинных пищалей (вместо 1,9 аршина – 2,1). Кроме того, в 1682 году подьячими была случайно продублирована одна затинная пищаль, т. е. вместо четырёх они зафиксировали пять. Иронично, что здесь писцы в определенной мере оказались правы, поскольку через 2 года новосильцы отыскали пятую. В том же году подьячие «забыли» отметить одну «голландскую» пушку с длиной ствола 3,1 аршина (табл. 2).

В 1676–1696 гг. документы учли у пищалей 4 варианта калибров: 6 гривенок (3 орудия), 4 гривенки (1 орудие), 2,25 гривенки (1 орудие) и 1,5 гривенки (1 орудие). Также было учтено 5 вариантов длин стволов: 4 аршина (2 орудия), 3,2 аршина (1 орудие), 3,1 аршина (1 орудие), 2,1 аршина (1 орудие), 1,9 аршина (1 орудие). Таким образом, после изъятия из города полковых чугунных пушек среди пищалей стали преобладать 6-гривенковые системы. Однако все они обладали разными длинами стволов – 4; 3,2 и 3,1 аршина.

Все затинные пищали были одинаковы – калибром 0,5 гривенок и длиной ствола 2,5 аршина. В то же время ручные затинные пищали отличались друг от друга своей длиной: две из них были 1,9-аршинными, одна – 2,1-аршинной и еще одна – 1,4-аршинной. В силу того что снаряды к ручным затинным пищалам в источниках не указаны, определить их

калибры невозможно.

Тюфяки и пищали дробовые не претерпели никаких изменений с 1667 года, единственно, после перемерки их стволов аршинами стало ясно, что один тюфяк был чуть длиннее других тюфяков и всех пищалей дробовых.

Информация из новосильских смет 1676–1696 гг. также позволяет узнать, что у всех бронзовых пищалей и одного тюфяка с длиной ствола 1,7 аршина, учтённых ещё в 1667 году, были интересные отличительные особенности. У пищалей на стволах находились «подписи» – формализованные надписи с ценной информацией о том, при каком правителе, в какой год и каким мастером было изготовлено орудие.

У 6-гривенковой вестовой пищали подпись была следующей: «Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Михайла Феодоровича всеа Руси лето 7130-го году мастер Кондратей Михайлов» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 201 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 121. Л. 931; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 1117; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 172. Л. 648–648 об.).

У 4-гривенковой пищали: «Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Михайла Феодоровича всеа Руси в лето 7131-го году делал пищаль Алексей Акимов» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 200–201 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 121. Л. 930 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 1117; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 172. Л. 648).

У 2,25-гривенковой полковой пищали: «Иоанн Божиею милостию государь всеа Руси в лето 7007-го году делал Яков Фязин» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 201 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 121. Л. 931; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 1117 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 172. Л. 648 об.).

При этом в некоторых источниках подьячими были совершены ошибки при указании дат: в смете 1676 года отмечено, что вестовая пищаль была изготовлена в 7135 г. вместо 7130-го; в смете 1682 года отмечено, что 4-гривенковая пищаль была изготовлена в 7138 г. вместо 7131-го; в смете 1684 года отмечено, что полковая пищаль была изготовле-

на в 7006 г. вместо 7007-го.

Благодаря этим данным возможно восстановить, что новосильские вестовая и 4-гривенковая пушки были изготовлены еще в 1621–1623 гг. московскими мастерами Кондратием Михайловым и Алексеем Якимовым, а полковое орудие – в 1498–99 годов знаменитым итальянским мастером Яковом Фрязиным. Тогда, при Иване III, централизованное артиллерийское производство только зарождалось в России, пока даже не существовало московского Пушечного двора; пушки производили в Москве в отдельных «пушечных избах» [4, С. 106]. Таким образом, мы точно можем заключить, что все новосильские бронзовые пищали были изготовлены в Москве.

У 1,7-аршинного тюфяка на стволе располагались «признаки» – резной орёл и надпись: «мастер Алексей Акимов» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 202; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 1118; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 172. Л. 649 об.). Значит, Алексей Якимов изготовил не только новосильскую 4-гривенковую пищаль, но и один новосильский тюфяк.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении мы можем сделать вывод, что в 1676–1696 гг., как и в 1667 году, в «наряде» Новосили значительно преобладали мелкокалиберные 0,5–1,5-гривенковые системы (10 систем, при этом, по всей видимости, у ручных затинных пищалей калибр был еще меньше). Что же касается длин стволов, то она была разнообразной, а наиболее часто встречающиеся 2,5 и 1,4 аршина к 1696 году зафиксированы у 5-й и 6-й систем соответственно.

Напоследок, благодаря сведениям из смет 1682 и 1696 годов, возможно также восстановить картину размещения орудий в крепости. К 1682 году в крепости насчитывалось девять башен, а также «роскат» и «отвод». В каждой башне, на «роскате» и «отводе» располагалось по одному орудью. Таким образом, на боевых позициях находилось 11 артиллерийских систем. Другие пушки – две пищали дробовые, 3,2-аршинная «голландская» пищаль, один 1,4-аршинный «тюфяк» и

грановка – по всей видимости, в силу того что для них больше не осталось свободных оборудованных мест, располагались либо возле башен, либо где-то внутри города, т. е., вполне возможно, они не были развернуты в боевые порядки, иначе говоря, просто складировались. У некоторых из них могло не быть лафетов: источники фиксируют их наличие только у «голландской» пищали и у грановки. В 1684–85 годах в «склад» была добавлена найденная в реке затинная пищаль, а к 1696 году – еще одна затинная пищаль, размещавшаяся в нижней проезжей башне; башня к этому времени развалилась, и орудие с нее было снято (следовательно, к 1696 году на боевых позициях находилось уже 10 систем). А ручные затинные пищали, видимо, размещались прямо на крепостных стенах (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 121. Л. 930 об. – 933; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 172. Л. 648–650).

Библиография / References:

1. Курбатов О.А. Пушкарский наряд в городах Белгородской черты // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. – Вып. 4. – Белгород, 2019. – С. 98–109.
2. Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. – Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – Ч. I. Статьи. – 2012. – С. 104–158 <URL: http://www.milhist.info/2012/12/15/lobin_1> (15.12.2022).
3. Скобелкин О.В. Годовые сметные книги 2-й половины XVII в. как источник для изучения южного фронта России // Общество и власть: история и современность: материалы Тринадцатой региональной научной конференции. – Воронеж, 2019. – С. 30–32.
4. Скобелкин О.В. Учёт артиллерии и боеприпасов в городах Белгородской черты в 1676 г. // Тульский кремль и южные рубежи России (материалы Всероссийской научной конференции). – М., 2020. – С. 136–148.

5. Скобелкин О.В. Чины служилого населения в городах и уездах южного фронта России в 7185 году // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 24. – № 182. – С. 196.

1. Kurbatov O. A. (2019) Pushkarskii nariad v gorodakh Belgorodskoi cherty [Set of artillery guns in the towns of the Belgorod defensive line] // Belgorodskaya cherta: sbornik statei i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noi cherty. – Vyp.4. – Belgorod. – 2019. – S.98–109. (In Russ.).

2. Lobin A.N. (2012) Russkaya artilleriya v tsarstvovanie Ivana Groznogo [Russian artillery during the reign of Ivan the Terrible] [Elektronnyi resurs] // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. – Spetsial'nyi vypusk. I. Russkaya armiya v epokhu tsaria Ivana IV Groznogo: materialy nauchnoi diskussii k 455-letiiu nachala Livonskoi voyny. – Ch. I. Stat'i. – S.104–158. <URL: http://www.milhist.info/2012/12/15/lobin_1> (15.12.2022). (In Russ.).

3. Skobelkin O.V. (2019) Godovye smetnye knigi 2-i poloviny XVII v. kak istochnik dlia izucheniia iuzhnogo frontira Rossii [Annual estimated books of the 2nd half of the XVII century as source for investigation of the Southern Russian frontier] // Obshchestvo i vlast': istoriya i sovremennost': materialy Trinadtsatoi regional'noi nauchnoi konferentsii. – Voronezh. – S. 30–32. (In Russ.).

4. Skobelkin O. V. (2020) Uchet artillerii i boepripasov v gorodakh Belgorodskoi cherty v 1676 g. [Accounting for artillery and ammunition in the towns of the Belgorod defensive line in 1676] // Tul'skii krem'l' i iuzhnye rubezhi Rossii (materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii). – M. – S.136–148. (In Russ.).

5. Skobelkin O.V. Chiny sluzhilogo naseleniya v gorodakh i uyezdakh yuzhnogo frontira Rossii v 7185-m godu [The ranks of the service population in the cities and districts of the southern frontier of Russia in 7185] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. – 2019. – T.24. – №182. – S.196. (In Russ.).

БРЕДИХИН Антон Викторович, кандидат исторических наук, ст. преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, доцент, Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет) (Россия, Москва), e-mail: bredikhin90@yandex.ru, AuthorID: 674311

BREDIKHIN A.V., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at Lomonosov Moscow State University, Associate Professor, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (the First Cossack University) (Russian Federation, Moscow), e-mail: bredikhin90@yandex.ru

КАЗАЧЕСТВО ВО ФРОНТИРНОЙ СРЕДЕ ЮГА РОССИИ

COSSACKS IN THE FRONTIER ENVIRONMENT OF THE SOUTH OF RUSSIA

Аннотация. Целью исследования выступает анализ влияния казачества на социокультурные процессы юга России. В рамках проведённой работы изучены основные социокультурные особенности развития сложившегося после распада СССР современного казачества в российском приграничье. Казачество юга России имеет длительную историю формирования, обусловленную его нахождением на стыке цивилизаций, народов, культур. Находясь между православием и исламом, славянским и тюркским миром, в зоне постоянной напряженности и военных конфликтов, казаки включили в свой социокультурный код отличительные особенности, способность стабилизации среды обитания, снижения конфликтности в отношениях с соседями. Постоянный контакт с представителями других народов и стран находит отражение на современном этапе развития казачества. В результате автор приходит к выводам о необходимости пересмотра взгляда современных исследователей казачества на социум казаков, живущих в пограничных регионах, в целях формирования государственной политики в отношении российского казачества.

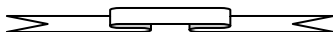
Ключевые слова: Донбасс, Всевеликое войско Донское, идентичность, казаки, казачество, приграничье, Ростовская область, Украина, фронтирмены, юг России.

Abstract. The aim of the study is to analyze the influence of the frontier identity of the Cossacks on the socio-cultural processes of the South of Russia. In the framework of the work carried out, the main factors of the frontier nature of the modern Cossacks, their socio-cultural features of development in the environment of the Russian border area, which developed after the collapse of the USSR, were studied.

The Cossacks of the South of Russia have a long history of formation, due to their presence in the frontier environment, at the junction of civilizations, peoples, and cultures. Being between Orthodoxy and Islam, the Slavic and Turanian worlds, in a zone of constant tension and military conflicts, the Cossacks received in their socio-cultural code distinctive features, opportunities for stabilizing the habitat, reducing conflict with neighbors. Constant contact with representatives of other peoples, other countries is also reflected at the present stage of Cossack development.

As a result, the author comes to the conclusion that the view of modern Cossack scholars on the very factor of the Cossacks-frontiersmen has to be revised in order to form a state policy towards the Russian Cossacks.

Keywords: Donbass; All-Great Army of the Don; identity; Cossacks; Cossack studies; border region; Rostov region; Ukraine; frontiersmen; South of Russia.

ВВЕДЕНИЕ

Начало возрождения российского казачества в 1980-е гг. актуализировало его фронтальный статус, восприятие казаков в качестве жителей приграничья, «междумирья». В условиях распада СССР, повлекшего как межнациональные конфликты, так и военное противостояние, исторический опыт казаков как населения межкультурной зоны оказался востребованным. Этнокультурная идентичность казачества выступила примером для остальных народов бывшего союзного образования. Как отмечает А. И. Агафонов, казачество «сложилось в славяно-русском, тюркоязычном и персидском пограничье (фронтире), играло огромную роль в геополитике на евразийском континенте. Но в силу различных причин и условий было включено в российское цивилизационное пространство» [1, С. 52].

Вместе с тем статус казачества до сих пор находится на пути трансформации, изменения понятия казачьей идентичности, его регулирования действующей нормативно-правовой базой. Фронтальность казаков нигде не закреплена, а лишь возникает в рамках научных споров ученых-казачеведов.

В рамках данного исследования нами будет поставлена задача проанализировать фронтальный статус этнокультурной идентичности современного донского казачества.

Основным методом исследования выступит компаративный, посредством которого станет возможно проведение анализа фронтального характера казачества в сравнении с другими социокультурными сообществами и народами, являющимися фронтальными.

Казачество юга России во фронтальной среде в последнее время выступает всё более популярной темой у отечественных и зарубежных исследователей. Южнороссийский фронт является новой проблематикой и находит свое отражение в исследованиях В. В. Канищева [11], Ю. А. Мизиса, С. Г. Кашенко [14], А. И. Папкова [15] и др. Донской фронт анализируется в работах Б. Боука, А. В. Бредихина [6], Д. В. Сеня [19],

кубанский фронт представлен в исследованиях А. В. Сопова [22], терский фронт выступает актуальной тематикой изысканий Т. Баррета [2], И. М. Хаидова [23] и др.

Сегодня сложно судить о том, что же есть фронт, а что нет, и как верно отмечает И. П. Басалаева: «Фронт – видимо, самый пространственно фундированный термин в историографическом вокабуляре» [3, С. 83]. Пространство всей нашей страны представляет собой сплошные «порубежья» и «пограничья», ныне лишённые ранее приобретенной смысловой нагрузки, но разделённые границами государственными и административными. Учитывая факт формирования территории Российского государства казаками и соглашаясь с позицией Льва Толстого, что «граница породила казачество, а казаки создали Россию», отметим, что и основными фронтальными нашей страны выступали именно казаки.

ОСОБЕННОСТИ ЮЖНО-РОССИЙСКОГО ФРОНТА

Достаточно интересной выступает позиция о том, что Дикое Поле как фронтальная зона является преемницей другого фронта – Киевской Руси, о чем писал М. Ходарковский [3, С. 86], в результате чего формируется эволюционная линия «Киевская Русь – Дикое Поле – Южнорусский фронт». Процесс формирования южнорусского фронта отражался в российской историографии как появление «северских городов», «украинских городов», «городов от польской украины» и т. д. Использовалось понятие «порубежье» в отношении южной зоны границы государства. В этой связи А. И. Папков анализирует понятие «украина» в качестве российской вариации понятия «фронт», но обладающей рядом отличительных черт, изменяющейся в зависимости от определенных внутренних и внешних условий.

Согласимся с наличием серьезных различий казачьей идентичности в ней и позицией В. А. Брехуненко о том, что «мнение про монолитность казачьего мира, однотипность

казачьей версии в разных уголках Степного Кордона, про общую для всех христианских казачеств «казачью идентичность» выглядит очевидным упрощением» [7, С. 83]. Исследователь приводит ряд исторических фактов, подчеркивающих разительное отличие донских и запорожских казаков, их геополитических предпочтений и идентичностных характеристик. Особняком стоят казаки Сибири и Дальнего Востока, где, в отличие от юга России, просто не успел сформироваться фактор социокультурной и этнической идентичности. Не говоря о созданных позднее или проектируемых Ефратском казачьем войске на Ближнем Востоке, Сунгарийском казачьем войске в «Желтороссии» на территории Маньчжурии, Персидской казачьей бригаде [17, С. 14] и т. д.

Этой позиции придерживается и Т. Водотика, разделяя виды фронтирменов Европы, «ведь одновременно с украинским казачеством в Европе существовало еще несколько подобных военно-корпоративных общностей: граничары Хорватии, венгерские гайдуки и секеи и донские казаки. Все они были порождением одного глобального явления – Великой Границы между Западом и Востоком, противостояния христианской и мусульманской цивилизаций» [9, С. 105]. Здесь мы видим продвижение границы Дикого Поля на Балканский полуостров, а возможно, и до Пиренеев, точек соприкосновения двух цивилизационных пространств. А на фоне общеевропейского фронта происходит выделение различных казачьих идентичностей.

Фронтирный статус донских казаков способствовал тому, что, по мнению И. Служинской, «в конце концов донское казачество образовало особое общественное сословие, которое и сегодня не только лишь активно отстаивает собственную идентичность, но и претендует на статус отдельного этноса» [21, С. 123]. Этническая идентичность казаков долгое время выступает дискуссионным вопросом в научной, политической и общественной среде, введение же фактора фронтирности может выступать дополнительным аргументом как для сторонников

такого подхода, так и для их оппонентов.

С такой позицией солидарен бесспорный лидер отечественной теории фронта Д. В. Сень, аргументированно представляя казаков как мужское сообщество со своей специфической идентичностью, на формирование которой воздействовали фронтирные реалии: «донское казачество уже во второй половине XVII столетия представляло собой тип *homo novus*, коллективная идентичность которого определялась, по всей видимости, не только и не столько общностью «московского происхождения» или даже принадлежностью к православию, а принадлежностью к войсковому братству» [18, С. 46]. Анализируя его работы, В. И. Маслак приходит к выводу, что интеграция донских казаков в Российское государство стала не стратегической целью Войска Донского, а лишь одним из возможных сценариев [13, С. 298]. Видению Д. В. Сени противопоставляется подход английского историка Ф. Лонгворта, указывающего в работе «Казаки. Пять столетий бурной жизни в русских степях» на вывод о том, что «процессы индустриализации, модернизации, репрессивные меры уничтожили идентичность казаков, от них остались лишь легенды...» [24, С. 313].

Донские казаки смогли не только сформировать фронтирность для юга России, но и транслировать ее на Сибирь, именуемую в западной историографии российским «Диким Западом». Завоевание Ермаком Тимофеевичем Сибирского царства, последующие походы казаков для присоединения восточных регионов страны уже несли в себе сформировавшийся фронтирный код, который благоприятно ложился на вновь присоединенную почву. Примечательно, что казаки, присоединив «Русскую Америку» и дойдя до Форт-Росса в Калифорнии, смогли донести свой код и до классического фронта Фредерика Дж. Тернера с его ковбоями и Диким Западом.

Область войска Донского в дореволюционной России находилась в системе «фрагментарности» регионов, обладающих различной историей, культурой, языком. Малороссы (украинцы), калмыки, татары были не просто

ближайшими соседями – их поселения интегрировались в казачьи земли, многие из представителей этих народов «оказывались». Факт наличия «иногородних», о которых наиболее красочно в романе «Тихий Дон» написал М. А. Шолохов и в романе «Горели костры» – М. А. Алпатов, говорит и о внутреннем характере «трансграничья», постоянного контакта казаков с другими народами, о конфликтах и системе добрососедства.

Фрагментарность всего пространства Степного Кордона сохранялась в Российской империи. Территория современной Украины представляла собой «лоскутное одеяло», а о единстве идентичности нельзя было говорить тогда, не скажешь и теперь. Но внутреннее единство «осколков» Киевской Руси и Дикого Поля оставалось. «Будитель» русинского народа А. В. Духнович вспоминал: «...одна жизни моей радость восхитила меня, и то было 1849 года, когда я первый раз увидел славную русскую армию, пришедшую на покорение бунтующих мадьяр. Я не в силах описать, ни даже вдохнуть чувство радости, увидев первого на улице пряшевского казака...».

КАЗАЧИЙ ФРОНТИР В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

По результатам распада СССР казаки, чьи традиционные регионы проживания, как верно подмечает Н. Ф. Бугай, были подвержены «территориальному геноциду» [8, С. 40], оказались разделенными между ставшими независимыми государствами. Территория дореволюционной области Войска Донского после длительных территориальных споров между РСФСР и СССР в 1920–30-х гг. распределена между Ростовской и Волгоградской областями России, а также Донбассом (самопровозглашенные Донецкая и Луганская народные республики, подконтрольные официальным украинским властям территории Донецкой и Луганской областей) [5, С. 18]. Оренбург советскими властями рассматривался для дальнейшей передачи Казахстану, а о создании казачьих муниципалитетов на территории Северного Кавказа хотя и вели речь, но до окончательной

реализации и создания системы казачьего самоуправления вопрос довести не удалось.

Ответом на подобную политику большевиков стали тенденции казачьего сепаратизма на юге России, приведшие к объявлению в 1980–90-х гг. таких образований, как Донская Казачья Республика, Терская Казачья Республика, Армавирская Казачья Республика, Верхне-Кубанская Казачья Республика, объединившая две другие «республики» – Зеленчукско-Урупскую Казачью Советскую Социалистическую Республику и Баталпашинскую Казачью Республику, интеграция самопровозглашенных «республик» в виде Союза Казачьих Республик юга России и других образований. В 2005 году была инициирована попытка проведения референдума по объединению Ростовской и Волгоградской областей в Донской край, но так и не была доведена до уровня народного голосования. Впоследствии различными региональными политиками поднимался данный вопрос, но он оставался лишь на уровне заявлений.

«Парад суверенитетов» шёл на пространстве всего бывшего советского блока. Казаки, в свою очередь, стали участниками конфликтных событий, произошедших по линии раскола цивилизаций, культур, религий и охвативших пространство от Кавказа до Балкан. Участие в приднестровском конфликте (русские и украинцы vs молдаване и румыны), Боснийской войне (православные сербы и добровольцы vs мусульмане-бошняки и католики-хорваты), событиях в Абхазии и Южной Осетии (пророссийский вектор абхазов и осетин vs проамериканский вектор грузин) и других конфликтах лишь подтвердили фронтальный характер современного казачества.

Гражданская война на Украине способствовала актуализации не только территориального вопроса в приграничье. Она подняла вопрос фронтальных регионов. Т. Водотика указывает на то, что «Юг и Восток Украины и Юг России уже почти традиционно признается частью большой Степной границы, фронта, порубежья между Европой и Азией, мусульманским и христианским мирами. Есть примеры исследований отдельных регионов

именно как фронтирных: Славяносербии и Донщины» [9, С. 102].

Факт наличия в зоне Степного Кордона сербских поселений значительно сближает донских казаков с этими балканскими фронтирменами (граничарами). В сербском языке есть понятие «крајина» – приграничная территория, где живут с оружием и всегда готовы к военным действиям [12, С. 257]. События 1990-х гг., когда казаки-добровольцы направились на помощь сербским братьям, способствовали восстановлению близких отношений, формированию системы взаимопонимания, подтверждением чего стали события на Украине в 2010-х гг. Именно поэтому в ряды ополчения влились сербские четники, проявившие желание защитить Донецкую и Луганскую народные республики.

Сам конфликт в Донбассе ложится в лоно исторических противостояний во фронтирной зоне Степного Кордона между самими же фронтирменами. В их число можно отнести осаду донскими казаками Азова 1696 года и противостояние им не только турок, но и ахреян [16, С. 15], ставших, по словам Г. В. Вернадского, «представителями вольной русской колонизации, враждебной русскому государству» [20, С. 109], многочисленные столкновения донских казаков и войск ушедшего на Кубань Игната Некрасова, восстания С. Т. Разина, К. А. Булавина, Е. И. Пугачева, противостояние Донской Советской Республики и Всевеликого войска Донского в годы Гражданской войны и др.

События на Украине выступили и точкой активизации государственной политики в отношении казачества по военному направлению. Кубанские казаки принимали активное участие в процессе возвращения Крыма в состав Российской Федерации. Донские казаки направились поддержать ополченцев народных республик Донбасса, а на некоторое время в ряде муниципалитетов ДНР и ЛНР возникла система казачьего самоуправления. В 2016 году при поддержке Министерства обороны Российской Федерации в приграничной Ростовской области создается из числа казаков Донецкого, Новочеркасского, Первого Дон-

ского и Черкасского округов ВКО «Всевеликое войско Донское» рота территориальной обороны. Впоследствии на территории Краснодарского края создается 1-я Таманская казачья дивизия и казачья рота Росгвардии [4, С. 236]. Они же становятся прообразом современных «БАРСов».

Фронтирность казаков выступила фактором притяжения для других фронтирменов из Южной Африки – буров [10, С. 29]. В 2018 году ими поднимался вопрос переселения в Ставропольский край. В регионе работают программы по переселению соотечественников и беженцев, принимавшиеся под казаков-некрасовцев из Турции. С 2014 года мерами государственной поддержки воспользовались беженцы из Украины. В этой связи климатически подходящее Ставрополье изучается и представителями «бурского фронта».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенного переходим к выводам.

Во-первых, в условиях динамического развития казачеведения возникает потребность пересмотра сложившегося понятийного аппарата и включения определения «фронтирмен» в отношении казаков как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе развития.

Во-вторых, фронтирный характер казачества находит свое отражение в формировании этнокультурной идентичности и возможности использования его в качестве научного аргумента в дискурсе об отдельном этническом статусе казаков обеими сторонами диалога.

В-третьих, в рамках процесса возрождения, а теперь и развития необходима проработка вопроса применения фронтирности в рамках государственной политики в отношении казачества, использования его военной, этнокультурной, социально-политической составляющей.

Библиография / References:

1. Агафонов А.И. Донское казачество в современной научной литературе: проблемы, поиски, решения // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2018. – № 1 (197). – С. 52–70.
2. Баррет Т. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология. – Самара, 2000. – С. 166–177.
3. Басалаева И.П., Дубман Э.Л., Мизис Ю.А., Мильчев В.И., Сень Д.В., Урушадзе А.Т., Ходарковский М. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сень // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2020. – № 1 (27). – С. 81–105.
4. Бредихин А.В. Военная служба казаков в системе безопасности юга России (на примере Ростовской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25. – № 5. – С. 234–243.
5. Бредихин А.В. О территориальных претензиях в российско-украинском приграничье // Казачество. – 2016. – № 16 (3). – С. 17–22.
6. Бредихин А.В. Фронтирная культура Донского края (социально-исторический аспект) // Культура: управление, экономика, право. – 2016. – № 3. – С. 13–17.
7. Брехуненко В. Козаки на Степовому Кордоні Європи: типологія козацьких спільнот XVI – першої половини XVII ст. – Київ, 2011. – 504 с.
8. Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-е годы). – М.: Можайск-Терра, 2000. – 96 с.
9. Водотика Т. Теорія фронтиру та її пізнавальні можливості у контексті історичної регіоналістики // РЕГІОНАЛЬНА ІСТОРІЯ УКРАЇНИ. Збірник наукових статей. – 2012. – № 6. – С. 101–114.
10. Есаулова О.М. Южноафриканский фронт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2008. – Вып. 2. – Ч. II. – С. 29–32.
11. Канищев В.В. Пространственное представление движения южнорусского фронта в середине XVII – середине XIX в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. – 2015. – Вып. 4. – С. 178–186.
12. Копривица Ч.Д. Синдром идентичности глубокого приграничья. Приложения к пониманию Краины // Журнал фронтирных исследований. – 2019. – № 4-2 (16). – С. 257–295.
13. Маслак В.И. Опция степного фронта Европы в современном российском и украинском казачестве // Российский гуманитарный журнал. – 2014. – Т. 3. – № 4. – С. 297–306.
14. Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2011. – № 1. – С. 9–16.
15. Папков А.И. «Фронт» или «Украина»: два подхода к изучению русской колонизации днепро-донской лесостепи в XVI – XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. – 2017. – № 5. – С. 176–182.
16. Перетятко А.Ю. Люди пограничья между Российским государством и Османской империей: новая книга Д.В. Сень // East European History. – 2020. – № 6 (1). – С. 14–23.
17. Рябчикова Л.Н. Роль казачества в военно-политических конфликтах XX века // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2020. – № 3. – С. 12–16.
18. Сень Д.В. Из «вольных» казаков – в поданные крымских ханов: казаки сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII в. // Восток (Oriens). – 2011. – № 5. – С. 46–54.
19. Сень Д.В. Из истории «Донского фронта»: отношения казаков с Османским Азовом (XVII в.) // Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-кавказских чтений 2008–2009 гг.: этнология, история, археология, культурология / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов, И.В. Стасевич. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. –

С. 399–402.

20. Сень Д.В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.). – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2020. – 420 с.

21. Служинська І. Донщина як ареал порубіжжя й історична земля // РЕГІОНАЛЬНА ІСТОРІЯ УКРАЇНИ. Збірник наукових статей. – 2011. – № 5. – С. 121–132.

22. Сопов А.В. Концепт фронта и казаки // Сб. ст. «Вопросы казачьей истории и культуры. Посвящается году российской истории». – Майкоп, 2012. – С. 187–193.

23. Хаидов И.М. Русский фронт на Терек: фронтирная идентичность терских казаков в первой половине XIX в. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2020. – № 3 (112). – С. 54–58.

24. Longworth Ph. The Cossacks. Five Centuries of Turbulent Life in the Russian Steppes. New York: Holt, Rinehalt and Winston. – 1970. – P. 313–341.

1. Agafonov A.I. (2018) Donskoe kazachestvo v sovremennoj nauchnoj literature: problemy, poiski, reshenija [Don Cossacks in modern scientific literature: problems, searches, solutions] // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki. – № 1(197). – S. 52-70. (In Russ.).

2. Barret T. (2000) Linii neopredelennosti: Severokavkazskij «frontir» Rossii [Lines of uncertainty: Russia's North Caucasus «frontier»] // Amerikanskaja rusistika: vehi istoriografii poslednih let. Imperatorskij period. Antologija. Samara. – S. 166–177. (In Russ.).

3. Basalaeva I.P., Dubman Je.L., Mizis Ju.A., Mil'chev V.I., Sen' D.V., Urushadze A.T., Hordakovskij M. (2020) Kak segodnja izuchat' frontiry? Diskussija po stat'e D.V. Senja [How to study frontiers today? Discussion on the article by D. V. Senya] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – № 1(27). – S.81-105. (In Russ.).

4. Bredihin A.V. (2020) Voennaja sluzhba kazakov v sisteme bezopasnosti Juga Rossii (na primere Rostovskoj oblasti) [Military service of the

Cossacks in the security system of the South of Russia (on the example of the Rostov region)] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. – T 25. – № 5. – S. 234-243. (In Russ.).

5. Bredihin A.V. (2016) O territorial'nyh pretenzijah v rossijsko-ukrainskom prigranich'e [On territorial claims in the Russian-Ukrainian border area] // Kazachestvo. – №16(3). – S. 17-22. (In Russ.).

6. Bredihin A.V. (2016) Frontirnaja kul'tura Donskogo kraja (social'no-istoricheskij aspekt) [Frontier culture of the Don Region (socio-historical aspect)] // Kul'tura: upravlenie, jekonomika, pravo. – №3. – S.13-17. (In Russ.).

7. Brehunenko V. (2011) Kozaki na Stepovomu Kordonu Evropi: tipologija kozac'kih spil'not XVI – pershoi polovini XVII st. [Cossacks on the Steppe border of Europe: typology of Cossack communities of the XVI – first half of the XVII century]. – Kiiv. 504s. (In Ukr.).

8. Bugaj N.F. (2000) Kazachestvo Rossii: ottorzhenie, priznanie, vozrozhdenie (1917-90-gody) [Cossacks of Russia: rejection, recognition, rebirth (1917-90-years)]. – M.: Mozhajsk-Terra. – 96s. (In Russ.).

9. Vodotika T. (2012) Teorija frontiru ta ii piznaval'ni mozhlivosti u konteksti istorichnoi regionalistiki [Frontier theory and its cognitive capabilities in the context of historical regionalism] // REGIONAL'NA ISTORIJA UKRAINI. Zbirnik naukovih statej. – №6. – S.101-114. (In Russ.).

10. Esaulova O.M. (2008) Juzhnoafrikaniskij frontier [South African frontier] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. – Ser.9. – Vyp.2. – Ch.II. – S.29–32. (In Russ.).

11. Kanishhev V.V. (2015) Prostranstvennoe predstavlenie dvizhenija juzhnorusskogo frontira v seredine XVII – seredine XIXvv. [Spatial representation of the movement of the south Russian frontier in the middle of the XVII – middle of the XIX centuries] // Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja. Vyp. 4. – S.178-186. (In Russ.).

12. Koprivica Ch.D. (2019) Sindrom identichnosti glubokogo prigranich'ja. Prilozhenija k ponimaniju Krainy [Deep border identity syndrome. Applications to understanding the country]

- // Zhurnal Frontirnyh issledovanij. – №4-2(16). – S.257-295. (In Russ.).
13. Maslak V.I. (2014) Opcija stepnogo frontira Evropy v sovremennom rossijskom i ukrainskom kazakovedenii [Option of the steppe frontier of Europe in modern Russian and Ukrainian Cossack studies] // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. – T.3. – №4. – S.297-306. (In Russ.).
14. Mizis Ju.A., Kashhenko S.G. (2011) Problema formirovaniya russkogo frontira na juge Rossii v XVI – pervoj polovine XVIII v. v otechestvennoj istoriografii [The problem of the formation of the Russian frontier in the south of Russia in the XVI – first half of the XVIII century in Russian historiography] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 2: Istorija. – № 1. – S. 9-16. (In Russ.).
15. Papkov A.I. (2017) «Frontir» ili «Ukraina»: dva podhoda k izucheniju russkoj kolonizacii dnepro-donskoj lesostepi v XVI-XVII vv. [«Frontier» or «Ukraine»: two approaches to the study of the Russian colonization of the Dnieper-Don forest-steppe in the XVI-XVII centuries] // Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja. – №5. – S.176-182. (In Russ.).
16. Peretjat'ko A.Ju. (2020) Ljudi pogranič'ja mezhdru Rossijskim gosudarstvom i Osmanskoj imperiej: novaja kniga D.V. Senja [People of the border between the Russian state and the Ottoman Empire: a new book by D. V. Senya] // East European History. – № 6(1). – S. 14-23. (In Russ.).
17. Rjabchikova L.N. (2020) Rol' kazachestva v voenno-politicheskikh konfliktah 20 veka [The role of the Cossacks in the military-political conflicts of the twentieth century] // Jelektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er». – №3. – S.12-16. (In Russ.).
18. Sen' D.V. (2011) Iz «vol'nyh» kazakov – v podannye krymskikh hanov: kazach'i soobshhestva Dona i Kavkaza v konce XVII – nachale XVIII vv. [From the «free» Cossacks – in the submitted Crimean Khans: Cossacks of the Don and Caucasus communities at the end of the XVII – beginning of the XVIII centuries] // Vostok (Oriens). – №5. – S.46–54. (In Russ.).
19. Sen' D.V. (2009) Iz istorii «Donskogo frontira»: otnoshenija kazakov s Osmanskim Azovom (XVII v.) [From the history of the "Don frontier": relations of the Cossacks with the Ottoman Azov (XVII century)] // Sb. st. Lavrovskij sbornik. Jetnologija, Istorija, Arheologija, Kul'turologija. – S.399-402. (In Russ.).
20. Sen' D.V. (2020) Russko-krymsko-osmanskoe pogranič'e: prostranstvo, javlenija, ljudi (konec XVII – XVIII v.) [Russian-Crimean – Ottoman border: space, phenomena, people (end of the XVII-XVIII centuries)]. Rostov-na-Donu. – 420s. (In Russ.).
21. Sluzhins'ka I. (2011) Donshhina jak areal porubizhzhja i istorichna zemlja [Don region as a border area and historical land] // REGIONAL'NA ISTORIJA UKRAÏNI. Zbirnik naukovih statej. – № 5. – S. 121-132(In Russ.).
22. Sopov A.V. (2012) Koncept frontira i kazaki [Concept of the frontier and the Cossacks] // Sb. st. «Voprosy kazach'ej istorii i kul'tury. Posvjashhaetsja godu rossijskoj istorii». – S.187-193. (In Ukr.).
23. Haidov I.M. (2020) Russkij frontir na Tereke: frontimaja identichnost' terskikh kazakov v pervoj polovine XIX v. [Russian frontier on the Terek: the frontier identity of the Terek Cossacks in the first half of the XIX century] // Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki. – № 3(112). – S.54-58. (In Russ.).
24. Longworth Ph. (1970) The Cossacks. Five Centuries of Turbulent Life in the Russian Stepps. –New York: Holt, Rinehalt and Winston. – P.313-341. (In Engl.)

АККУЗИНОВ Асет Кайролдинович, кандидат политических наук, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил РФ (Россия, Москва), e-mail: altinay_akku@mail.ru

AKKUZINOV A.K., Candidate of Political Sciences, Military Academy of General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow), e-mail: altinay_akku@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО СССР И КАЗАХСКОЙ ССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ADMINISTRATIVE AND POLITICAL STRUCTURE OF THE USSR AND THE KAZAKH SSR ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Аннотация. Целью статьи является анализ структуры административно-политической системы СССР и Казахской ССР в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне. Актуальность исследования определялась необходимостью изучения судьбоносных решений руководства СССР в вопросах подготовки страны к обороне посредством изменения законодательства и реализации этих решений руководством Казахской Республики. Источниковую базу работы составили труды советских, российских и казахстанских авторов, посвященные истории Великой Отечественной войны. Приводятся особенности реформ в законодательной сфере после принятия Конституции СССР (1936 г.) и Конституции Казахской ССР (1937 г.), обнаруживаются тенденции к ужесточению трудового законодательства, предусматривавшему административную и уголовную ответственность за опоздание на работу и прогулы. Раскрываются меры, принятые в этих условиях коммунистической партией страны, по развитию патриотических чувств советских граждан, по повышению экономических показателей в ходе третьей пятилетки индустриализации в Казахстане. Делается вывод о том, что реформы в законодательной сфере, перестройка административно-политической системы страны путем принятия конституций позволили подготовиться к предстоящей войне СССР против Германии.

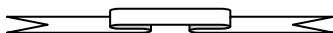
Ключевые слова: СССР, Казахстан, Конституция, Великая Отечественная война, органы государственного управления, коммунистическая партия, Центральный комитет.

Abstract. The aim of the article is to analyze the structure of the administrative and political system of the USSR and the Kazakh SSR, their activities and interaction before the Great Patriotic War.

The relevance of the study is determined by the need to study the fateful decisions of the USSR leadership focusing on the defense through changes in legislation and the implementation of these decisions by the leadership of the Kazakh Republic. The references are based on the works of Soviet, Russian and Kazakh authors devoted to the history of the Great Patriotic War. The peculiarities of the legislative reforms after the adoption of the Constitution of the USSR (1936) and the Constitution of the Kazakh SSR (1937) are given; the tendencies of making the labour legislation stricter, which provided an administrative and criminal responsibility for lateness to work and absenteeism are revealed. The article reveals the measures taken in these conditions by the Communist Party of the country to raise the patriotic feelings of the Soviet citizens, aimed at increasing the economic indicators of industrialization carried out in Kazakhstan during the study period of the Third Five-Year Plan.

As a result, the author comes to the conclusion that the legislative reforms, the restructuring of the administrative and political system of the country by adopting the Constitutions made it possible to prepare the country for the forthcoming war of the USSR against Germany.

Keywords: USSR; Kazakhstan; Constitution, Great Patriotic War; State governing bodies; Communist Party; Central Committee.

ВВЕДЕНИЕ

История как наука познавала взаимосвязь развития великих событий, соединяющих народы мира и управление ими. Изучение раздела всеобщей истории предполагает в числе прочего сравнение того или иного государственного устройства, идеально подходящего для совместного сосуществования разных народов, национальностей, готовности их к защите своей страны в случае внешней агрессии. Актуальность исследования определялась необходимостью изучения судьбоносных решений руководства СССР в вопросах подготовки страны к обороне посредством изменения законодательства и реализации этих решений руководством Казахской Республики. К изучению темы в разные годы обращались советские, российские и казахстанские авторы: А. Ахметов [2], М. К. Козыбаев, З. А. Голикова [6], С. С. Белюсов [2], А. Ю. Соломатин [8], Н. В. Макеева, Е. В. Наквакина, А. С. Корякина, С. Ш. Мухамеджанова [7] и другие исследователи. Целью статьи является анализ структуры административно-политической системы СССР и Казахской ССР, их деятельности и взаимодействия в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне. Задача исследования – показать эффективность административно-политического аппарата Казахстана при участии республики в подготовке СССР к обороне. Автором для решения научной задачи использован метод источниковедения. В работе раскрывается модель социалистического строя с его преимуществами и недостатками, роль и значение Конституции, исходящих от нее законодательных решений, направленных на обеспечение экономической и военной безопасности государства.

**ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ СССР НАКАНУНЕ ВОЙНЫ**

Середина 1930-х годов была отождествлена с изменениями в геополитической ситуации вокруг СССР, повлиявшими на структуру, функции государственного и военного

управления, спешно занимавшихся повышением оборонной способности Союза ССР. На VIII чрезвычайном съезде Советов, состоявшемся 5 декабря 1936 года, принимается новая Конституция Союза Советских Социалистических Республик. Изменение содержания главного закона стало следствием происходивших в советском обществе экономических, политических и национально-государственных преобразований. СССР провозгласил себя – социалистическим государством.

Общая площадь страны к началу Великой Отечественной войны составляла более 22 миллионов квадратных километров. И проживали на ее территории 195 миллионов человек, а по данным других источников, 196,7 миллиона. В новой Конституции были отражены изменения в национальном и государственном устройстве Союза ССР, Армянская, Азербайджанская, Грузинская, Казахская и Киргизская ССР получили статус союзных республик.

Государственная граница на западе СССР переместилась на 200–300 километров от прежних ее очертаний в сторону увеличения. Такие меры военно-политическим руководством страны были приняты в результате начавшейся Второй мировой войны и коренных изменений общей геополитической ситуации на Европейском континенте. В конце 1930-х гг. в состав СССР вошли новые территории, и общая численность республик Союза составила 16 (состав Союза Советских Социалистических Республик по состоянию на 1936 год: Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, Азербайджанская Советская Социалистическая Республика, Армянская Советская Социалистическая Республика, Белорусская Советская Социалистическая Республика, Грузинская Советская Социалистическая Республика, Казахская Советская Социалистическая Республика, Карело-Финская Советская Социалистическая Республика, Киргизская Советская Социалистическая Республика, Латвийская Советская Социалистическая Республика, Литовская Советская

Социалистическая Республика, Молдавская Советская Социалистическая Республика, Таджикская Советская Социалистическая Республика, Туркменская Советская Социалистическая Республика, Узбекская Советская Социалистическая Республика, Украинская Советская Социалистическая Республика и Эстонская Советская Социалистическая Республика). Некоторые союзные республики, в свою очередь, имели в составе автономные образования.

С принятием Конституции СССР 1936 года система высших органов государственной власти и управления представляла собой следующую структуру:

1) создавалось Политбюро Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (партия) большевиков (ЦК ВКП(б)) СССР, являвшееся высшим союзным совещательным органом власти страны;

2) в структуру государственного управления входил Центральный комитет партии, состоявший из секретариата и аппарата Центрального комитета;

3) Верховный Совет СССР, избиравший Президиум, с полномочиями:

а) определение целей предстоящей войны, характера, политического содержания и способов ее ведения;

б) идейно-политическая подготовка страны к будущей войне;

в) идеологическое обоснование, законодательно-правовое оформление деятельности государства по обеспечению его внутренней безопасности;

г) формирование политико-правовой основы коллективной стратегии;

д) правовое оформление принципов руководства стратегическими органами государственного и военного управления страны;

е) формирование правовой базы развития вооруженных сил государства.

Реализация перечисленных задач возлагалась на советские высшие партийные органы республик Союза, которые также состояли из центральных комитетов республиканских организаций партии, секретариатов и аппаратов партии республик и верховных

советов республик.

Политической опорой страны являлись Советы депутатов трудящихся, законодательным органом – Верховный Совет, состоявший из двух палат (Совета Союза и Совета Национальностей). Такая структура палаты объясняется многонациональным составом республик СССР. Основной формой деятельности Верховного Совета была сессия, проводимая два раза в год. В период между сессиями законодательную и исполнительно-распорядительную функцию выполнял Президиум Верховного Совета СССР, присваивавший воинские звания высшему составу Красной армии, назначавший и отстранявший его представителей. Президиум мог объявлять мобилизацию (частичную и общую), определять состояние войны и военное положение на всей территории Союза или в отдельных ее местностях. Последнее было вызвано сложной геополитической обстановкой и направлено на обеспечение обороны страны.

Верховный Совет утверждал состав правительства Союза ССР. Союзные народные комиссариаты получили широкие полномочия в законодательной сфере и развитии народного хозяйства в интересах укрепления обороноспособности страны. В свою очередь, централизация государственной власти ограничила права республиканских органов власти в законотворческой сфере.

Совет народных комиссаров (СНК или Совнарком) СССР состоял из следующих должностных лиц: глава правительства, являвшийся председателем, заместители главы правительства, наркомы СССР, в том числе и народный комиссар обороны. Совнарком, кроме задач народного хозяйства, отвечал за обеспечение госбезопасности, охрану границы и территории СССР, оборону страны и общее руководство строительством вооруженных сил.

К августу 1940 года СНК СССР состоял из 25 союзных и 16 союзно-республиканских наркоматов. Координацию деятельности этих наркоматов при СНК СССР осуществляли шесть хозяйственных советов – по сельскому

хозяйству и заготовкам; товарам широкого потребления; топливу и электрохозяйству; машиностроению; металлургии и химии; оборонной промышленности. В этом же году, месяцем позже, был создан Наркомат госконтроля СССР, предназначенный для контроля освоения денежных средств. Данный орган объединил в себе функции Комиссии советского контроля и Главного военного контроля. К наркоматам силового блока страны относились: наркомат обороны, военно-морского флота, внутренних дел, госбезопасности, а также гражданские народные комиссариаты, занимавшиеся в рамках своих полномочий выпуском оборонной продукции. Для организации взаимодействия при ЦК ВКП(б) создавались отделы, курировавшие отрасли народного хозяйства, через которые решались ведомственные вопросы наркоматов Союза ССР. В целях оперативного решения народно-хозяйственных вопросов ряд полномочий предоставлялся совнаркомам республик и их наркоматам.

Конституция СССР определила правовое обеспечение госуправления. Ведению Союза подлежали важнейшие сферы государственной деятельности: все формы международных сношений, утверждение единого для страны бюджета, управление банковской и кредитной системами, охрана госбезопасности, руководство вооруженными силами страны, связь, транспортом, установление планов народного хозяйства, основ в области земле- и недропользования, просвещения и здравоохранения и, самое главное, основ законодательства. Претерпели изменения трудовое, гражданское и уголовное право, семейное право. Граждане Советского Союза имели право на труд и отдых, образование и материальное обеспечение в старости. Трудиться обязан был каждый трудоспособный гражданин, а трудовая дисциплина укреплялась во всех отраслях страны. Прогулы и даже опоздание на работу предусматривали административное и уголовное наказание. В этот период были введены трудовые книжки единого образца, а в 1939 году проведена всесоюзная перепись населения. Свобода

религиозных культов была официально разрешена, но при этом вводилась свобода антирелигиозной пропаганды.

Одним из факторов максимальной централизации власти в стране являлись утверждаемые Политбюро СССР проекты законов и постановлений, связанные с подготовкой страны к обороне и касающиеся деятельности госорганов народного хозяйства, силового блока, а в некоторых случаях предприятий оборонно-промышленного комплекса. Решения, принимаемые верховной властью страны, союзными и республиканскими правительственными учреждениями, а также центральными органами военного управления, реализовывались через местные комитеты ВКП(б), управления военных округов, флотов, региональные подразделения НКВД, НКГБ. Обеспечением исполнения политических решений оборонно-массовой работы при районных, городских, областных исполнительных и центральных комитетах республик занимались созданные в 1939 году военные отделы.

На фоне принимаемых мер и проводимых мероприятий повышалась роль коммунистической партии, а XVIII съезд 1939 года возложил на партийные органы ответственность за контроль деятельности предприятий и учреждений народного хозяйства и оборонного комплекса. Особо активная работа велась местными советами по подготовке к обороне страны. В сферу их деятельности входили вопросы организации и контроля работы общественных организаций по обучению граждан военному делу, подготовке их к воинской службе, развитию военного спортивного движения на местах. Горсоветы и райсоветы несли ответственность за бесперебойную работу предприятий гражданского сектора и оборонно-промышленного комплекса вне зависимости от их союзного или республиканского подчинения. В рамках своих компетенций местные советы отвечали и за ведение мобилизационной работы.

С принятием новой Конституции страны изменилось административно-территориальное деление Союза ССР, что потребовало

централизации государственной власти, необходимой для стратегического руководства ее институтами власти в военное время. Сокращены крупные, слабо управляемые административно-территориальные образования, что позволило определить границы военных округов и зоны их ответственности. Конституция стала стратегическим документом, реформировавшим систему государственного управления и закрепившим роль ВКП(б) как конституционную норму. Эти меры позволили организовать подготовку страны к обороне во всех отраслях ее народного хозяйства, промышленности и оборонного комплекса. Также она стала методологической основой для принятия конституций союзных республик, в том числе и первой Конституции Казахской ССР.

ОРГАНЫ ГОСУПРАВЛЕНИЯ КАЗАХСКОЙ ССР НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

На чрезвычайном X съезде Советов Казахстана 26 марта 1937 года была принята первая Конституция Казахской ССР. Структура главного закона Казахстана полностью соответствовала Конституции страны. Казахская ССР являлась союзной республикой СССР, что гарантировало ей экономическую и политическую безопасность. Создание в республике основ социализма, установление собственности общества на производственные средства и плановой экономики, отмена эксплуатации человека человеком и формирование равноправных отношений между гражданами – всё это предусматривала Конституция Казахской ССР.

Конституцией были предусмотрены органы управления республики, в число которых входили:

1) Верховный Совет Казахской ССР (ВС КазССР), являвшийся законодательным органом республики, избираемый народом сроком на четыре года;

2) Президиум Верховного Совета Казахской ССР – совещательный орган, принимавший указы республиканского значения в пределах своих полномочий;

3) СНК КазССР – госорган исполнительной и распорядительной власти республики;

4) союзно-республиканские наркоматы, подчиненные соответствующим союзным наркоматам. Их в республике насчитывалось десять.

С принятием Конституции Казахстана укреплялась ведущая роль коммунистической партии. Верховным органом партии являлся съезд, избиравший исполнительный орган – Центральный комитет (ЦК), который, в свою очередь, для ведения политической работы организовывал Политбюро. Центральный комитет Коммунистической партии большевиков Казахстана (ЦК КП(б)К) был избран на Первом съезде Компартии Казахстана 23 апреля 1937 года. Так, если Политбюро являлось высшим органом власти в СССР, то в республиках тоже для общего руководства текущей работой создавались бюро.

Общее взаимодействие работы органов государственного управления СССР и Казахской ССР осуществлялось через Постоянное Представительство Казахской ССР при Совнаркоме Союза ССР в г. Москве, состоявшее из десяти штатных единиц. Численность Постоянного Представительства утверждалась Государственной штатной комиссией при Совете народных комиссаров Союза ССР (ЦГА РК. Ф. 196. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–2).

Последний предвоенный съезд Коммунистической партии Казахстана состоялся в марте 1940 года, первый послевоенный – в 1949 г. В марте 1940 г. членами бюро были избраны: Н. А. Скворцов, первый секретарь ЦК КП(б)К; Н. П. Садовников, первый секретарь Алма-Атинского областного комитета партии. Состав членов бюро в связи с постоянной ротацией кадров изменялся неоднократно. В декабре 1940 г. – за счёт А. Н. Бабкина, наркома НКВД КазССР; А. Г. Дудкина, секретаря ЦК КП(б)К по кадрам; А. Казакпаева, председателя Президиума ВС КазССР; кандидатов в члены бюро – И. С. Климентьева, зампреда СНК КазССР; А. К. Койшигулова, зампреда СНК КазССР; А. И. Мамбетова, первого секретаря ЦК ЛКСМ Казахстана.

Местные Советы административно-

территориальных единиц (области, города, района) работали по принципу совещательного органа, избираемого сроком на два года путем тайного голосования на всеобщих выборах. Исполнительными и распорядительными органами местных Советов являлись избираемые ими исполнительные комитеты (исполком). Исполкомы, начиная с района, находились в подчинении вышестоящих исполнительных комитетов (города, области, ЦК) и местных Советов. Необходимо отметить, что созданным в 1939 году военным отделам от районного уровня до военного отдела ЦК КП(б) Казахстана предстояло сыграть важную роль по обеспечению исполнения политических решений оборонно-массовой работы, организации взаимодействия между всеми отделами исполнительной власти на местах по укреплению оборонной составляющей республики и страны.

Высшим судебным органом республики являлся Верховный Суд Казахской ССР. Действовали также специальные суды, создаваемые постановлениями Верховного Совета СССР. Специальными судами в Казахстане являлись линейные суды железнодорожного транспорта, водного транспорта и военные трибуналы, рассматривавшие исключительно уголовные дела.

Конституция Казахской ССР 1937 года в сфере гражданского права не предусматривала института частной собственности и наложила запрет на занятие гражданами предпринимательской деятельностью. Претерпело существенные изменения трудовое право граждан республики. Так, низкие экономические показатели и производительность труда власти пытались повысить путем ужесточения законодательства. Продолжительность рабочего дня составляла восемь часов, а рабочая неделя – семь дней, также был введен запрет на увольнение работника по собственному желанию; перевод без согласия граждан, относившихся к числу квалифицированных работников, на другие предприятия, в том числе располагавшиеся в других регионах республики и страны, стал нормой. Подростки подлежали обязательному набору в школы ФЗО,

ремесленные и железнодорожные училища, которые нельзя было покидать самостоятельно. В случае нарушения данного требования следовало уголовное наказание. Получение профессии и специальности предусматривало обязательную четырехлетнюю отработку в народном хозяйстве по направлению ГУТР при СНК СССР. Усиление трудового законодательства республики в предвоенные годы было обусловлено необходимостью укрепления оборонной составляющей Союза ССР.

Территория Казахской ССР была значительной и накануне войны состояла из 14 областей, таких как Акмолинская, Алма-Атинская, Актюбинская, Восточно-Казахстанская, Гурьевская, Джамбульская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Кустанайская, Кызыл-Ординская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Семипалатинская и Южно-Казахстанская области (Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп.3/1. Д.1. Л.4.).

Согласно данным переписи 1939 года в Средней Азии и Казахстане проживало 16 625 760 человек. Численность населения Казахстана на 1 июля 1941 г. составляла 6 156 100 человек (сведения в тысячах человек: Акмолинская область – 458,5; Алма-Атинская (без г. Алма-Аты) – 577,4; Актюбинская – 340,0; Восточно-Казахстанская – 538,2; Гурьевская – 269,7; Джамбульская – 321,6; Западно-Казахстанская – 394,1; Карагандинская – 417,5; Кустанайская – 371,9; Кызыл-Ординская – 328,1; Павлодарская – 250,6; Северо-Казахстанская – 542,4; Семипалатинская – 379,2; Южно-Казахстанская – 745,5; город Алма-Ата – 221,4) (АП РК. Ф.708. Оп. 5.1. Д. 1121. Л.89). Приведенные сведения дают представление о наиболее густонаселенных областях республики, что было связано с реализацией планов третьей пятилетки – индустриализацией СССР и активным развитием промышленности в Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Южно-Казахстанской и Алма-Атинской областях Казахстана. Принятая Конституция Казахской ССР 1937 года стала одним из генераторов подъема экономического и социального поло-

жения населения республики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование показало, что с принятием Конституции СССР 1936 года государственная система страны претерпела значительные изменения. Руководящая роль ВКП(б) стала конституционной нормой и основным принципом государственного строительства Союза ССР, была выстроена вертикаль организации работы от центра к окраинам страны путем создания наркоматов союзного и республиканского значения с регламентированной подотчетностью и контролем выполнения государственных программ. Особенности реформ государственной системы СССР в довоенный период стали:

1) централизация нормотворческой деятельности Союза ССР, в том числе в вопросах международных сношений и союзного бюджета, единой банковской системы и государственной безопасности, руководства вооруженными силами и народным хозяйством, управления связью, транспортом, землями и недропользованием, просвещением и здравоохранением;

2) создание союзно-республиканских наркоматов и двойное подчинение местных Советов, что давало возможность двойного контроля исполнения распорядительных функций Союза;

3) ужесточение трудового права, а также введение административной и уголовной ответственности за отсутствие на рабочем месте и прогулы;

4) усиление судебно-исполнительной власти, создание линейных судов железнодорожного, водного транспорта и военных трибуналов;

5) запрет на предпринимательскую деятельность и упразднение института частной собственности;

6) введение обязательной четырехлетней отработки выпускниками учебных заведений по направлению ГУТР при СНК СССР в народном хозяйстве.

Такие меры были оправданы общемировой тенденцией втягивания СССР во Вторую мировую войну. Непринятие столь жестких законодательных решений впоследствии могло усложнить управление государственной системой страны и даже привести к поражению СССР в предстоящей войне. В плане подготовки страны к войне принятые решения были стратегически верными. История свидетельствует, что данные преобразования руководство СССР должно было провести гораздо раньше, тем самым обеспечив заблаговременную подготовку Советского государства к предстоящей войне.

Органы госуправления Казахской ССР в предвоенные годы являлись структурным звеном системы государственного управления СССР. С принятием Конституции КазССР 1937 года в республике сформировалась административно-государственная структура, состоявшая из трех ветвей власти: законодательной (Верховный Совет Казахской ССР), исполнительной (Совет народных комиссаров) и судебной (Верховный Суд Казахской ССР). Центральным органом власти республики стал ЦК КП(б) Казахстана, которую в это время возглавлял Л. И. Мирзоян, в последующие годы – Н. А. Скворцов (1938–1945 гг.). Республиканские органы власти Казахской ССР обеспечивали строгое исполнение актов и решений, принятых ЦК ВКП(б) СССР. Однако централизацией власти и тотальным контролем добиться доверия собственного народа, его самоотверженности в труде и защите Отечества было невозможно. В этой связи предвоенные годы были ознаменованы обращением власти страны к религиозным и патриотическим чувствам советского народа. В Казахстане руководство республики стало глубоко изучать и пропагандировать историю народно-освободительной борьбы и этнокультурного наследия казахского народа, было создано Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана, что укрепило доверие населения республики к коммунистической партии и проводимой ею законодательной реформе.

Так работала государственная система молодого социалистического государства в предвоенные годы, а Казахской ССР в ней была отведена особая роль – республики, которая в результате проведенных стратегических реформ должна была стать надежным тылом, обеспечивающим устойчивое развитие военно-экономического потенциала Советского Союза. Принятые в предвоенные годы меры по реформированию административно-политического устройства страны и Казахской Республики позволили непосредственно уже в годы войны (1941–1945) вести слаженную работу по управлению институтами государства, направленную на достижение Победы СССР над Германией в 1945 году. Исторические факты свидетельствуют о том, что руководству СССР и исполнительной власти Казахской ССР удалось осуществить подготовку республики во всех ее аспектах к отражению Советским Союзом агрессии противника.

Описанный период для современного Казахстана имеет важное историческое значение. Опыт, полученный руководством Казахской ССР накануне Великой Отечественной войны, по сплочению населения для достижения высоких экономических и социальных показателей республики, укреплению идеологических основ социалистического общества, реализации исполнительных и контрольных функций органами государственного управления на всех ее уровнях – от Центрального комитета до района – был основан на идейных и патриотических чувствах советских граждан, равноправии руководителей и простых граждан и их беззаветной любви к Родине! Уроки, извлеченные из полученного опыта, должны стать на современном этапе ориентиром для организации государственного управления, направленного на обеспечение экономической и военной безопасности государства.

Библиография / References:

1. Абдукадырова Д.Ю. (отв. ред.), Алимгазинов К.Ш., Баекенов Б.А., Дегитаева Л.Д.,

Шепель В.Н. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП(б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сборник документов. / отв. сост. Грибанова Е.М., Зулкашева А.С., Мурзагалиева Г.Н., Чиликова Е.В. – Алматы: LEM, 2020. – 604 с.

2. Ахметов А. Плоды Великого содружества // Партийная жизнь Казахстана. – 1968. – № 7. – С. 69–71.

3. Белоусов С.С. Изменения в административно-территориальном устройстве Нижневолжского региона в период Гражданской и Великой Отечественной войн. – Элиста: Калмыцкий научный центр РАН, 2019. – С. 175–184.

4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Том 11. Политика и стратегическая победа: стратегическое руководство страной и Вооруженными силами СССР в годы войны. – М.: Кучково поле, 2015. – 864 с.

5. Кожурин В.С. О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны (неизвестные документы) // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 2. – С. 21–26.

6. Козыбаев М.К., Голикова З.А. Золотой фонд партии. Из опыта кадровой политики КПСС. – Алма-Ата, 1973. – 240 с.

7. Мухамеджанова С.Ш. Из истории государственного управления экономикой в Казахстане // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 4. – С. 767–784.

8. Соломатин А.Ю., Макеева Н.В., Наквакина Е.В., Корякина А.С. Этнический фактор в становлении и развитии федеративных отношений. – М.: Издательский центр «РИОР», 2021. – 191 с.

1. Abdukadyrova, D.Yu. (otv. red.), Alimgazinov K.Sh., Baekenov B.A., Degitaeva L.D., Shepel' V.N. (2020) Rassekrechennaya voyna: «osobyie papki» TsK KP (b) Kazakhstana. 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov. / Gribanova E.M., Zulkasheva A.S., Murzagalieva G.N., Chilikova E.V. (otv.sost.). [Declassified war: the "special folders" of the Central Committee of the

Communist Party (Bolsheviks) of Kazakhstan. 1941-1945]. – Almaty: LEM. – 604 s. (In Russ.).

2. Akhmetov, A. (1968) Plody Velikogo sodruzhestva [The fruits of the Great Commonwealth] // Partiinaya zhizn' Kazakhstana. – № 7. – S. 69-71. (In Russ.)

3. Belousov S.S. (2019) Izmeneniya v administrativno-territorial'nom ustroistve Nizhnevolzhskogo regiona v period Grazhdanskoi i Velikoi Otechestvennoi voin [Changes in the administrative-territorial structure of the Lower Volga region during the Civil and Great Patriotic Wars] // Kalmytskii nauchnyi tsentr RAN. Elista. – S.175-184. (In Russ.).

4. Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. V 12 tomakh. Tom 11. Politika i strategicheskaya Pobedy: strategicheskoe rukovodstvo stranoi i voozruzhennymi silami SSSR v gody voiny. (2015) [The Great Patriotic War of 1941-1945. In 12 vol. Vol. 11. Politics and Strategic Victory: Strategic Leadership of the Country and the Armed Forces of the USSR during the War]. – M.: Kuchkovo Pole. – 864 s. (In Russ.).

5. Kozhurin V.S. (1991) O chislennosti naseleniya SSSR nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny (neizvestnye dokumenty) [On the population of the USSR on the eve of the Great Patriotic War (unknown documents)] // Voenno-historicheskii zhurnal. – № 2. – S.21–26 (In Russ.).

6. Kozybaev M.K., Golikova Z.A. (1973) Zolotoi fond partii. Iz opyta kadrovoy politiki KPSS [The party's golden fund. From the experience of the CPSU's personnel policy]. – Alma-Ata. – 240 s. (In Russ.).

7. Mukhamedzhanova S.S. (2018) Iz istorii gosudarstvennogo upravleniya ekonomikoi v Kazakhstane [From the history of public administration of the economy in Kazakhstan], Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. – T.14. – №4. – S.767-784.

8. Solomatin A.Yu., Makeeva N.V., Nakvakina E.V., Koryakina A.S. (2021) Etnicheskiy faktor v stanovlenii i razvitii federativnykh otnoshenii [The ethnic factor in the formation and development of federal relations]. – M.: Izdatel'skii Tsentr RIOR. – 191s. (In Russ.).

УДК 94(47).084.3.

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-2-58-68

АСТРАХАН Владимир Иванович, доктор исторических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: vianostra@mail.ru, AuthorID: 263758

ASTRAKHAN V.I., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: vianos-tra@mail.ru

ЩЕКОТИХИН Егор Егорович, доктор исторических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: orelbitva@yandex.ru, AuthorID: 485449

SHEKOTIKHIN E.E., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: orelbitva@yandex.ru

**МОДЕЛИ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКЕ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 1917–1923 ГГ.**

**MODELS OF STUDENT SELF-GOVERNMENT
IN THE YOUTH POLICY OF THE SOVIET GOVERNMENT 1917-1923**

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение государственной молодёжной политики советской власти на начальном этапе, а также становление советской государственности. Авторами анализируются особенности формирования органов студенческого самоуправления, определения степени их лояльности к советской власти, эффективности в процессе воздействия на молодёжь, выбора модели взаимоотношения формируемых органов с партийными организациями вузов. Для изучения модели студенческого самоуправления в молодёжной политике советской власти в период с 1917 по 1923 год и получения более полного и точного представления о принципах и механизмах функционирования модели, её результатах и эффективности, а также о её уникальности в контексте других моделей студенческого самоуправления используются следующие методы: исторический метод, социологический, компаративный, статистический, комбинированный. На базе впервые вводимых в оборот архивных материалов делается вывод о том, что в данный период у правящей партии и органов государственного управления отсутствовала единая концепция формирования органов студенческого самоуправления. В конечном итоге было принято решение об усилении политического влияния на молодёжь. Данная функция передавалась в ведение комсомольских организаций вузов под руководством партийных органов. В качестве дополнительной структуры студенческого самоуправления были организованы студенческие профсоюзы, взявшие на себя организацию студенческого быта в широком смысле этого слова.

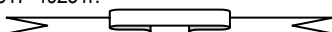
Ключевые слова: реформа высшего образования 1917–1923 гг., комсомольские организации вузов, органы студенческого самоуправления в 1917–1923 гг.

Abstract. The purpose of the article is to study the state youth policy of the Soviet government at the initial stage and formation of the Soviet statehood. The authors analyze the special features of the development of student self-government bodies, the process of determining the degree of their loyalty to the Soviet government, effectiveness of the impact on young people, choosing a model of the relationship between the formed bodies and the party organizations of universities.

To study the student self-government model in the youth policy of the Soviet government between 1917 and 1923 and to obtain a more complete and accurate understanding of the principles and mechanisms of functioning of the model, its results and effectiveness, as well as its uniqueness in the context of other student self-government models, the following methods are used: historical method, sociological, comparative, statistical, combined methods.

As a result, the authors come to the conclusion that strengthening political influence on young people is in need. This function was transferred to the Komsomol organizations of universities under the party bodies leadership. As an additional structure of student self-government, student trade unions were organized, which took over the organization of student life in the broad sense of the word.

Keywords: higher education reform 1917–1923, Komsomol organizations of universities, student self-government bodies 1917–1923.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из направлений масштабных социально-политических преобразований первых лет становления советской государственности стала кардинальная реформа система высшего образования. Практически одновременно начинается и формирование органов студенческого самоуправления, результатом последовательной эволюции которых станет формирование студенческих профсоюзов.

В первые годы после Октябрьской революции 1917 года в России произошли значительные изменения в обществе, в том числе и в системе образования. В это время студенческая молодёжь стала активно участвовать в политической жизни страны и в различных социальных движениях. Первоначально не было монополии на представительство студенческой молодёжи в обществе. Различные группы и организации, как левые, так и правые объединения, боролись за влияние на студенческую молодёжь и использовали различные методы, включая пропаганду и применение насилия.

У студентов были различные политические взгляды и убеждения, и они не всегда поддерживали действия главных политических партий и организаций. Некоторые студенты были настроены крайне радикально и поддерживали насильственные методы борьбы, в то время как другие студенты отказывались от политической активности и предпочитали заниматься наукой и образованием.

В ходе революции среди общественных организаций шла конкурентная борьба за представительство интересов студенчества. Это было связано с тем, что студенческая молодёжь играла важную роль в политической жизни страны, являясь одной из наиболее активных и организованных социальных групп, пытающейся представлять разные интересы. Существовали ещё и студенческие группировки, которые не были связаны с какой-либо конкретной организацией, но также боролись за свои интересы и права. Эти группировки могли быть как левыми, так и правыми и использовали различные методы борьбы – от легальных политических акций до насильственных вы-

ступлений.

Современные исследователи достаточно условно воспринимают механизм принятия решений на уровне комиссариата. Решения могли быть столь простым и в чем-то наивным для нашей, высоко бюрократизированной эпохи, но это была действительно социальная революция. Революция, когда по докладной записке студентов физико-математического факультета МГУ «Об отмене дипломов и свидетельств, об упразднении официальных сессий и госэкзаменов»¹, принимается решение Коллегии отделения вузов Наркомпроса (НКП) от 5 ноября 1918 года с резолюцией «Признать обращение правильным», поручить рассмотреть записку в соответствующем департаменте и подготовить предложения по ее реализации. Соответствующее Постановление НКП «Об отмене государственных экзаменов и об изменении порядка производства всякого рода испытаний студентов в высших учебных заведениях» было принято уже 10 ноября 1918 года².

ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Принятое 18 ноября 1918 года Положение об участии студентов в управлении вузами³ предполагало, что «заведывание студенческими делами каждого вуза осуществляется органами студенческого самоуправления»: 1) органами самоуправления, фор-

¹ Докладная записка студентов физико-математического факультета МГУ «Об отмене дипломов и свидетельств, об упразднении официальных сессий и госэкзаменов». Ноябрь 1918 года // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 49. Л. 1.

² Постановление НКП «Об отмене государственных экзаменов и об изменении порядка производства всякого рода испытаний студентов в высших учебных заведениях». 10.01.1918 / Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. [Электронный ресурс] // URL: <http://музейреформ.рф/node/13755> (дата обращения: 29.08.2022).

³ Постановление Народного комиссариата по просвещению «О заведывании студенческими делами и об участии студентов в управлении вузами РСФСР». 18.11.1918 // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 49. Л. 5.

мируемыми на общих собраниях студентов по факультетам, секциям, отделам и курсам и 2) Советом студенческих старост, в рамках которого могло проходить не общее собрание, а референдум. Органы студенческого самоуправления каждого вуза наделялись правами юридического лица. Норма представительства студентов в составе вузовского совета составляла его $\frac{1}{4}$ часть.

Создаваемый институт старостата избирался на один год. В его компетенцию входили такие общие вопросы, как представление студентов во всех органах управления вузом, представление и защита интересов студентов, регулирование отношений между различными студенческими организациями, право распоряжаться денежными средствами вузов, предназначенными для студентов, а также средствами, поступившими для тех же целей вне бюджета учебного заведения с предоставлением ежегодного финансового отчета.

При этом указанные полномочия реализовывались при наличии у представителей студенчества решающего голоса в органах вузовского управления. Советам старост было предоставлено право объединения по территориальному признаку в районные (*региональные*. – **В. А.**) и центральные организации¹.

Таким образом, если ориентироваться на дух и букву настоящего постановления НКП, то мы имеем дело с нормативным документом органа оперативного управления специальной компетенции, которым закладывается основа для создания всероссийской организации, представляющей интересы студенчества, защищающей его интересы и, хотя напрямую из текста документа это не следует, проводящей в вузах линию государственной власти.

Вместе с тем Наркомпрос, создав инсти-

тут студенческого самоуправления и старостата, отнюдь не остановился на этом и продолжил работу по созданию лояльной к новым органам государственной власти студенческой среды. Практически сразу же принимается Постановление НКП с говорящим названием «Об организации студенчества, которое могло бы служить опорой для Народного комиссариата просвещения в деле проведения в жизнь реформы высшей школы»². В части нас интересующей постановление содержало пункт, предлагающий одному из сотрудников Наркомпроса «войти в контакт со студенческими группами, которые стоят на правильной платформе».

В этом решении мы видим подтверждение отсутствия единственного сценария работы со студенческой молодежью, ее представительство, поиск вариантов опоры советской власти на какую-либо из студенческих, на тот момент еще не существующих организаций.

Старостат ещё в 1917 году занимал заметное место в органах студенческого самоуправления. Очевидно, он стал первым опытом именно по аналогии с еще дооктябрьскими формами самоорганизации, когда возникали советы студенческих старост. Старосты избирались всеобщим, прямым, равным, тайным голосованием общего собрания студентов. Администрация вузов от этого процесса формально (а на тот момент и фактически) была, по сути, отстранена. Политическое мировоззрение, приверженность старост тем или иным партиям и молодежным объединениям при их избрании не учитывались³.

Эта вполне демократическая процедура в дальнейшем была отвергнута. Коллегия Наркомпроса постановлением от 7 июля 1919 года (п. 5 «О старостатах») прекратила

¹ Постановление Народного комиссариата по просвещению «О заведывании студенческими делами и об участии студентов в управлении вузами РСФСР». 18.11.1918 // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 49. Л. 5 об.

² Постановление НКП «Об организации студенчества, которое могло бы служить опорой для Народного комиссариата просвещения в деле проведения в жизнь реформы высшей школы». 18.11.1918 // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 49. Л. 6 об.

³ Сборник декретов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства по народному просвещению. Вып. 2. – М., 1921. – С. 8–9.

деятельность советов старост, приняв решение об их роспуске. В качестве основания этой меры, которая характеризовалась как временная и вынужденная, назывались события Гражданской войны, а также целый ряд весьма демократических, как это не покажется странным, оснований. Так, в п. 2 указывалось, что «старостаты в их теперешнем виде представляют собой отдельные организации учащихся и стоят поэтому в резком противостоянии с основными руководящими началами новой школы...»¹. Соответственно, отменив Положение о старостатах от 18 ноября 1918 года НКП постановил, что «с 18 июня с. г. (1919. – **В. А.**) студенческие старостаты всех вузов объявляются распущенными». Следующим пунктом решения Наркомпрос установил норму студенческого представительства в руководящих органах вузов – одна треть в советах и $\frac{1}{2}$ в их президиумах, указав, что их следует предоставить студенческим группам РКП(б) и, что примечательно, «других партий, стоящих за Советскую власть». Выдвинутых кандидатов следовало утверждать в отделе вузов НКП².

В действительности причиной этой меры был отказ советов студенческих старост принимать участие в исполнении распоряжений СНК о мобилизации учащихся призывного возраста, а также определенные антисоветские настроения, которые были присущи студенческой среде³.

Нельзя также не отметить, что после прихода большевиков к власти В. И. Ленин подписывает декрет, определявший систему отношений в сфере народного образования, где в духе эпохи революционного романтизма речь шла о праве организаций, создаваемых учащимися, принимать участие в управлении делами учебных заведений. В апреле 1919 года, вступая на Первом Всероссийском съезде коммунистов-учащихся, Ленин отме-

тил, что «важно то, что молодежь, коммунистическая молодежь организовывается»⁴. Однако уже по прошествии нескольких дней Оргбюро ЦК РКП(б) сделало заявление о том, что «вся работа, как среди рабочей-крестьянской, так и среди учащейся молодежи, должна быть объединена в руках РКСМ»⁵. На практике это привело к тому, что всероссийская организация учащихся-коммунистов была распущена. Симптоматично, что ее ликвидация произошла буквально через два месяца после позитивно прогностического выступления Ленина на съезде этой организации.

Учащимся-коммунистам, что само по себе уже интересно, в комсомол разрешалось вступать исключительно индивидуально, с прохождением обязательного собеседования в комиссии, включавшей в себя в обязательном порядке представителей партийных комитетов большевиков. Организацию учащихся-коммунистов, что весьма любопытно, даже не стали объединять с комсомолом. Свое существование она прекратила именно юридически. Проявилось давление со стороны правящей партии, в частности, в том, что избранное на съезде учащихся-коммунистов его Всероссийское бюро решением Центрального комитета РКП(б) трансформировалось в отдел «по работе среди учащихся при ЦК РКСМ, ему подчиненным и перед ним ответственным».

На протяжении советского периода отечественной истории студенческое самоуправление не раз и не два претерпевало кардинальные трансформации, были в нем периоды «роста» и «застоя», однако опыт 1917-го и начала 1918 г. как времени, предполагающего непосредственное участие студенчества в решении вузовских проблем, формирование подлинного самоуправления, в управлении делами вузов на практике не

¹ Постановление Коллегии НКП «О старостатах». 07.07.1919 // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 205. Л. 13–14.

² Постановление Коллегии НКП «О старостатах». 07.07.1919 // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 205. Л. 14.

³ Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодежи. – М., 1980. – С. 70, 120.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. – С. 320.

⁵ Положение о работе РКСМ среди учащихся. Утверждено Оргбюро ЦК РКП(б) 11 мая 1919 г. // Документы КПСС о Ленинском комсомоле и пионерии. – М., 1978. – С. 8–9.

возрождались и не использовались¹. Этот вопрос был подробно исследован в монографии В. И. Соколова «История молодежного движения России – СССР с середины XIX века по XXI век»².

Организация учащихся-коммунистов, как предполагалось изначально, должна была быть организационно самостоятельной³. Собственно, оформление во Всероссийскую организацию должен был выполнить её Первый Всероссийский съезд. Однако съезд принимает решение об объединении с комсомолом⁴, но это решение, как справедливо указывает В. И. Соколов, «в немалой степени было вынужденным»⁵. Решение об объединении с РКСМ принималось на съезде при условии создания самостоятельной секции учащихся-коммунистов, которая должна была функционировать под руководством ЦК РКП(б), для чего и был избран руководящий орган Всероссийского союза учащихся-коммунистов – Центральное бюро. Впоследствии именно этот орган станет организационной основой создания Центрального бюро пролетарского студенчества, которое с 1923 по 1934 г. будет выполнять роль межотраслевого профсоюзного органа, руководящего делами студенческих профсоюзов страны.

Однако, как отмечалось уже выше, этим надеждам не суждено было сбыться. В соответствии с решениями своего съезда 8 мая 1919 года руководители Союза учащихся-коммунистов на заседании президиума ЦК РКСМ настаивали на создании для учащихся

автономных секций при организациях РКСМ. При этом секции должны были получить право приема в члены РКСМ. Для руководства секциями на весь период вплоть до избранного Всероссийским съездом представителей секций общего органа управления предлагалось создать исполнительные органы⁶. Фактически в случае реализации этого решения возникла бы иерархически выстроенная структура, параллельная РКСМ и внутри РКСМ.

Аналогично развивались события, связанные с возникшими в ходе революции объединениями студенческой коммунистической молодежи. Сразу после событий октября 1917 г. была создана первая организация при Петроградском комитете РСДРП(б). Затем студенческие коммунистические организации были созданы в крупных городах: Москве, Казани, Нижнем Новгороде, Томске, Саратове, Смоленске.

Студенческие секции на местах при комсомольских организациях начали создаваться в 1920 году. Они объединяли «студентов-коммунистов», обучавшихся в вузе. Они находились под руководством студенческой секции ЦК комсомола, участвовали в «общей союзной работе», но при этом вузовские комсомольские ячейки имели определенную автономию в решении вопросов своей внутренней жизни. На практике комсомольская ячейка вуза находилась в подчинении у партийной ячейки и на практике выступала в своем роде неким «дополнением к РКП(б)». Помимо этого, комсомольцы были обязаны проводить свою работу в вузах и на рабфаках исключительно в тесном контакте с партийными ячейками, они на деле не имели полномочий приема в члены РКСМ без участия в этом процессе учащихся – членов правящей партии⁷.

В 1922 году «студентам-коммунистам» (и комсомольцам, и партийцам) поставили кон-

¹ Криворученко В.К., Цветлюк Л.С. Юношеское движение России. 20–30-е годы XX столетия // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2011. – № 3 // URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/3/Krivoruchenko-Tsvetliuk_%20Juvenile_Movement/#_ftn7 (дата обращения: 28.08.2022).

² Соколов В.И. История молодежного движения России – СССР с середины XIX века по XXI век. – Рязань, 2004.

³ Трайнин А.С. Предисловие // I съезд РКСМ: Протоколы. – М., 1990. – С. 13.

⁴ I съезд РКСМ: Протоколы. – М., 1990. – С. 13.

⁵ Соколов В.И. Российское молодежное движение: от многообразия к унитаризму. – С. 329.

⁶ Программа Коммунистического интернационала молодежи. – М., 1929. – С. 10.

⁷ О работе среди учащихся // Комсомол и высшая школа... – С. 13.

кретные цели их работы в вузах. Ранее им приходилось руководствоваться общесоюзными положениями, которые выдвигали на партийно-комсомольских съездах. Новые, специфические задачи работы в вузах отличались от общесоюзных, в принципе, незначительно, но сам факт выделения в рамках формирующегося номенклатурного типа управления говорит уже о многом. В число таких целей входили:

1) «коммунистическая пропаганда среди широкой массы студенчества»;

2) «организация общественной жизни членов союза и вовлечение в неё беспартийной части учащихся»;

3) «вовлечение членов союза и лучшей части учащихся в строительство высшей и средней школы как путём обсуждения важнейших программ, методических организаций и организационных вопросов, так и участия в её внутренней организации» (выборы и работы учебных комиссий и различных студенческих и общешкольных организаций)¹.

На комсомольские и партийные ячейки была возложена обязанность активно участвовать в реализации госполитики реформирования образовательного процесса высшей школы, организации внеучебных форм занятости студенческих коллективов через кружки, секции, клубы и т. п. В этой сфере стоящие перед ними задачи пересекались с поставленными перед профсоюзом. Вместе с тем на профсоюзах в первую очередь лежала обязанность материально обеспечивать своих членов, в то время как студенты-партийцы и студенты-комсомольцы рассматривались, скорее, как организаторы. В период «пролетаризации» вузов главной целью «студентов-коммунистов» была борьба с так называемыми белоподкладчиками и организациями этой категории студентов в вузах (например, старостат, студенческие советы старост), а

также группировка вокруг себя рабфаковцев и «пролетарского студенчества». Возможно, что именно для более успешной реализации возложенных на них задач в июне 1923 года представители РКСМ были включены в состав вузовских комиссий по приёму в вуз «с правом решающего голоса»².

Идеологическая составляющая в деятельности комсомольцев и членов партии проявлялась как в борьбе с «выходцами из буржуазной среды», так и в «обработке» и «перевоспитании». В печати того времени отмечалось, что необходимо «революционизировать и перевоспитать психологию слушателей буржуазного происхождения на почве нового общественного, советского строя»³. После того как было официально объявлено об окончательной «пролетаризации» высшей школы, главной задачей «студентов-коммунистов» вуза становится активная работа среди всей массы беспартийных студентов с целью ликвидировать политическую неграмотность и вовлечь их в общественную жизнь вузов.

Фактически около 1925 года (при сохранении «классовых» норм приёма) в отечественной пропаганде уходит линия деления учащихся на «своих» и «чужих» по признаку социального происхождения. Студенчество начинают делить на партийных и беспартийных. Первые были обязаны заниматься политпросвещением и следить за досуговой деятельностью вторых. Эта задача сделала второстепенными задачи, поставленные прежде (участие в реформе образовательного процесса в ходе обсуждения академических программ и др.).

Кроме функций политического воспитания «студенты-коммунисты» реализовывали и, своего рода, надзорную функцию. Ежемесячно вузовская ячейка РКП(б) направляла в свой

¹ О работе среди учащихся // Комсомол и высшая школа. Документы и материалы съездов, конференций, Центрального комитета ВЛКСМ о работе вузовского комсомола (1918–1968 гг.). – М., 1968. – С. 13.

² О поправке к Положению о приёме в вуз. В кн. Комсомол и высшая школа. Документы и материалы съездов, конференций, Центрального комитета ВЛКСМ о работе вузовского комсомола (1918–1968 гг.). – М., 1968. – С. 15.

³ Иофе М.Б. Положение о студенческой фракции РКП // Пролетарское студенчество. – 1922. – № 1. – С. 55.

райком «информационный письменный отчёт», где фиксировалось:

- 1) настроение студенчества;
- 2) случаи недовольства, контрреволюционной агитации и т. п.;
- 3) взаимоотношение коллектива с администрацией;
- 4) отношение членов коллектива к выполнению своих обязанностей;
- 5) выполнение иной плановой работы¹.

Получило организационное оформление и Всероссийское объединение коммунистического студенчества, в рамках которого предполагалось объединение исключительно «партийных» студентов – коммунистов и комсомольцев². 8 июня 1922 года решением ЦК РКП(б) было создано Центральное бюро коммунистического студенчества³. Можно считать, что данным решением подчеркивалась известная автономия и частичная независимость коммунистического студенчества от местных комитетов РКСМ. Оргструктура Всероссийского объединения коммунистического студенчества выстраивалась следующим образом: руководящий орган низовой организации – бюро – избирали комсомольцы вузов, потом оно направляло своих представителей в губернское бюро, а также в Центральное бюро Всероссийского объединения коммунистического студенчества, подчинявшиеся комитетам комсомола соответствующего уровня⁴.

Однако уже XII съезд РКП(б), проходивший в апреле 1923 года, вообще признал нецелесообразным независимое существование студенческих комсомольских организаций⁵. В соответствии с решениями съезда было объ-

явлено об упразднении Центрального и губернских бюро организации, что говорит о фактическом прекращении деятельности Всероссийского объединения коммунистического студенчества в масштабе страны. Что же касается комсомольских организаций вузов на местах, то они были переданы в непосредственное подчинение райкомам и горкомам комсомола.

Таким образом, можно говорить о том, что в 1919 и 1923 гг. были ликвидированы в качестве самостоятельных структур как старостат, организации учащихся-коммунистов, так и коммунистическое объединение студентов, то есть была ликвидирована всякая альтернатива комсомолу как организации, имеющей политическую направленность, даже со стороны коммунистических организаций для отдельных категорий молодежи. Тем более это относилось к некоммунистическим объединениям молодежи⁶.

Формирование советского студенчества при всем многообразии факторов, влиявших на этот процесс, достаточно четко показывает общую тенденцию, выражающуюся в жестком детерминизме между общими тенденциями в развитии типологии государственной власти и той конкретной политики, которую оно осуществляет в отношении студенческого самоуправления. В двадцатые годы XX века, время НЭПа, когда в связи с недостатком у государства ресурсов возникает известный плюрализм в экономике, а отчасти и в общественной жизни, мы можем наблюдать в советском студенчестве огромное количество самых разнообразных видов объединений бытового, художественного, социального толка. Под запретом были лишь те, чья деятельность входила в противоречие с базовыми идеологическими

¹ Форма ежемесячной информационной письменной отчетности коллективов. [ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 36. Л. 32–33].

² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 176–180. С. 74; Криворученко В.К., Цветлюк Л.С. Молодежь. Комсомол. Общество ... С. 74.

³ Там же. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 176–180.

⁴ Славный путь Ленинского комсомола. Т. 1. – М., 1974. – С. 305.

⁵ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1960. – С. 123, 792.

⁶ РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 52 (Материалы о молодежном движении в Москве и губернии 1923–1928 гг.); РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 56 (Воспоминания участников событий о молодежном движении в Москве. 1920–1929 гг.); РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 57 (Выпечки из газет «Беднота», «Правда», «Комсомольская правда» и др. о молодежном движении в г. Москве и губернии 1918–1928 гг.) и др.

постулатами новой власти. Впоследствии по мере усиления авторитарных тенденций в строительстве системы управления обществом вообще и государством в частности четко прослеживается линия на монополизацию государством форм организации общественного студенческого молодёжи.

Соответственно, стратегическое решение вопроса об организации студенческой молодёжи объективно разделилось на два направления. Первое, принципиально важное с точки зрения тезиса о том, что революция – это, прежде всего, борьба за власть, предполагало создание в студенческой среде проводника политической линии правящей партии. Эту нишу, как было отмечено ранее, в результате сделанного органами партийного руководства выбора занял РКСМ (впоследствии ВЛКСМ). Произошло это достаточно быстро, фактически уже в самом начале двадцатых годов прошлого века.

Второе направление этой работы было связано с решением многочисленных проблем, с которыми, наряду со всем населением страны (прежде всего городским), сталкивалась вузовская молодёжь в постреволюционные годы. Оформлявшаяся в те годы политическая структура советского общества уже не предполагала какой-либо многопартийности и сколь-нибудь широкой общественной самостоятельности в этой сфере. Соответственно, монополизировав политическую сферу правящая партия последовательно предпринимала усилия по деполитизации иных общественных организаций. Строго говоря, в их число попадет, причем очень быстро, и комсомол, но, прежде всего, речь шла о профсоюзном движении. Однако профсоюзы как таковые в рамках коммунистической доктрины строительства нового общества никто отменять не собирался, а, напротив, речь шла о проведении посредством их механизмов курса на строительство нового общества в соответствующей профессиональной среде. Соответственно, по логике политического развития и оценке союзников по степени их политической преданности именно профсоюзные организации

выступали, наряду с комсомолом, организовавшим наиболее политически активную часть советской молодёжи, проводником политики партии в системе высшего образования. Тем более что именно на пролетаризацию студенчества за счёт поступления в вузы рабочих и крестьян предполагалось изменить характер высшей школы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первые постреволюционные годы в России студенческая молодёжь была довольно разнообразной и не монолитной в своих убеждениях и политических взглядах. С 1917 по 1923 год был довольно сложным периодом для студенчества в России. В это время происходили значительные социально-политические изменения, связанные с Октябрьской революцией и Гражданской войной, что привело к формированию разных моделей студенческого самоуправления. Уже после Октябрьской революции, в 1917 году, были созданы первые студенческие комитеты, которые представляли собой довольно свободную и демократическую модель студенческого самоуправления. Эти комитеты являлись самостоятельными и имели широкие полномочия по организации образовательного процесса, управлению жизнью студенческой общины и защите прав студентов.

Однако в 1918 году советская власть начала создавать свои органы студенческого самоуправления, которые представляли собой более жесткую и централизованную модель. Таким образом, был создан Центральный студенческий исполнительный комитет и его региональные филиалы, которые получили полномочия по управлению студенческой жизнью и организации образовательного процесса.

В 1919 году советская власть начала проводить реформу высшего образования, которая в значительной мере ограничила самоуправление студентов. Были созданы факультетские советы, которые получили большую власть в управлении образовательным процессом и жизнью студенческой

общины. Однако эти советы были подчинены Центральному комитету и не имели полной независимости в своих решениях. Обобщая, можно отметить, что с 1917 по 1923 год формировались различные модели студенческого самоуправления, которые отражали социально-политические изменения в стране. Некоторые модели были более демократическими и свободными, в то время как другие были более жесткими и централизованными.

Библиография / References:

1. I съезд РКСМ: Протоколы. – М., 1990. – С.13.
2. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1960. – С. 123, 792.
3. Докладная записка студентов физико-математического факультета МГУ «Об отмене дипломов и свидетельств, об упразднении официальных сессий и госэкзаменов». Ноябрь 1918 // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 49. Л. 1.
4. Иофе М.Б. Положение о студенческой фракции РКП // Пролетарское студенчество. – 1922. – № 1. – С. 55.
5. Криворученко В.К., Цветлюк Л.С. Юношеское движение России. 20–30-е годы XX столетия // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2011. – № 3. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/3/Krivoruchenko-Tsvetliuk_%20Juvenile_Movement/#_ftn7 (дата обращения: 28.08.2022).
6. Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодежи. – М., 1980. – С. 70, 120.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 320.
8. О поправке к Положению о приёме в вуз. В кн. Комсомол и высшая школа. Документы и материалы съездов, конференций, Центрального комитета ВЛКСМ о работе вузовского комсомола (1918–1968 гг.). – М., 1968. – С. 15.
9. О работе среди учащихся // Комсомол и высшая школа. Документы и материалы съездов, конференций, Центрального комитета ВЛКСМ о работе вузовского комсомола (1918–1968 гг.). – М., 1968. – С. 13.
10. О работе среди учащихся // Комсомол и высшая школа... – С. 13.
11. Положение о работе РКСМ среди учащихся. Утверждено Оргбюро ЦК РКП(б) 11 мая 1919 г. // Документы КПСС о Ленинском комсомоле и пионерии. – М., 1978. – С. 8–9.
12. Постановление Коллегии НКП «О старостатах». 07.07.1919 // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 205. Л. 13–14.
13. Постановление Народного комиссариата по просвещению «О заведывании студенческими делами и об участии студентов в управлении вузами РСФСР». 18.11.1918 // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 49. Л. 5.
14. Постановление НКП «Об организации студенчества, которое могло бы служить опорой для Народного комиссариата просвещения в деле проведения в жизнь реформы высшей школы». 18.11.1918 // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 49. Л. 6 об.
15. Постановление НКП «Об отмене государственных экзаменов и об изменении порядка производства всякого рода испытаний студентов в высших учебных заведениях». 10.1.1918 / Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. [Электронный ресурс]. – URL: <http://музейреформ.рф/node/13755> (дата обращения: 29.08.2017).
16. Программа Коммунистического интернационала молодежи. – М., 1929. – С. 10.
17. РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 52 (Материалы о молодежном движении в Москве и губернии 1923–1928 гг.).
18. РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 56 (Воспоминания участников событий о молодежном движении в Москве. 1920–1929 гг.).
19. РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 57 (Выпечки из газет «Беднота», «Правда», «Комсомольская правда» и др. о молодежном движении в г. Москве и губернии 1918–1928 гг.) и др.
20. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 176–180.
21. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 176–180. С. 74; Криворученко В.К., Цветлюк Л.С. Молодёжь. Комсомол. Общество ... С. 74.
22. Сборник декретов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства по народному просвещению. Вып. 2. – М., 1921. – С. 8–9.
23. Славный путь Ленинского комсомола. Т. 1. – М., 1974. – С. 305.
24. Соколов В.И. Российское молодежное

движение: от многообразия к унитаризму. – С. 329.

25. Соколов В.И. История молодежного движения России – СССР с середины XIX века по XXI век. – Рязань, 2004.

26. Трайнин А.С. Предисловие // I съезд РКСМ: Протоколы. – М., 1990. – С. 13.

27. Форма ежемесячной информационной письменной отчетности коллективов. [ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 36. Л. 32–33].

1. I s'yezd RKSM: Protokoly. – М., 1990. S. 13.

2. Dvenadtsatyy s'yezd RKP (b). Stenograficheskiy otchet. М., 1960. S. 123, 792. (In Russ.).

3. Dokladnaya zapiska studentov fiziko-matematicheskogo fakul'teta MGU «Ob otmene diplomov i svidetel'stv, ob uprazhnenii ofitsial'nykh sessiy i gosekzamenov». Noyabr' 1918 // GARF F. A-2306. Op. 18. D. 49. L. 1. (In Russ.).

4. Iofe. M.B. Polozheniye o M.B. studencheskoy fraktsii RKP // Proletarskoye studenchestvo. 1922. № 1. S. 55. (In Russ.).

5. Krivoruchenko V.K., Tsvetlyuk L.S. Yunosheskoye dvizheniye Rossii. 20–30-ye gody KHKH stoletiya // Informatsionnyy gumanitarnyy portal «Znaniye. Ponimaniye. Umeniye». 2011. № 3 // URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/3/Krivoruchenko~Tsvetliuk_%20Juvenile_Movement/#_ftn7 (Data obrashcheniya: 28.08.2022. (In Russ.).

6. Leykin A.YA. Protiv lozhnykh družey molodezhi. – М., 1980. S. 70, 120. (In Russ.).

7. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 38. S. 320. (In Russ.).

8. O popravke k polozheniyu o priyome v vuz. V kn. Komsomol i vysshaya shkola. Dokumenty i materialy s'yezdov, konferentsiy, tsentral'nogo komiteta VLKSM no rabote vuzovskogo komsomola (1918–1968 gg.). М., 1968. S. 15. (In Russ.).

9. O rabote sredi uchashchikhsya // Komsomol i vysshaya shkola. Dokumenty i materialy s'yezdov, konferentsiy, tsentral'nogo komiteta VLKSM no rabote vuzovskogo komsomola (1918–1968 gg.). М., 1968. S. 13. (In Russ.).

10. O rabote sredi uchashchikhsya // Komsomol i vysshaya shkola... S. 13. (In Russ.).

11. Polozheniye o rabote RKSM sredi uchashchikhsya. Utverzhdeno Orgbyuro TSK RKP (b) 11 maya 1919 g. // Dokumenty KPSS o Leninskom komsomole i pionerii. М., 1978. – S. 8–9. (In Russ.).

12. Postanovleniye Kollegii NKP «O starostatakh» 07.07.1919 // GARF F. A-2306. Op. 18. D. 205. L. 13–14. (In Russ.).

13. Postanovleniye Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu «O zavedyvanii studencheskimi delami i ob uchastii studentov v upravlenii VUZami RSFSR» 18.11.1918 // GARF F. A-2306. Op. 18. D. 49. L. 5. (In Russ.).

14. Postanovleniye NKP «Ob organizatsii studenchestva, kotoroye moglo by sluzhit' oporoy dlya Narodnogo komissariata prosveshcheniya v dele provedeniya v zhizn' reformy vysshey shkoly» 18.11.1918 // GARF F. A-2306. Op. 18. D. 49. L. 6ob. (In Russ.).

15. Postanovleniye NKP «Ob otmene gosudarstvennykh ekzamenov i ob izmenenii poryadka proizvodstva vsyakogo roda ispytaniy studentov v vysshih uchebnykh zavedeniakh» 10.1.1918 / Muzey istorii rossiyskikh reform imeni P.A. Stolypina [Elektronnyy resurs] // URL: <http://muzeyreform.rf/node/13755> (Data obrashcheniya: 29.08.2017). (In Russ.).

16. Programma Kommunisticheskogo Internatsionala Molodezhi. М., 1929. S. 10. (In Russ.).

17. RGASPI F M-26. Op. 1. D. 52 (Materialy o molodezhnom dvizhenii v Moskve i gubernii 1923–1928 gg.). (In Russ.).

18. RGASPI F M-26. Op. 1. D. 56 (Vospominaniya uchastnikov sobyitiy o molodezhnom dvizhenii v Moskve. 1920–1929 gg.). (In Russ.).

19. RGASPI F M-26. Op. 1. D. 57 (Vypechatki iz gazet «Bednota», «Pravda», «Komsomol'skaya pravda» i dr. o molodezhnom dvizhenii v g. Moskva i gubernii 1918–1928 gg.) i dr. (In Russ.).

20. RGASPI F. M-1. Op. 3. D. 3. L. 176–180. (In Russ.).

21. RGASPI. F. M-1. Op. 3. D. 3. L. 176–180. S. 74; Krivoruchenko V.K., Tsvetlyuk L.S. Molodezh'. Komsomol. Obshchestvo ... S. 74. (In Russ.).

22. Sbornik dekretov i postanovleniy

Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva po narodnomu prosveshcheniyu. Vyp. 2. M., 1921. S. 8–9. (In Russ.).

23. Slavnyy put' Leninskogo komsomola. T.1. – M., 1974. – S. 305. (In Russ.).

24. Sokolov V. I. Rossiyskoye molodezhnoye dvizheniye: ot mnogoobraziya k unitarizmu. – S.329. (In Russ.).

25. Sokolov V.I. Istoriya molodezhnogo dvizheniya Rossii - SSSR s serediny XIX veka po XXI vek. – Ryazan', 2004. (In Russ.).

26. Traynin A.S. Predisloviye // I s"yezd RKSM: Protokoly. – M., 1990. – S.13. (In Russ.).

27. Forma yezhemesyachnoy informatsionnoy pis'mennoy otchetnosti kollektivov. [TSGAIPD SPb. F.984. Op.1. D.36. L.32-33]. (In Russ.).

УДК 373.02 (XX в.)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-2-69-77

ЦЫГАНКОВА Елена Александровна, старший преподаватель, Орловский государственный институт культуры (Россия, Орёл), e-mail: Helen231987@mail.ru, AuthorID: 1125184

TSYGANKOVA E. A., Senior Lecturer, Orel State Institute of Culture (Russian federation, Orel) e-mail: Helen231987@mail.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ РАБОТЫ С КАДРАМИ В 20-Х ГОДАХ XX ВЕКА
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПИОНЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ**

**THE ESTABLISHMENT OF PERSONNEL MANAGEMENT IN THE 20s OF THE 20th CENTURY
AS A NECESSARY CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF THE PIONEER MOVEMENT**

Аннотация. Целью статьи является изучение проблемы работы с кадрами в пионерской организации в 20-х годах XX века. На основе исторических методов исследования проанализирована теория и практика пионерской работы. Изучены такие источники, как постановления съездов, пленумов ЦК РЛКСМ по подбору, обучению кадров пионерских вожатых. Особое внимание уделяется содержанию программ обучения, проблемам, которые возникали в ходе их реализации. Поднимаются в статье и вопросы организации труда вожатого. Делается вывод о значительном вкладе пионерского движения в развитие страны в результате проведения грамотной работы с пионерскими кадрами. Их отбор, обучение и расстановка были залогом их совершенствования и административного роста. В дальнейшем они пополняли состав комсомольских и партийных рядов, становились патристически настроенной частью населения страны. В результате осуществления данного исследования в научный оборот вводятся новые материалы, которые дают возможность провести исторические аналогии с современностью, проанализировать тенденции, показать определенную взаимосвязь прошлого и настоящего.

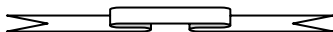
Ключевые слова: пионерская организация, пионерский вожатый, пионерский работник, курсы и семинары вожатых, детское коммунистическое движение, пионер-кабинет, комната вожатого.

Abstract. The purpose of the article is to study the problem of personnel management in the pioneer organization in the 20s of the 20th century.

Historical research methods are used to analyze the theory and practice of pioneer work. Such sources as resolutions of congresses, plenums of the Central Committee of the RLKSM on the selection and training of pioneer counselors are studied. Special attention is paid to the content of training programs, problems that arose during their implementation. The article also raises the issues of the organization of Pioneer counselors' work.

As a result, the author comes to the conclusion that the pioneer movement contributed to the development of the country as a result of competent work with pioneers. The author notes that their selection, training and placement were the key to their improvement and administrative growth. In the future, they joined the Komsomol and parties, became a patriotic part of the country's population. Besides, new materials are introduced into scientific circulation, which make it possible to draw historical analogies with modernity, analyze trends, and show a certain relationship between the past and the present.

Keywords: pioneer organization, pioneer counselor, pioneer worker, courses and seminars of counselors, children's communist movement, pioneer office, counselor's room.

ВВЕДЕНИЕ

Кадровое обеспечение является важным условием эффективного функционирования любой социально-педагогической системы, в том числе в детском общественном движении. Поэтому вопросы подготовки организаторов и вожатых в пионерской организации с самого начала ее существования являлись насущными и актуальными.

Проведём анализ постановлений ЦК ВЛКСМ, архивных материалов и иных источников для знакомства с работой по кадровому обеспечению пионерской организации в 20-х годах XX века.

С самого начала создания пионерских групп для руководства ими комсомолом привлекались бывшие скаут-работники из числа членов РКСМ.

Так, например, в целях реализации постановления V Всероссийского съезда РКСМ (1922 год) в план работы политпросветотдела Орловского губкома РКСМ от 31 октября 1922 года были включены следующие мероприятия:

1. Произвести точный учет скаут-мастеров (по специальным анкетам), учёт личного состава дружин юных пионеров.

2. Привлечь скаут-мастеров, вожатых, пионеров 1-го разряда и т.п. к занятиям политграмотой и установить программы-минимум для их политзанятий.

3. Организовать в г. Орле школу юных пионеров-мастеров для подготовки членов Союза (РКСМ. – *Авт.*) к роли вожатых, начальников звеньев и отрядов.

4. Ввести в советы дружин представителей РКСМ для политического направления и контроля деятельности скаут-мастеров [1, С. 32].

Однако очень немногие скаут-мастера знали и понимали содержание пионерской работы. Вот что говорилось в отчете Железнодорожной организации города Орла за первое полугодие 1924 года:

«Переподготовка и повышение квалификации пионерских работников стоит еще не на должной высоте, особенно остро ощущается малограмотность в руководстве организацией

по физкультуре. В содержании работы отрядов выявлены следующие недостатки: казенность занятий, главным образом, заседаний Советов отрядов; однообразность и неинтересность сборов; слабая активность пионерских масс; неумение в проведении бесед; отсутствие местами элементов сбора, в том числе песен и др. А, кроме того, местами полное отсутствие общественно политической работы» [1, С. 32].

Вопросы роста имели громадное значение в жизни пионерской организации. Рост нельзя рассматривать как совершенно самостоятельное, независимое явление. Наоборот, рост, его усиление или замедление тесно связаны с общим состоянием организации, прежде всего, с содержанием работы и обеспечением кадровым составом [5, С. 3].

В резолюции VI Всесоюзного съезда РЛКСМ (1924 год) «Об очередных задачах детского коммунистического движения» было отмечено, что необходима постоянная систематическая работа по подготовке пионерских руководителей из комсомольской среды, в первую очередь комсомольцев производственных и крестьянских ячеек. Подготовка предположительно должна была идти путём организации широкой сети специальных курсов учебных заведений, семинариев, кружков в комсомоле, а также путём использования для этой цели имеющихся педагогических учебных заведений [10, С. 159].

Здесь же было отмечено, что пионеры-комсомольцы должны использоваться также для работы среди неорганизованных детей, готовя из себя новых отрядных руководителей [10, С. 174].

Предлагались различные формы организации обучения вожатых – семинарии, курсы, самообразование, которые должны были помочь разрешить ряд практических вопросов, повысить уровень знаний.

В педагогических техникумах также внедрялись программы по теории и практике детского коммунистического движения. Протоколом № 11 Орловского губбюро деткомгрупп имени Ленина от 18 июля 1924 года предлага-

гался следующий вариант построения данной программы:

1) коммунистическое детское движение как форма рабочего движения;

2) история развития коммунистического детского движения на Западе;

3) коммунистическое детское движение и буржуазные организации детей на Западе в данное время;

4) история и этапы коммунистического детского движения в СССР;

5) место коммунистического детского движения в системе социалистического воспитания;

6) психофизиологические особенности пионерского возраста;

7) структура организации детских коммунистических групп юных пионеров имени Ленина;

8) содержание и методы работы с пионерами;

9) звено, его жизнь и работа;

10) отряд, его организация и программа занятий;

11) основы физического воспитания в отрядах юных пионеров;

12) трудовое воспитание в отрядах юных пионеров [1, С. 24].

Курсы Рогожско-Симоновского района (г. Москва, 1925 год) проходили следующим образом: для их проведения (три недели) с питанием и общежитием на 36 человек было отпущено 1200 рублей. Питание обходилось в 91 копейку в день на одного человека.

Программа курсов была составлена на основании программы Московского бюро юных пионеров. Тщательно подбирались докладчики, в то же время ряд тем прорабатывался в виде бесед с обсуждением соответствующих книг. Курсанты вели свои дневники с изложением бесед и проработок. Курсы обслуживались библиотекой, имевшей 120 книг (на каждое звено приходился полный комплект имеющихся книг). По окончании каждому курсанту было выдано 16 книг по вопросам педагогики, пионерского движения. В рамках курсов была проведена экскурсия в Центральный дом юных пионеров Хамовнического района для

ознакомления с принципами построения и практикой клубной работы и мастерскими дома. За время семинара было выпущено две стенгазеты, в которых отражалась жизнь и быт курсов.

Из числа курсантов было подготовлено 28 вожатых и восемь помощников [5, С. 40].

В Волоколамске руководство семинарскими и курсами было возложено на волостной комитет ВЛКСМ, на местах помощь оказывали учителя. Был установлен постоянный «день учебы» вожатого – раз в неделю. Общую программу для всех выработать не удалось, так как приходилось учитывать местные условия и запросы работников. В районах, где работа отрядов была слаба, прорабатывались только вопросы содержания и методики пионерской работы, в более сильных – педагогика и принципиальные вопросы детского движения. Основной задачей семинариев ставились практические указания вожатому в его учебе и отрядной работе. Помимо методических, обсуждали зачастую и организационные вопросы. Кроме того, было рационализировано предложение проведения общих занятий один раз в две недели, групповых – один-два раза в неделю, так как в деревенских условиях групповая проработка вопросов являлась наиболее жизненной и реальной [5, С. 41].

В Орловской губернии в 1926 году по инициативе волостных комитетов ВЛКСМ и волбюро юных пионеров в Орловском, Болховском и Ливенском уездах были проведены недельные и десятидневные курсы по подготовке вожатых. Ими было охвачено в 17 волостях 130 комсомольцев. Однако слабой стороной курсов был недостаток квалифицированных кадров для их проведения [3, С. 48].

В селе Сенгилей Ульяновской губернии семинарий был создан в 1925 году. В его состав вошли вожатые отрядов, их помощники, прикрепленные от ячеек ВЛКСМ, и пионеры-комсомольцы. Основной целью было наладить работу отрядов, для чего заслушивались отчеты вожатых, шло их обсуждение. Кроме того, велась практическая работа: изучение игр, песен, проведение сборов и т. д. К работе

привлекались учителя, врачи. Главная задача, которую решил семинарий, – все прошедшие его остались на работе, в отличие от окончивших курсы. Семинарий приучил заниматься самообразованием [9, С. 22].

В г. Белом Смоленской губернии семинарий работал еженедельно. На каждый месяц уездное бюро юных пионеров разрабатывало определенное задание, которое семинарий должен был проработать (например, октябрь – работа в школе, ноябрь – содержание и формы работы в пионерском отряде). Каждый из этих вопросов разбивался на четыре темы, которые прорабатывались на занятиях в форме докладов. Учёт работы семинария велся в дневниках, где записывалось как содержание доклада, так и наиболее характерные выступления [9, С. 22].

В Северной Осетии (Владикавказ) проводились окружные совещания вожатых отрядов, где обсуждалась весенне-летняя работа и работа пионеров в школе на осенне-зимний период. Вожатые в основном были малограмотные, незнакомые с пионерской работой, им трудно было разбираться в письменных указаниях по работе с пионерами. Семинарии, которые бы систематически проводились, отсутствовали, так как не хватало литературы по пионерской работе [9, С. 22].

В республиках СССР также практиковались различные формы подготовки квалифицированных вожатых. Например, в Гомельской губернии (БССР) в 1925 году для подготовки пионерских вожатых были организованы недельные курсы городских и деревенских работников. Пропускная способность курсов составляла 40–50 человек, что дало возможность в течение года обучить до 30 % пионерских работников. В городах и некоторых местечковых пунктах зимой работали семинарии, программа которых ставила своей целью дать общие и практические сведения о пионерской работе, однако высоких результатов они не показали, так как работа велась путём чтения лекций, а метод самостоятельной проработки провалился, что подтверждало тезис о том, что самоподготовка пионерских работников и в городе, и в деревне очень плоха.

В 1926 году в губернии были организованы курсы, которые, к сожалению, могли дать лишь 7 % необходимого числа работников. Чтобы поднять уровень остальных, проводились волостные совещания, семинарские кружки, вечерние школы вожатых, а также осенние уездные курсы для деревенских пионерских работников [5, С. 44].

Однако в целом ставилась задача добиться того, чтобы вожатый был в гуще жизни: все знал, умел, ориентировался в окружающей обстановке, замечал и понимал новые назревающие события. И всему этому он должен учить пионеров, прививать основные навыки, видеть, понимать и точно, безошибочно делать выводы из этого увиденного [3, С. 45].

Общие проблемы в проведении подобных семинариев и курсов заключались в числе прочего в низкой посещаемости, что объяснялось в основном разнородностью аудитории, которая не могла быть удовлетворена одним лектором, а также слабым вовлечением в активную проработку вопросов, отсутствием обмена опытом среди работников, сухостью преподносимого материала. Доклады, как правило, были директивными, предварительного ознакомления с темой не было, прения не открывались [7, С. 10].

По итогам семинариев и курсов делались соответствующие выводы, что можно увидеть из анализа материалов Третьих Всесоюзных курсов пионерских работников.

Третьи Всесоюзные курсы по подготовке деревенских пионерских работников проводились в 1926 году для работников уездных и окружных бюро юных пионеров крестьянских районов.

В курсах принимали участие 82 человека, приехавшие из 57 организаций. По возрасту курсанты делились следующим образом:

- 1902 г.р. – 2 чел.,
- 1904 г.р. – 7 чел.,
- 1905 г.р. – 17 чел.,
- 1906 г.р. – 33 чел.,
- 1907 г.р. – 15 чел.,
- 1908 г.р. – 8 чел.

Число девушек (21 чел.) по сравнению с предыдущими курсами увеличилось, но недостаточно.

На курсах прошли подготовку представители 18 различных национальностей, что в значительной степени осложняло работу курсов. Впоследствии отдельно созывались национальные курсы с различными секциями сходных народностей, приспособляя к их условиям программы курсов.

Следует обратить внимание на предварительную подготовку слушателей, что дает следующую картину:

- 1-я категория политподготовки – 5 чел.;
- 2-я категория политподготовки – 21 чел.;
- 3-я категория политподготовки – 10 чел.;
- окончили совпартшколы I и II – 12 чел.;
- не проходили политпроверку – 4 чел.

Наличие пяти человек первой категории политподготовки (политически неграмотных), безусловно, являлось большим недочетом в составе курсантов, и именно эта категория была представлена национальными окраинами. В дальнейшем рекомендовалось даже с национальных окраин посылать на центральные курсы политически грамотную молодежь.

Стаж пионерской работы представлялся в таком виде: до 6 месяцев работало 12 чел.; до 1 года – 19 чел.; до 2 лет – 19 чел.; до 3 лет – 9 чел.; не работало 23 чел.

Эти цифры не требуют больших комментариев. Необходимо отметить только, что состав этих курсов в сравнении с предыдущими был более молодой по возрасту, комсомольскому и партийному стажу. По развитию же и общему образовательному уровню данный состав выше предыдущих, это объяснялось тем, что эти слушатели выросли в комсомоле после Гражданской войны, в период мирного строительства, обучаясь в школах политграмоты, губсовпартшколах, работая в различных кружках самообразования. Такое положение облегчало большинству усвоение программы.

Основой организационного строения курсов являлась звеньевая и групповая система. Все курсанты были разбиты на три группы по территориальному принципу. В первой собраны приехавшие из национальных республик,

во второй – из крестьянских губерний и в третьей – из промышленных. Каждая группа разбита на три звена по 8–9 человек в каждом с выборным вожатым звена и секретарем. Во главе группы – совет группы, состоявший из руководителя группы, помощника групповода, выбираемого из числа курсантов данной группы, вожатых и секретарей звеньев.

Основная проработка учебных вопросов происходила в звеньях и группах. Совет группы, получив задания от учебной части, прорабатывал их со звеньевыми, а также контролировал и выправлял работу звеньев. Во главе стоял совет курсов, который руководил всей жизнью и работой курсов.

Для организации культурной жизни курсантов общим собранием была избрана культурно-просветительная комиссия. Эта комиссия организовывала вечера самодеятельности, экскурсии, посещение театра, издавала стенную газету «Зарядка», ведала курсовой библиотекой, руководила играми (шашки, шахматы).

Учетная комиссия – комиссия, на которой лежала обязанность учета всей повседневной работы курсов: дневники звеньев, индивидуальные дневники курсантов, учет посещаемости лекторов и курсантов, учет проведения циклов и т. п. Хозяйственная комиссия заботилась о хозяйственных нуждах курсантов (стирка белья, баня, починка обуви, одежды).

Учебная работа курсов строилась на основе главной задачи – подготовить работников уездных и окружных бюро юных пионеров крестьянских районов. Программа была рассчитана на 77 дней по 7 учебных часов в день, что составило 539 учебных часов. Естественно, что за этот срок можно было дать только основные понятия из того круга вопросов, с которым сталкивался пионерский работник, а также формы и методы для самостоятельной и кружковой работы, для дальнейшего углубления полученных на курсах знаний. Опыт предыдущих курсов показал, что трехмесячный срок работы центральных курсов недостаточен. Центральное бюро пионеров это учло, решив следующий созыв провести пятимесячный. Программа третьих центральных

курсов состояла из следующих циклов: вводный, общеобразовательный, общеполитический, гигиена, санитария и физкультура, педагогический, пионерский цикл, пение.

За первые полтора месяца курсантам были даны основные понятия и навыки техники умственного труда. В этот цикл вошли вопросы, как работать с книгой, как слушать и записывать лекции, как готовиться к докладам и проводить их.

Общеобразовательный цикл прорабатывался по двум направлениям: научно-популярные лекции о происхождении и развитии земли, жизни на земле и человека; вопросы сельского хозяйства (задачи партии и коммунистического союза молодежи в сельском хозяйстве, землеустройство, огородничество, садоводство, животноводство, птицеводство) и краеведение.

Общеполитический цикл был проработан в разрезе партийной и комсомольской работы, взят курс не на проработку вопросов истории и теоретических основ партии и комсомола, а также текущих вопросов.

Цикл «Гигиена, санитария и физкультура» раскрывал основные медицинские вопросы, которые необходимо было знать пионерским работникам. Физкультурные навыки нужны, чтобы использовать эту методику в пионерском отряде.

Кроме того, в педагогический цикл были включены вопросы теории и практики современной школы (система народного просвещения СССР, самоорганизация учащихся, общественная работа, детское движение и система соцвоса (социальное воспитание. – *Авт.*).

Одним из разделов курсов было пение (теория и практика). Главной задачей этого цикла являлась проработка вопросов постановки пения в пионерском отряде и клубе, развитие детского песенного творчества, а также разучивание новых пионерских песен с целью продвижения их на места.

И, наконец, главным разделом являлся пионерский, которому посвящалась половина работы курсов. Главное внимание было сосредоточено на разработке круга знаний для деревенского пионерского отряда с последу-

ющим подведением итогов, какие навыки и умения должны получить пионеры в результате своей работы.

Основными методами учебы являлись: лекционная, индивидуальная, групповая проработка, экскурсии и собеседования. Опыт предыдущих курсов показал большую ценность звеньевой и групповой проработки учебного плана, которая обеспечивала активное участие всех курсантов в занятиях, а также приучала курсантов к коллективной работе [7, С. 44].

В рамках обсуждения пионерской тематики к VII съезду ВЛКСМ (1926 год) ставился вопрос о руководстве пионерами и о пионерских руководителях. Возникла опасность создания своеобразных пионерских «ножниц». Вожатые пионерских отрядов начали кое-где отставать от запросов пионеров, иногда превращаясь в простых «опекунов». Это положение усугублялось еще и тем, что имелаась текучесть вожатых отрядов, нежелание некоторых активных комсомольцев идти на пионерскую работу, неясность в отношении материальной базы вожатых отрядов [2, С. 10].

На материальном обеспечении вожатых и их работе стоит остановиться особо. На III Пленуме ЦК ВЛКСМ в прениях по докладу тов. Максиной делегаты живо обсуждали проблему материальной базы. Например, тов. Яков (Ленинград) заострил внимание на мизерности оплаты труда вожатых, что привело к тому, что вместо подготовленных и опытных работников, прошедших семинарии и курсы, посылают в отряды малоопытных, не знающих работу. В результате вожатыми становятся безработные, пионеры-переростки, которые не могут воспитать пионеров как следует [8, С. 5].

В журнал «Вожатый» приходили и письма, в которых рассказывалось о довольно сложной работе вожатого. Например, А. Гавриленко (пос. Львовский Пирятинской волости Бежицкого уезда Брянской губернии): «...работы пропасть, приходится ходить в волком (волостной комитет. – *Авт.*) за двадцать верст» [6, С. 48].

А. Гичко (Пригородная волость Богородского уезда Московской губернии): «...многие вожатые этой волости не получают совсем жалования, не имеют денег на пищу и одежду. И в то же время, кроме работы в отряде, должны часто ходить в волость. Многие больше трех месяцев не выдерживают и бегут в город на заработки...» [4, С. 39].

М. Чумаков (Епифанка Тульской губернии): «...часто вожатому приходится совмещать работу в отряде с политпросветительной, с редактированием стенгазеты...» [6, С. 48].

И. Егоров (Н.-Туринский завод Уральской области): «...у вожатого отряда не остается ни одной свободной минуты, так что даже выспаться некогда, и на производстве ребята работают сонные...» [4, С. 39].

Приводимые ниже отрывки из дневника Серебрякова (город Свердловск, 3-й район) также подтверждают данный тезис:

«Воскресенье, 12 сентября 1926 года. Утром пошёл в отряд №1 при ячейке службы тяги. Несмотря на то, что сбор отряда был назначен на 10 часов, ко времени моего прихода было 6 человек из 51. Я побеседовал с собравшимися об оживлении работы, налаживании посещаемости. Затем пошел к месту сбора пионерской ячейки (из 125 пионеров присутствовали 57). Там обсуждался отчёт о летней работе отрядов. Задавалось много вопросов, но в прениях никто не выступал. Попев песни, разошлись по домам.

Среда, 15 сентября. Сегодня в 9.00 ко мне в райком пришли два школьных работника, и мы занялись переукомплектованием пионеров по школам. 12 отрядов с 72 пионерами сократили до 4 с тем же количеством. К 6 часам пошел проводить перевыборы бюро в ячейке педтехникума.

Четверг, 16 сентября. Сегодня разговаривал с председателем местных отделений МОПРа и Авиахима об участии пионеров в работе их обществ. Взял для распродажи в пользу Авиахима 78 книг и значков ОДВФ (Общество друзей воздушного флота СССР. – *Авт.*) и пошёл по отрядам раздавать литературу и значки. К 5 часам пошел на собрание,

но оно не состоялось, т.к. из 210 человек пришло 15.

Пятница, 17 сентября. Сегодня в 9 утра пошёл по школам ОНО с целью учёта пионеров-учащихся. В час дня началось заседание бюро райкома, которое кончилось в 3 часа. Не успел сходить домой пообедать, как пришлось идти обратно в райком, т. к. в 5 часов вечера должен был начаться пленум райкома.

Суббота, 18 сентября. С 9 до 12 часов пробыл в окружке на заседании окружного бюро юных пионеров, которое должно было начаться в 9 часов, а началось в 10 часов 15 минут, т. к. вовремя явился только я и еще какой-то парень. Во втором часу с пионером Беляновым пошли в клуб им. Вайнера доставать костюмы для пионер-постановки. К четырем часам пошёл на заседание сеньорен-конвента (собрание представителей делегаций. – *Авт.*) 4-й райконференции ВЛКСМ. В 6 часов началась райконференция. Заседание окончилось в 10-м часу, после чего был устроен концерт. В 12 часов ночи я уже лежал в постели.

Воскресенье, 19 сентября. Целый день – с 9 часов утра до 9 часов вечера – с двухчасовым перерывом был на конференции.

Понедельник, 20 сентября. К 4-м часам пошёл на заседание сеньорен-конвента и последнее заседание конференции. В 10 часов вечера был дома.

Вторник, 21 сентября. Так как я остался в составе бюро РК, то с утра принялся подбирать и подшивать дела, запущенные до безобразия. Пришел вожатый 9-го отряда – т. Молчанов, и я занялся с ним. Сообща мы составили план работы санитарной комиссии их коллектива на три месяца и выработали правила для дежурного члена санкома. Остальное время я посвятил распределению имеющихся пионерских бумажек по отрядам.

В 5 часов 30 минут (назначенное в 5 часов) началось заседание президиума райбюро юных пионеров 3-го района. Присутствовало семь человек, из них трое – не члены президиума. На повестке дня стояли следующие вопросы:

1. Прикрепление школ к отрядам юных пионеров.

2. Комплектование пионеров по железнодорожным школам.

3. Организация форпостов.

4. Об обследовании отрядов.

5. Информация о работе райбюро юных пионеров за август месяц.

Заседание прошло очень оживленно. По вопросу комплектования пионеров по школам разгорелась целая дискуссия. 5-й вопрос пришлось снять, ввиду неявки докладчика.

В 7 часов 15 минут заседание было закрыто, и все пошли на заседание пленума областного бюро, но таковое не состоялось, ввиду неявки многих товарищей. Поэтому хождение в обком ВЛКСМ послужило нам вместо мотона. В 10 часов вечера был дома...» [4, С. 39].

На VII съезде ВЛКСМ в резолюции «Об очередных задачах детского коммунистического движения» было отмечено, что еще слабо идет работа по подбору, подготовке и воспитанию пионерских работников, по выделению на пионерскую работу лучших, подготовленных партийцев и комсомольцев, из чего вытекает зачастую неумелое руководство, нетактичный подход к работе среди пионеров. Всё это усугублялось трудностью и сложностью работы среди детей, требующей от вожатых отрядов больших знаний и известных педагогических навыков. Кроме того, делался акцент на комсомольском ядре в пионерской организации. Однако, несмотря на некоторое увеличение этого ядра, в условиях роста и усложнения пионерской работы комсомольское ядро недостаточно по количеству и низко по качеству [10, С. 266].

В целях усиления комсомольского руководства и его влияния съездом было предложено выделить лучшие силы на работу в бюро пионеров; разработать вопрос о руководстве пионерской работой со стороны ячейек, имеющих несколько отрядов; реорганизовать и укрепить методическую работу бюро пионеров, привлекая к ней «лучшие местные культурные силы» [10, С. 277–278].

После III Пленума ЦК ВЛКСМ (ноябрь 1926 года) при переходе работы пионерской организации на метод трудовых заданий проблемы непостоянства состава вожатых, изменений в методическом обеспечении требовали у пионерских работников и вожатых поиска новых путей решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следовательно, возникла необходимость в создании таких центров, которые помогли бы в непосредственной работе бюро юных пионеров и давали бы разъяснения вожатым по всем интересующим вопросам. Таким центром в губернии являлся губернский пионер-кабинет, в уезде и городском районе – комнаты вожатых.

Чтобы выполнить свою задачу, комната вожатого завязывала переписку с отдельными вожатыми и пионерами по конкретным вопросам, собирала у себя наиболее ценные материалы своей организации, время от времени производила обследование отрядов, которое должно было рассмотреть условия работы отряда, его состояние, достижения. Особо важным считалось обращать внимание даже на мелкие достижения отряда, новые предложения, имевшиеся у подростков. Раз в две-три недели комната вожатого по полученным за это время отчетам, материалам, письмам вожатых и пионеров составляла сводку состояния работы и новые предложения, которые использовало бюро юных пионеров в своей работе. Кроме того, комната удовлетворяла запросы вожатых, для чего устраивались консультации по самообразованию, отдельным вопросам отрядной работы (агрономии, технике и др.), привлекая специалистов разных сфер. Для ведения справочной работы по вопросам самообразования комната связывалась с губернским пионер-кабинетом, откуда присылались рекомендательные списки литературы. Комната вела также и наглядную справочную работу, устраивая в своем помещении выставки по текущим вопросам, имевшие следующий алгоритм: как организовать работу, методы работы, учет, опыт работы в

прошлом году. Руководил комнатой член бюро, который подбирал работников из числа вожатых или педагогов, всего 5–7 человек [9, С. 41].

Представленные материалы наглядно демонстрируют направления работы с кадрами в процессе становления пионерского движения, достижения и недостатки такой работы, дают возможность провести исторические аналогии с современностью, проанализировать тенденции, определенную взаимосвязь и последовательность.

Библиография / References:

1. ГАОО. Ф № П-1281. Оп. 1. Д. 1.
2. Вожатый. – 1926. – № 2.
3. Вожатый. – 1926. – № 10.
4. Вожатый. – 1926. – № 18.
5. Вожатый. – 1926. – № 19.
6. Вожатый. – 1926. – № 20.
7. Вожатый. – 1926. – № 21.
8. Вожатый. – 1926. – № 22.
9. Вожатый. – 1926. – № 23–24.
10. Товарищ комсомол. Т. 1.

1. GAOO F No. P-1281 Op.1 d.1. (In Russ.).
2. Counselor. – 1926. – № 2. (In Russ.).
3. The counselor. – 1926. – №10. (In Russ.).
4. The counselor. – 1926. – №18. (In Russ.).
5. The counselor. – 1926. – №19. (In Russ.).
6. The counselor. – 1926. – №20. (In Russ.).
7. The counselor. – 1926. – №21. (In Russ.).
8. The counselor. – 1926. – №22. (In Russ.).
9. The counselor. – 1926. – №23-24. (In Russ.).
10. Comrade Komsomol. – Vol.1. (In Russ.).

ДРОБОТ Мария Владимировна, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, аспирант, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: drobot-duma@mail.ru, AuthorID: 1103527

DROBOT M.V., Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Postgraduate Student at the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: drobot-duma@mail.ru

**МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ
РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ДОНСКОГО КОМСОМОЛА: 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА)**

**YOUTH ORGANIZATIONS IN THE POST-REVOLUTIONARY TRANSFORMATION OF
RUSSIA (THE CASE OF THE DON KOMSOMOL: THE 1920s OF THE 20th CENTURY)**

Аннотация. Целью статьи является изучение истории создания и развития Донской организации Российского коммунистического союза молодежи в 20-е годы XX века, ее вклада в развитие и преобразование России тех лет. При этом используются как общенаучные, так и конкретно-исторические методы. С их помощью анализируется работа союзов пролетарской молодежи; рассказывается о формах вовлечения в коммунистическую молодежную организацию; перечисляются задачи, поставленные вышестоящими органами перед комсомольскими ячейками, и пути их решения. Переход к мирному строительству проходил в очень сложной обстановке: промышленное производство сократилось в семь раз, крупнейшие предприятия Дона не работали из-за недостатка сырья и топлива; валовая продукция сельского хозяйства по сравнению с довоенным уровнем уменьшилась на 33 %; резко уменьшилось поголовье скота; продолжали сокращаться посевные площади. Необходимы были меры по восстановлению и развитию экономики и культуры. Комсомольцы и молодежь Дона приняли активное участие в этой работе. Таким образом, делается вывод о том, что в результате восстановления народного хозяйства, сбор продналога, работа с батрацкой молодежью, культурно-просветительная деятельность являлись вкладом Донского комсомола в постреволюционное преобразование России.

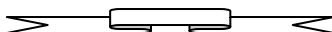
Ключевые слова: союз пролетарской молодежи, Российский коммунистический союз молодежи, Неделя молодежи, культурно-просветительная работа, Донской комитет РКСМ.

Abstract. The purpose of the article is to study the history of the creation and development of the Don organization of the Russian Communist Youth League in the 1920s of the 20th century, its contribution to the development and transformation of Russia during this period.

Both general scientific and concrete historical methods are used. These methods are used to analyze the work of the unions of proletarian youth; to describe the forms of involvement in the communist youth organization; to reveal the tasks assigned by the higher bodies to the Komsomol cells and the ways to solve them. The transition to peaceful construction took place in a very difficult situation: industrial production decreased seven times, the largest Don enterprises did not work due to the lack of raw materials and fuel; gross agricultural output decreased by 33% compared to the pre-war level; the number of livestock sharply decreased; acreage continued to decrease. Measures needed to be taken to restore and develop the economy and culture. Komsomol members and Don youth took an active part in this work.

As a result, the author comes to the conclusion that the restoration of the national economy, the collection of food taxes, work with farm laborers, cultural and educational activities were the contribution of the Don Komsomol to the post-revolutionary transformation of Russia.

Keywords: Union of Proletarian Youth, Russian Communist Youth League, Youth Week, cultural and educational work, Don Committee of the Komsomol.

ВВЕДЕНИЕ

1917 год способствовал вовлечению в бурный поток классовых битв широких масс молодёжи, которую привлекали революционные лозунги большевиков.

На Дону еще летом 1917 года (Ростов-на-Дону) стали создаваться союзы пролетарской молодежи. В то же время стояла задача объединить пролетарскую, революционно настроенную молодёжь в единый союз. Ростово-Нахичеванский комитет РСДРП(б) поставил задачу начать работу по созданию союза молодежи. Инициативная группа, в которую вошли С. Зубов, Г. Толмачев, И. Горохов и др., развернула на предприятиях города большую пропагандистскую работу, разъясняя цели и задачи будущей организации, выпустила воззвание «Ко всем рабочим и работницам, подросткам и учащимся низших и средних школ», опубликовав его в газете «Наше знамя» [11, С. 12]. Цель объединения пролетарского юношества, как отмечалось в воззвании, сделать из молодежи стойких борцов за свои рабочие идеалы [11, С. 14].

26 июля 1917 года в здании Ростовского университета состоялось первое организационное собрание Союза пролетарской молодежи Ростова и Нахичевани-на-Дону, в котором приняли участие более 100 человек. На собрании был избран временный комитет из 15 человек, которому поручалось доработать проект устава союза молодёжи.

В проекте данного документа говорилось, что «Союз пролетарской молодежи городов Ростова и Нахичевани-на-Дону ставит своей целью подготовить из своих членов свободных и сознательных граждан, достойных участников борьбы за освобождение от ига капитализма» [11, С. 13].

Резолюция VI съезда РСДРП(б) (26 июля – 3 августа 1917 года) «О союзах молодёжи» ознаменовала новый этап в развитии пролетарского юношеского движения России. Повсеместно начали создаваться новые организации пролетарской молодёжи. Осенью они были созданы и в городах Дона:

Сулине, Таганроге, Александровск-Грушевском. Между ними и Ростово-Нахичеванской организацией союза установились постоянные связи, а Ростово-Нахичеванский комитет союза был связан с комитетом союза молодёжи Москвы.

Однако союзы рабочей и крестьянской молодежи, созданные в 1917 – начале 1918 года в центре и на окраинах России, были разобщены, не имели руководящего центра, а следовательно, возникала необходимость объединить юношеские организации в единый союз молодежи.

После I Всероссийского съезда рабочей и крестьянской молодежи, на котором был образован Российский коммунистический союз молодёжи, на Дону начали создаваться комсомольские ячейки в северных районах и округах области, где была установлена советская власть.

Однако основная работа по созданию коммунистического союза молодежи на Дону началась лишь после освобождения города Ростова-на-Дону.

В начале 1920 года была создана инициативная группа для организации коммунистического союза молодёжи. Она составила ядро актива городской организации и энергично принялась за возрождение комсомольских ячеек в Ростове и Нахичевани-на-Дону.

25 января 1920 года состоялся общегородской молодёжный митинг, после которого сразу 200 юношей и девушек записались в комсомол.

В январе 1920 года родилась комсомольская организация в Таганроге. 11 января оргкомитет под руководством инструктора политотдела дивизии Ивана Фоменкова организовал первое собрание молодёжи для разъяснения задач комсомола. На следующий день на собрании проводилась запись в комсомол. Были созданы ячейки на крупных заводах Таганрога. Через несколько дней, 15 января, состоялось первое собрание комсомольцев города, на котором был избран комитет РКСМ. В феврале организация Таганрога уже насчитывала 300 человек. В этом же месяце был образован Нахичеванский райком РКСМ

и Ростовский городской комитет РКСМ.

В апреле 1920 года в Темерницком и Нахичеванском районах были открыты школы для неграмотных, причем ликвидация неграмотности, в которой союзная молодежь принимала самое активное участие, стала одной из форм вовлечения молодежи в комсомол.

Весной этого же года встала задача организовать комсомольские ячейки в станицах и на хуторах области, установить связи с уже существующими организациями, создать окружные комитеты, и, наконец, необходимо было созвать I областной съезд комсомола, на котором завершить процесс оформления комсомольских организаций Дона.

В течение Недели молодежи, которая проводилась с 14 по 21 марта 1920 года, в ряды РКСМ было принято 1500 человек [14, С. 25].

После этого комитеты РКСМ приступили к созданию комсомольских ячеек на предприятиях, к организации кружков, комсомольских клубов и школ политического самообразования, школ для неграмотных членов союза.

Процесс продолжался не один месяц. Регулярно организовывались и проводились недели укрепления коммунистического союза молодежи в Ростове.

Так, Неделя укрепления в г. Ростове и Нахичевани-на-Дону, проведенная в декабре 1920 года, дала весьма существенные результаты, причем все силы союза были направлены на укрепление старых и организацию новых ячеек союза молодежи.

В Городском районе были проведены митинги на тему «Цели и задачи союза молодежи» и «Необходимость организации ячеек». Созданы ячейки в трамвайном депо, на государственной обувной фабрике, на фабрике «Седло», военно-инженерной дистанции Кавказского фронта, в Донском совнархозе, техникуме путей сообщения, на курсах по дошкольному воспитанию.

В Нахичеванском РКСМ организованы митинги на тему «Неделя укрепления союза» и «Организации молодежи». Организованы ячейки: на 1-й мануфактурной фабрике, на заводе Кистова, на 2-й судостроительной

фабрике, в типографии, Центрогараже, на заводе Хачкурузова. Каждая ячейка в среднем насчитывала 30 человек [5, С. 3].

В Темерницком районе проведены митинги на тему «Союзное движение» и «Неделя по укреплению союза». Созданы ячейки на кожевенном заводе, на заводе Панченко, на Юго-Восточной железной дороге. Каждая ячейка насчитывает около 20 членов.

В Гниловском районе организованы митинги на тему «Что такое союз молодежи?», «Задачи рабочей молодежи и неделя укрепления». Образованы ячейки на мойке, на 2-м государственном цементном заводе, в депо Екатерининской железной дороги, станице Нижне-Гниловской. Каждая ячейка насчитывает около 20 членов [6, С. 2].

2 декабря 1920 года было созвано делегатское собрание от ячеек всех районов, на котором заслушаны доклады, касающиеся экономическо-правовой работы; работы в ячейках. 3 декабря состоялись делегатские собрания по районам, на которых были утверждены экономическо-правовые комиссии и ассистенты-инспекторы труда [6, С. 3].

Результаты недели отразились и на клубной работе. Так, в Гниловском районе были организованы следующие кружки: газетный, литературный, музыкальный и драматический. В остальных районах таковые уже существовали до Недели [4, С. 28].

2 февраля 1921 года закончил работу II Донской областной съезд РКСМ (25 января – 2 февраля 1921 года). В газете «Донская беднота» отмечалось, что более чем полугодичный перерыв со времени I областного съезда, бездеятельность Донского комитета прежнего состава, неблагоприятные объективные условия существования организаций на местах, огромный недостаток работников, еще более усилившийся с проведением 15-процентной мобилизации на фронт, – всё это выдвинуло массу вопросов, требующих неотложного разрешения.

Назначенное для наиболее успешного осуществления этой необходимости Донбюро проделало широкую работу по закреплению в корне расшатанных за период существования

своего предшественника организаций РКСМ на местах и достигло того, что на этом важнейшем для союзной жизни Дона съезде была представлена область полностью.

Постановления II Донского областного съезда РКСМ по вопросам возрождения хозяйства республики и, в частности, Дона заложили основу для непосредственного участия донской молодежи в восстановлении народного хозяйства Советской России.

Прения по докладу Донбюро о его деятельности и доклады с мест указывали на то, что со стороны руководящего органа требуется широкий размах работы, который соответствовал бы всей грандиозности задач, встающих перед молодежью, а кроме того, послужили бы указателем того, что предстоит сделать областному комитету, что не могло выполнить Донбюро, перед которым стояли узкие задачи сохранения наших организаций и созыва съезда [1, С. 3].

Переход к мирному строительству проходил в очень сложной обстановке: промышленное производство сократилось в семь раз, крупнейшие предприятия Дона не работали из-за недостатка сырья и топлива (в 1920 году работала лишь треть промышленных предприятий, многие шахты были затоплены); валовая продукция сельского хозяйства по сравнению с довоенным уменьшилась на 33%; резко сократилось поголовье скота; продолжали сокращаться посевные площади.

Необходимы были меры по восстановлению и развитию экономики и культуры. Комсомольцы и молодежь Дона приняли активное участие в этой работе. Материалы газеты «Молодежь Дона» (от 8 июля 1921 года) – свидетельство тому. В качестве примеров – эпизоды работы отдельных районных организаций. Например, Гниловским районом Ростово-Нахичеванской организации РКСМ был устроен субботник на государственном шиферном заводе, где восемь товарищей перенесли за 2 часа 55 пудов шифера и четыре товарища привели в порядок помещения под клуб ячейки [2, С. 3].

Чертковской организацией РКСМ Донецкого округа Донской области совместно с РКП(б)

еженедельно устраивались субботники для оказания помощи в ремонте вагонов. Посещаемость членов РКСМ – 100 %. Работа проходила с большим подъемом [3, С. 1].

Азовской организацией РКСМ Ростовского округа Донобласти был устроен воскресник, в котором приняли участие 43 товарища. В течение шести часов была проделана грандиозная работа по очистке и приведению в порядок городского сада. Восемь комсомольцев занесены на Красную доску [3, С. 1].

В Ростовском округе Донобласти окружком коммунистического союза молодежи мобилизовал 20 членов союза на подработку по выполнению единовременного проднаряда. Часть товарищей выехала на места и приступила к работе. Кроме того, все члены союза Ростовского округа объявлены мобилизованными и по требованию уполномоченных окрпродкомов немедленно поступали в их распоряжение [3, С. 1].

Во всем Азовском районе Ростовского округа Донской области нет ни одного безграмотного члена союза. В Батайской сельской ячейке неграмотных осталось человек 4–5. В Чалтырском районе комсомолом организована школа для безграмотной крестьянской молодежи. В Романовском районе I Донского округа комсомолом в мае был создан съезд-курсы. В Каменском районе Донецкой губернии неграмотность азбучная ликвидирована. Приступили к ликвидации политической неграмотности, которая в скором времени, судя по занятиям, тоже была ликвидирована [2, С. 3].

Темерницким райкомом РКСМ устраивались субботники в Главных мастерских ВЛК (Владикавказской) железной дороги. Посещаемость – 80 %. Не посещающие субботники члены железнодорожной ячейки, согласно постановлению общего собрания, привлекались к сверхурочным работам. Кроме того, Темрайкомом РКСМ совместно с Темпартком устраивались в срочных случаях и воскресники (независимо от субботников) по разгрузке и перевозке зерна для рабочих Ростовского железнодорожного узла [3, С. 2].

Миллеровской организацией РКСМ регу-

лярно устраивались совместно с РКП(б) субботники, имевшие большие результаты. Так, например, на одном из них было нагружено за два часа четыре цистерны мазута, что составило 4000 пудов [2, С. 3].

Комсомольские ячейки оказывали большую помощь государству и в восстановлении сельского хозяйства, в том числе участвовали в кампании по сбору продналога. В обращении секретаря Донского комитета РКСМ Коваленко ко всем окружным и районным комитетам комсомола, опубликованном в газете «Молодежь Дона» (28 июля 1921 года), акцентировалось внимание на том, что с 15 июля 1921 года по Донской области началась кампания по сбору продовольственного налога. Постигший Россию и, в частности, Донскую область неурожай грозил поставить страну в затруднительное положение, лишит многочисленные рабочие массы продовольствия [3, С. 4]. Отмечалось, что надвигающийся голод с его последствиями в виде различных эпидемий мог использоваться врагами трудящихся как оружие против советской власти, вызывая с их стороны усиленную агитацию за свержение диктатуры пролетариата [2, С. 4].

Коваленко обратил внимание и на то, что в связи с неурожаем усилилось и переселенчество, которое, двинувшись по селам, станциям, мешало нормальному сбору налога и правильному его распределению. Следовательно, перед Советской Республикой стояла громадная задача, применив героические усилия, максимум сил и энергии, в кратчайший срок собрать продналог и снабдить им голодающее население. Задача союза в этой ответственной работе – идти всеми силами и средствами на помощь государству [2, С. 4].

Таким образом, Донской областной комитет предложил всем организациям союза перенести всё внимание на продовольственную работу, для чего было необходимо всем окружкам, договорившись с продорганами на местах, провести мобилизацию членов союза не моложе 17 лет, зарекомендовавших себя как вполне зрелые работники, и передать их в распоряжение окрпродкомов

(окружной продовольственный комитет. – *Авт.*). Кроме того, предлагалось вменить в обязанность всем инструкторам, где бы они ни находились, связываться с продорганами и повседневно способствовать в сборе налога, а также установить еженедельную отчетность их перед округами о проделанной работе. Обращалось внимание и на усиленную агитацию за своевременную сдачу налога, для чего стоило связаться с налоговыми инспекторами, заготовительными конторами, ссыпными пунктами, выделять в их распоряжение членов РКСМ для проведения учета переписи, разоблачать дающих неверные сведения и прочее. А кроме того, организовать субботники, воскресники для упаковки, погрузки и перевозки собранного налога [2, С. 4].

В то же время в письме Донского областного комитета РКП(б) всем окружным и районным комитетам партии о работе среди молодежи (20 августа 1921 года) было указано на необходимость усиления работы среди молодежи: ввиду большой слабости РКСМ, необходимо уделить серьезное внимание подготовке и проведению предстоящих окружных и районных комсомольских конференций. Практическое участие парткомов в проведении конференции выражалось в участии в подготовительной работе; выделении представителя на конференцию; предоставлении докладчиков по наиболее серьезным вопросам; участии в формировании и подборе руководящих органов комсомола; оказании помощи в обеспечении конференции материальными и финансовыми средствами [9, С. 52, 52а].

Также отмечалось, что в связи с острой нуждой союзов в активных работниках, недостаточность их и зачастую слабая подготовленность способствуют проникновению в руководящие органы авантюристских элементов. Поэтому должен быть сделан акцент на формировании комитетов активными, политически грамотными и преданными советской власти комсомольцами. При подборе кандидатур рекомендовалось договориться с союзами молодежи представлять нужных работ-

ников из молодых членов партии [9, С. 52, 52а].

После IV Всероссийского съезда комсомола (21–28 сентября 1921 года), потребовавшего от организаций РКСМ активнее бороться за улучшение быта, обучение и воспитание молодёжи, в том числе развивать профессионально-техническое обучение, улучшать воспитательную и просветительную работу, состоявшийся в Ростове III Донской областной съезд РКСМ признал главными задачами организации активную борьбу с бандами; улучшение положения рабочей молодёжи; усиление профессионально-технического образования; трудоустройство молодёжи, охрану труда подростков и усиление воспитательной и просветительной работы [11, С. 38].

В течение 1921 года Донком в течение недели рабочего подростка обследовал 517 предприятий области, по итогам чего для подростков был установлен четырех- и шестичасовой рабочий день; более 200 несовершеннолетних были переведены из вечерних смен в дневные или на более легкую работу. По инициативе Донкома профсоюзные организации начали предоставлять отпуска подросткам и молодёжи в летнее время [11, С. 39]. В 1922 году большая работа была проведена по организации школ фабрично-заводского ученичества.

На хуторах и в станицах Донком взял на учет всю батрацкую молодёжь, защищая ее интересы. Развернулась пропаганда агрономических знаний.

В 1922 году силами молодёжи удалось покончить с бандитизмом на Дону.

Состоявшийся в 1922 году (11–17 октября) V Всероссийский съезд РКСМ обозначил новые задачи: образование и воспитание (в том числе политическое) молодёжи в новых экономических условиях; молодёжная работа в деревне; постановка союзной периодической печати; развитие детского движения.

Выполняя резолюции съезда, на Дону Донской комитет РКП(б) и Донской комитет РКСМ начали работу в этих направлениях. Так, осенью 1922 года была развернута рабо-

та по ликвидации политической неграмотности молодёжи, создана сеть школ-передвижек. При ячейках создавались пропагандистские коллективы, членами которых были комсомольские активисты, умеющие сочетать теорию с практической работой, вопросы политической злободневности – с текущими конкретными задачами ячейки [11, С. 41].

Доклад Донкома РКСМ, представленный на IX Пленуме Донского комитета РКП(б) «О работе Донского комсомола» (8 июня 1923 года), ярко отражал состояние дел по текущим вопросам.

Как отмечалось в нем, Донская организация РКСМ на июнь 1923 года насчитывала 5239 членов, из них рабочих – 1919, крестьян – 2403, служащих – 424, учащихся – 503. В число учащихся входили рабфаковцы и вузовцы. Учащихся 2-й ступени в организации мало... [10, С. 29].

Первое место в работе занимает Ростовская городская организация. Из окружных комсомольских организаций самая образцовая – Донецкая. Несмотря на летний период, в Донецкой организации упадочного настроения не замечается, а культурно-просветительная работа держится на высоком уровне. «Проведенная проверка политзанятий, – говорилось в докладе, – дала положительные результаты в Донецкой, Ростовской и Сальской организациях, хуже дело обстоит в Черкасской комсомольской организации...» [10, С. 28].

Кроме того, в данном документе акцентировалось внимание на том, что, благодаря передаче спортивных клубов в распоряжение союза, организация всю работу перенесла в клубы и на воздух. Для оживления летней работы стали применяться новые формы и методы. «...Удачно прививается и даёт хорошие результаты соревнование в работе ячейек. К предстоящему конкурсу ячейек на звание образцовой все городские рабочие ячейки активно готовятся. Конкурс будет устраиваться в партклубе или рабочих клубах в виде вечеров, где каждая рабочая ячейка должна продемонстрировать степень знакомства её со своим производством и постановкой куль-

турно-просветительной работы» [10, С. 28].

В работе деревенских союзов главное внимание было обращено на работу с батрачеством и вовлечению беспартийной крестьянской батрацкой молодежи в союз Всеработземлес (Всероссийский союз рабочих земли и леса. – *Аем.*). Отмечалось, что наблюдается рост Сальской и Донецкой организаций за счет батрачества [10, С. 28].

Далее в докладе отмечалось, что в культурно-просветительской области Донской комитет РКСМ придерживается эпизодического характера работы, лишь в связи с подготовкой и проведением отдельных кампаний, которых за отчетный период было подготовлено 16, следовательно, важнейшей задачей в этой сфере является улучшение всей работы организации и привлечение каждого комсомольца к культурно-просветительной работе [10, С. 29]. В то же время большое внимание политпросветом Донского комитета РКСМ уделено работе по выдвижению работников. Юношеская секция закончила занятия, сделав удовлетворительный выпуск. Организованы союзные школы в Ростове и других окружных центрах, где слушатели знакомятся с юношеским движением.

«К сожалению, в области печати особых достижений за отчетный период сделано не было, – отмечалось в докладе, – в тех ячейках и округах, где издавались газеты, они и продолжают издаваться. По постановлению бюро Донского комитета, в «Трудовом Доне» два раза в месяц будет печататься вкладной лист «Молодёжь Дона» вместо «странички» [10, С. 29].

Положительными моментами в работе организации стали следующие: спортивные организации начали переходить в распоряжение РКСМ, в том числе в Сальском округе, Азове; также активно шла работа по организации пионерских отрядов, объединявших на май 1923 года в своих рядах 700 детей. Сравнительно хорошо поставлена эта работа в Ростове и в окружных центрах. Однако «...организовывать пионерские отряды в деревнях и селах Донской комитет РКСМ воздерживается до укрепления их в окружных

центрах...» [10, С. 29].

Спустя месяц, 28 июля 1923 года, на пленуме Донкома РКП(б) в докладе секретарь Черкасского окружного комитета партии «О руководстве РКСМ» на примере своего окружкома рассказал, каким образом строится работа РКСМ: ячеек РКСМ в округе – 26, членов союза – 129 человек. В городе функционирует пять кружков, 24 избы-читальни, заведующие которых в большинстве – члены РКСМ, три народных дома, 18 клубов. Вся работа политпросвета проводится в этих культурно-просветительных учреждениях [10, С. 36].

Также было отмечено, что имеется большая тяга в союз крестьянской молодежи, в результате несколько ячеек организовались без влияния окружкома. Создан отряд пионеров в 150 человек. Имеется спортивный клуб, который окружком взял под свое руководство. Большая работа проводилась по привлечению батрацкой молодежи в профсоюз Всеработземлеса. Дисциплина удовлетворительная, пьянства не наблюдалось [10, С. 37].

Для политико-воспитательной работы среди молодежи комсомол Дона использовал празднование юбилеев. Так, в октябре 1923 года на Дону широко отмечался пятилетний юбилей РКСМ, проводились торжественные заседания, вечера воспоминаний; вышел сборник «Юношеское движение на Дону», обобщивший материал о молодежном движении в области с начала XX века [11, С. 42].

Вот как описывает юбилейные мероприятия в городе Ростове-на-Дону газета «Советский Юг» (31 октября 1923 года): 28 октября, в канун пятилетнего юбилея, у комсомольцев Городского района состоялся вечер воспоминаний, посвященный истории возникновения союза молодежи на Дону.

Докладчик обрисовал первые героические дни комсомольских организации, когда в Ростове главными руководителями всей политической жизни были соглашательские партии, смотревшие на комсомол как на филиал партии большевиков... [7, С. 2]. Теперь комсомол – это большая часть рабочей молодежи

жи, задача которой вместе с изучением истории своей организации получить глубокие знания, «нужные для строительства новой жизни. Вместе с тем комсомол – это фаб-завуч РКП(б), под руководством которой молодежь шла в революцию и которую комсомол пополняет кадрами свежих, преданных революции бойцов...» [18, С. 3].

Из информации Донского комитета РКСМ в ЦК ВЛКСМ о проведении пятилетнего юбилея союза на Дону (17 января 1924 года): подготовительная работа к пятилетнему юбилею союза (29 октября) на Дону началась с сентября и проводилась во всех городах и селах.

Проведению юбилея предшествовала кампания по ознакомлению членов союза с историей РКСМ, а в некоторых организациях и с историей местной организации. Эта работа проводилась в пропколлективах (пропагандистских коллективах. – *Авт.*) и специально организованных ячейками кружках по изучению истории союза. В результате этого 50–60 % комсомольцев городских организаций и 25–30 % деревенских ознакомились с революционным движением молодежи в России.

Некоторые ячейки привлекли в эти кружки и беспартийную молодежь. На всех предприятиях городов, на партийных и комсомольских собраниях были проведены доклады об истории РКСМ. В рабочем районе Темерник перед юбилеем была созвана конференция рабочей молодежи, где широко освещались вопросы истории союза и германских событий.

День празднования прошел весьма удачно как в г. Ростове, так и по всей области. 29 октября состоялись торжественные заседания с приветствиями и докладом по истории РКСМ, на некоторых вручались знамена и адреса лучшим комсомольцам и молодежи. В этот день состоялась передача в партию испытанных комсомольцев [4, С. 57–58].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, разнообразные формы и методы организационной, политико-воспитательной и культурно-массовой работы

среди молодежи Дона способствовали идейному и организационному укреплению рядов РКСМ начала 20-х годов прошлого века. Комсомольские организации выросли численно и усилили влияние на молодежь.

Библиография / References:

1. Донская беднота. – 1921. – № 12.
2. Молодежь Дона. – 1921. – № 30.
3. Молодежь Дона. – 1921. – № 38.
4. Летопись Донского комсомола (1920–1945 гг.): сборник документов и материалов по истории Ростовской областной организации ВЛКСМ – Ростов: кн. изд-во, 1982. – 228 с.
5. Советский Юг. – 1920. – № 45.
6. Советский Юг. – 1920. – № 42.
7. Советский Юг. – 1923. – № 36.
8. Советский Юг. – 1923. – № 32.
9. ЦДНИРО. – Ф. №4. – Оп.4. – Д.90.
10. ЦДНИРО. – Ф. №4. – Оп.1. – Д.161.
11. Меркулов П.А., Малик Е.Н. Государственная политика в сфере политической грамотности и политического воспитания российской молодежи // Власть. 2016. – Т. 24. – № 4. – С. 83–87.
12. Меркулов П.А., Проказина Н.В. Методологические подходы к анализу протестной деятельности молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т.12. – № 1. – С. 15–23.
13. Юность моя – комсомол : Очерки истории комсомольской организации Дона / Асмолова Г. Г., Богдановская О. А., Емельяненко Н. Я. и др.; Под общ. ред. В. В. Мельникова; Парт. арх. Рост. обкома КПСС, Рост. обком ВЛКСМ. – Ростов, 1986. – 336 с.

1. Donskaya bednota. – 1921. – №12. (In Russ.).
2. Molodezh' Dona. – 1921. – №30. (In Russ.).
3. Molodezh' Dona. – 1921. – №38. (In Russ.).
4. Letopis' Donskogo komsomola (1920-1945 g.g.): sbornik dokumentov i materialov po istorii

Rostovskoy oblastnoy organizatsii Rostovskoy oblastnoy organizatsii VLKSM – Rostov: kn. izd-vo, 1982. – 228 s. (In Russ.).

5. Sovetskiy Yug. – 1920. – №45. (In Russ.).

6. Sovetskiy Yug. – 1920. – №42. (In Russ.).

7. Sovetskiy Yug. – 1923. – №36. (In Russ.).

8. Sovetskiy Yug. – 1923. – №32. (In Russ.).

9. TSDNIRO. – F№4. – Op.4. – D.90. (In Russ.).

10. TSDNIRO. – F№4. – Op.1. – D.161. (In Russ.).

11. Merkulov P.A., Malik Ye.N. Gosudarstvennaya politika v sfere politicheskoy gramotnosti i politicheskogo vospitaniya rossiyskoy molodozhi // Vlast'. 2016. – T.24. – №4. – S. 83-87. (In Russ.).

12. Merkulov P.A., Prokazina N.V. Metodologicheskiye podkhody k analizu protestnoy deyatel'nosti molodozhi // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2017. – T.12. – №1. – S.15-23. (In Russ.).

13. Yunost' moya – komsomol : Ocherki istorii komsomol'skoy organizatsii Dona / Asmolova G. G., Bogdanovskaya O. A., Yemel'yanenko N. YA. i dr.; Pod obshch. red. V. V. Mel'nikova; Part. arkh. Rost. obkoma KPSS, Rost. obkom VLKSM. – Rostov, 1986. – 336s. (In Russ.).

УДК 94(470)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-2-87-95

ДЕМИДОВ Артём Геннадьевич, председатель Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (Россия, Москва), e-mail: csvoopik@mail.ru, AuthorID: 1059918

DEMIDOV A.G., Chairman of All-Russian public organization «All-Russian society for the preservation of historical and cultural monuments». (Russian Federation, Moscow), e-mail: csvoopik@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ УСЛОВИЙ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАЩИТУ ПАМЯТНИКОВ В СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

CREATING ENVIRONMENTS FOR A PUBLIC MOVEMENT TO PROTECT MONUMENTS IN THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Аннотация. Целью данной статьи стало исследование процесса возникновения общественного движения в защиту памятников старины в середине прошлого века. С использованием исторических методов исследования, показано, что решение о реставрации разрушенных объектов историко-культурного наследия было принято уже в ходе Великой Отечественной войны, а также в первые послевоенные годы, несмотря на катастрофическую нехватку ресурсов и средств в стране. В исследуемый период проблема сохранения памятников приобрела патристическое звучание впервые после Октябрьской революции. Статья написана на базе широкого корпуса архивных документов, позволяющих детально реконструировать картину, дающую комплексное представление о направлениях деятельности разнообразных комиссий, секций и прочих структур, в чью компетенцию входили вопросы восстановления, сохранения и реставрации памятников старины. По итогам изучения темы автор приходит к выводу, что описываемые процессы заложили основу для последующей институализации и организационного оформления движения в защиту объектов историко-культурного наследия в нашей стране. Первые предложения об образовании всероссийской общественной организации по охране памятников исходили от историко-архитектурной общественности. В результате это позволило в дальнейшем создать мощные общественные структуры в сфере сохранения историко-культурного наследия и сохранить многие важные объекты прошлого.

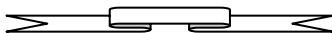
Ключевые слова: охрана памятников, историко-культурное наследие, общественное движение, Великая Отечественная война, послевоенный период, органы охраны памятников.

Abstract. The purpose of this article is to study the process of the emergence of a social movement in defense of ancient monuments in the middle of the last century.

Historical research method is used to show that the decision to restore the destroyed objects of historical and cultural heritage was made already during the Great Patriotic War, as well as in the first post-war years, despite the catastrophic shortage of resources and funds in the country. During the period under study, the problem of preservation of monuments acquired a patriotic sound for the first time after the October Revolution. The study is based on archival documents. These materials allow us to reconstruct the picture in detail, giving a comprehensive idea of the activities of various commissions, sections and other structures whose competence included issues of restoration, preservation and restoration of ancient monuments.

As a result, the author comes to the conclusion that the described processes laid the foundation for the subsequent institutionalization and organizational design of the movement for the protection of historical and cultural heritage objects in our country. The first proposals on the creation of the All-Russian society for the preservation of monuments came from the historical and architectural community. This made it possible to further create powerful public structures in the field of preserving historical and cultural heritage and preserve many important objects of the past.

Keywords: protection of monuments, historical and cultural heritage, social movement, Great Patriotic War, post-war period, monument protection bodies.

ВВЕДЕНИЕ

В ходе Великой Отечественной войны погибли не менее 3 тысяч памятников, исчезли с карты многие исторические города [8, С. 218]. Уже в ходе военных действий возникла дискуссия, надо ли восстанавливать уничтоженные шедевры, в первую очередь лежавшие в руинах дворцы в пригородах Ленинграда. В разорённой войной стране средств не хватало, но патриотический подъём был столь велик, что было принято решение о реставрации ряда разрушенных памятников. Впервые после Октябрьской революции проблема сохранения и восстановления культурного наследия обрела патриотическое звучание.

В этом сыграла свою роль и возникшая ещё в предвоенные годы и укрепившаяся в ходе войны тенденция к усилению историзма и опоры на традиции в идеологической концепции правящей коммунистической партии. Именно с данным явлением были связаны новации в армии: погоны и звания, салюты, названия проводившихся в ходе освобождения страны от нацистов операций – «Кутузов», «Румянцев», «Багратион», появление орденов Александра Невского, Кутузова, Суворова и Нахимова, частичное восстановление прав Русской Православной Церкви. Больше не производилось массовых сносов церквей, как в 1930-е гг. Снимаются художественные фильмы о российских полководцах и государственных деятелях. На экране появляются даже цари. Пишутся исторические романы, научные и публицистические статьи о славном историческом прошлом, которые призваны были воспитывать в советских людях не только пролетарский интернационализм, но и советский патриотизм, чувство законной гордости за своих великих предков.

На героев прошлого начинает ссылаться и сам И. В. Сталин. Так, во время парада в ноябре 1941 года, обращаясь к народу на Красной площади, он отметил: «...пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный

образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» [14, С. 84]. Отметим, что все перечисленные вождём герои, кроме Кузьмы Минина, носили княжеский титул.

Ещё перед войной, в 1940 году, были образованы секция охраны и изучения памятников архитектуры в Союзе советских архитекторов и Комиссия по охране памятников Московского союза художников (МОСХ), они стали первыми общественными формированиями, возглавившими движение за сохранение наследия. Активными членами этих общественных органов были архитекторы В. А. Лавров (1902–1988 гг.), Л. А. Петров (1908–1982 гг.), А. Я. Шафир. После войны ими на заседаниях и собраниях этих структур делались доклады о состоянии памятников, обсуждались проекты реставрации, составлялись петиции и обращения в защиту наследия.

Уже с 1942 года, после освобождения некоторых районов страны от нацистских войск, начались работы по обследованию памятников и определению нанесенного им ущерба. В этом большую роль сыграл отдел изучения и фиксации памятников Академии архитектуры СССР.

Только за период с 1942 по 1943 г. на территориях, которые уже были очищены от фашистов, обследование прошли 300 памятников [2, С. 432].

В целях оценки ущерба, нанесенного фашистами, при Комитете по делам искусств Совнаркома СССР в соответствии с распоряжением по комитету от 26 апреля 1942 года № 7427-р и приказом от 28 апреля 1942 года № 132 образовывается Комиссия по учёту и охране памятников искусства. Она занималась как произведениями искусства, так и памятниками культуры. На основе её материалов составлялись акты ущерба, нанесённого захватчиками [10, Ф. 377. Оп. 1. Д. 24. Л. 38–40].

Комиссию возглавил выдающийся художник, искусствовед, академик, а в прошлом ученик И. Репина, Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960 гг.) [4]. Русин по происхождению, он как в дореволюционные, так и в советские годы оставался в центре художественной жизни страны. После Октябрьской революции находился в приятельских отношениях с Натальей Седовой, женой Льва Троцкого, работавшей в музейном отделе Наркомпроса. Но, обладая удивительной интуицией, затем целиком ушёл в творчество. Огромную популярность ему принёс написанный им портрет девочки Светланы, который многие сочли портретом дочери И. В. Сталина. В результате Грабарь не только избежал сталинских чисток, но и был удостоен в 1940 году ордена Трудового Красного Знамени формально за свою двухтомную монографию «Репин» (1937 г.), а в 1941 году даже получил Сталинскую премию первой степени. Во время войны он щедро жертвовал личные средства в Фонд обороны, о чём писал лично И. В. Сталину и публично получил его ответную благодарность (Известия. 1943. 26 января).

В состав комиссии вошли архитекторы: К. С. Алабян, Л. Е. Аркин, В. А. Веснин и Д. П. Сухов. Положение о комиссии предусматривало, что она координировала деятельность областных отделов искусств, которые обязаны были направлять ей все необходимые документы [10, Ф. 377. Оп. 1. Д. 24. Л. 38–40].

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКПб от 29 сентября 1943 года № 1064 в целях руководства реконструкцией городов, претерпевших разрушения в период войны, создаётся Комитет по делам архитектуры Совнаркома СССР [13, С. 234]. При этом в республиках СССР деятельность по охране памятников была возложена на органы по делам архитектуры, а в областях – на соответствующие отделы при обл- и горисполкомах. В Ленинграде, Новгороде и Пскове создаются специальные научно-производственные реставрационные мастерские. Количество реставрационных мастерских по-

степенно росло, и к 1950 году в СССР их было уже 26.

Особенностью постановления 1943 года было то, что им не только воссоздавался орган охраны памятников, ликвидированный в 1930-е гг., но при этом дело сохранения архитектурных сооружений отделялось от других категорий памятников.

В Ленинграде Архитектурно-планировочное управление в 1943 году организует Архитектурно-художественное училище по подготовке реставрационных кадров, а в 1945 году оно преобразовывается в Высшее. Подобное училище создаётся также в Москве, а в ряде городов образуются средние художественно-промышленные училища [2, С. 432–433].

21 декабря 1943 года в соответствии с постановлением СНК РСФСР № 996 в РСФСР было также образовано Управление по делам архитектуры при Совнарком РСФСР [11, С. 46]. Были созданы краевые и областные управления. На них возлагалась охрана памятников архитектуры. Новому органу из Наркомпроса перешёл уже реально не существовавший отдел по охране памятников архитектуры, на самом деле ещё в 1933 году преобразованный в отдел по делам музеев и так и не выполнявший вменённую ему функцию охраны памятников из-за отсутствия в нём необходимых структур и специалистов.

В феврале 1944 года было учреждено Главное управление охраны памятников архитектуры (ГУОП) в Комитете по делам архитектуры при СНК СССР. Возглавил новое ведомство Михаил Иванович Рзянин (1903–?). Этот известный архитектор являлся действительным членом Академии архитектуры СССР и членом её президиума. Позже, в 1950–1955 гг., он работал директором Института истории и теории архитектуры, являлся автором многих трудов по истории и теории архитектуры [5, С. 154].

М. И. Рзянин заявлял, что теперь охрана памятников будет осуществляться на местах по-новому: «...Вся ответственность за защиту архитектурных памятников лежит на мест-

ных органах и зависит от их хорошей работы...» [10, Ф. 9432. Оп. 1. Д. 14. Л. 81–91]. И. Э. Грабарь поддержал создание нового органа как начало «новой» эры в сохранении памятников. Он надеялся, что вскоре будет издан закон, «беспощадный» к разрушителям объектов наследия [10, Д. 16. Л. 110–112].

Реализуя требования, заложенные в решениях правительства, исполком Моссовета в феврале 1944 года также создал Архитектурное управление с отделом по охране памятников [18, Ф. 534. Оп. 1. Д. 36. Л. 1]. Первым начальником отдела был назначен член Союза архитекторов СССР (с 1933 года), не являвшийся членом ВКП(б), сын священника Г. Т. Крутиков [5, С. 159].

Проблемой для полноценного развития дела охраны памятников в послевоенные годы были слабые реставрационные мощности и небольшой штат органов охраны памятников. Так, к 1946 году штат отдела памятников в столице составил всего семь человек [10, Ф. 9588. Оп. 1. Д. 39. Л. 29].

Вскоре Правительством СССР были приняты специальные постановления СНК СССР по восстановлению древних исторических городов России: 1 сентября 1944 года № 1193 – о восстановлении Новгорода, 13 декабря 1944 года № 1661 – о восстановлении Новгородского кремля, 8 апреля 1945 года № 715 – о реставрации памятников архитектуры Владимирской области и другие [3, Л. 363].

В 1946 году архитектурные памятники передали из ведения финансовых органов местным отделам архитектуры. Средства от их аренды теперь стало возможно тратить на ремонт бесхозных или аварийных объектов.

Постановление Совмина РСФСР об охране памятников архитектуры № 389, принятое 22 мая 1947 года, ужесточило контроль за сохранением памятников. Памятники объявлялись «неприкосновенным историко-художественным наследием». На Управление по делам архитектуры при Совете Министров и на региональные исполнительные органы возлагалась ответственность за их

сохранность. Запрещалась их передача иным пользователям без разрешения Совета Министров, а арендаторы обязывались заключать с органами архитектуры охранные обязательства, предусматривающие реставрацию этих объектов. Определялся порядок изъятия памятников у недобросовестных пользователей. Снос объектов допускался в исключительных случаях с согласия Управления по делам архитектуры Совмина РСФСР. Предписывалось предусматривать в местных бюджетах средства на реставрацию. Управление по делам архитектуры должно было утвердить первоочередной перечень памятников и заповедников. Прокуратуре поручалось усилить борьбу с нарушениями законодательства в сфере охраны памятников [12, С. 114].

В связи с изменением отношения партии и государства к сохранению наследия, меняется и тон пропагандистских материалов той поры, что сразу повлияло на общественное мнение и усилило ощущение ответственности у населения и интеллигенции страны за сохранение памятников прошлого. В средствах массовой информации стали появляться статьи о значении русской архитектуры, включавшие даже заявления о превосходстве древнерусских зодчих перед итальянскими мастерами и влиянии древнерусской архитектуры на итальянскую [15].

Заявлялось, что «все советские люди относятся к древним национальным памятникам с глубоким уважением и любовью, что охрана памятников в нашей стране стала общенародным делом», а система их сохранения «привела к замечательным итогам» [1].

Если до Великой Отечественной войны против уничтожения объектов культурного наследия протестовали лишь такие видные деятели культуры, как И. Э. Грабарь, А. В. Щусев, В. И. Мухина, то теперь в дело сохранения старины оказались вовлечены более широкие слои интеллигенции: видные писатели, известные журналисты, крупные историки, а затем и неравнодушные граж-

дане. Это дало толчок к образованию неформальных групп общественности, ратовавших за сохранение памятников.

Одним из наиболее активных общественных был инженер путей сообщения, бывший латышский стрелок Владислав Петрович Тыдман (1894–1972 гг.). Он был образцовым представителем советского народа. Являлся членом КПСС с 1917 года, работал в Петроградской организации РСДРП(б) и участвовал в Гражданской войне, поэтому, ничего не опасаясь, всегда «резал правду». В. П. Тыдман направлял письма в ЦК ВКП(б), отстаивая памятники, участвовал в заседаниях секции охраны памятников Союза архитекторов и Комиссии охраны памятников МОСХ.

Так, В. П. Тыдман обратился с письмом к идеологу коммунистической партии, члену Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданову в августе 1948 года. Он писал о печальной участи дома №1 на Б. Полянке, построенного В. И. Баженовым, который был снесён, как и дом у Красных Ворот, где жил М. Ю. Лермонтов. Упомянул В. П. Тыдман в письме и о разрушениях Андроньевского монастыря в целях строительства на его месте здания клуба «Серп и Молот». Писал об использовании высокохудожественных памятников артелями, фабриками или складами сырья. Говорил о плачевном состоянии церквей: Вознесения на ул. Радио, построенной Казаковым в 1793 году, Никиты-мученика на ул. Маркса (1751), Петра и Павла на Новой Басманной, построенной в стиле Петровского барокко, палат дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной, занятой общежитием, где прямо на полу кололись дрова, а в стенах вырубались новые оконные проёмы, и т. д. [10, Ф. 9588. Оп. 1. Д. 56. Л. 142–146].

В результате возникла переписка Комитета по делам архитектуры СССР и сектора пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Под грузом неопровержимых доказательств руководитель комитета Г. А. Симонов признал обвинения В. П. Тыдмана о неудовлетворительном положении с охраной памятников в

столице [10, Ф. 9588. Оп. 1. Д. 56. Л. 142–146, 190].

Возможно, принятое 14 октября 1948 года Постановление Совета Министров СССР № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», подписанное И. В. Сталиным, в какой-то мере явилось результатом этой переписки. В нём отмечались «серьёзные недостатки» в охране памятников [18, Ф. 429. Оп. 1. Д. 20], отсутствие контроля, неудовлетворительное руководство сферой охраны наследия. Отмечалось, что арендаторы не сохраняют памятники, а исполнительная власть на местах бездействует. Предлагалось передать полномочия по охране памятников на места. Союзным комитетам по делам архитектуры и по делам искусств поручалось «усилить руководство и контроль». Постановление утвердило Положение об охране памятников, в соответствии с которым планировалось разработать инструкции и провести учёт выявленных объектов. Советы министров республик обязывались в целях реставрации памятников выделять необходимые денежные средства и материалы. Комитету по делам архитектуры разрешалось организовать на местах хозяйственные реставрационные мастерские [2, С. 439].

Постановлением также создавался Научно-методический совет по охране памятников при Президиуме Академии наук СССР. Председателем совета был избран И. Э. Грабарь. В соответствии с принятым 24 февраля 1949 года положением совет должен был обеспечить улучшение научно-методической работы с памятниками совместно с заинтересованными ведомствами, содействовать улучшению реставрации историко-культурных объектов [6, С. 3]. Постановление закрепило разделение объектов охраны по подведомственности. Архитектурное наследие курировал Комитет по архитектуре, а памятники истории и археологии – Комитет по делам культпросветучреждений, за памятники монументальной живописи и скульптуры отвечал Комитет по делам искусств.

Это разделение имело многие негатив-

ные последствия. Как показала последующая практика, постановление породило параллелизм и ведомственные разборки, например, относительно памятников, которые относились одновременно к разным категориям (например, памятник истории и архитектуры). Вскоре многие практики стали говорить о необходимости консолидации дела охраны памятников в едином ведомстве. Так, в 1951 году известный специалист реставрационной отрасли Л. А. Петров утверждал, что «...многие памятники являются одновременно памятниками и архитектуры, и искусства, и истории. Это затрудняет отнесение их к какому-либо одному ведомству и в свою очередь порождает безответственность...» [9, Д.209. Л. 21].

Вслед за постановлением, в 1949 г., были изданы нормативные документы. Стала учитываться связь памятников со средой, вокруг них создавались охранные зоны.

В послевоенный период лишь в России было восстановлено около 1400 архитектурных памятников. Вместе с восстановлением объектов, пострадавших в войне, велись работы по реставрации в Москве и ряде городов СССР [2, С. 442].

Однако наряду с этим в 1949 году в связи с подготовкой проекта реконструкции центра Москвы над памятниками столицы снова нависла угроза уничтожения. В 1950 году Комитет по делам архитектуры СССР был ликвидирован (комитет РСФСР был распущен в 1955 году), что стало новым ударом по делу сохранения наследия. На местах были созданы инспекции по государственной охране памятников архитектуры. Через некоторое время они были преобразованы в производственные группы по охране памятников. Возвращение к существовавшей в 1920-х гг. практике, когда местные органы власти отвечали за сохранение памятников, привело к отсутствию контроля на местах. По словам уроженца Франции – выдающегося советского архитектора-реставратора и учёного, сотрудника, а позже главного архитектора Центральных научно-реставрационных

проектных мастерских Льва (Леона) Артуровича Давида (1914–1994 гг.), всемирно известные памятники были «сведены на положение совхозов», став «собственностью местных организаций» [9, Д. 384. Л. 55].

В 1951 году секция охраны и изучения памятников архитектуры Союза архитекторов перестала отвечать за сохранение памятников, и её деятельность должна была сводиться к творческим командировкам и организации экскурсий. Но обсуждения проектов восстановления памятников продолжались. Они способствовали формированию общественных групп, ратовавших за сохранение наследия. Во время этих обсуждений критиковались главный архитектор Москвы А. В. Власов и архитектор Д. Н. Чечулин. Последний за снос Зарядья в связи с проектом постройки на этом месте гостиницы «Россия» [16, Л. 205–208].

Наболевшие вопросы озвучил архитектор-реставратор Лев Аркадьевич Петров (1908–1982 гг.) в докладе на собрании московских архитекторов, посвящённом улучшению системы охраны памятников, в декабре 1951 года. Он обратил внимание на пагубную роль, которую сыграла ликвидация Комитета по делам архитектуры СССР, в деле охраны наследия и подчеркнул, что отечественные архитекторы не знают наследия предшественников, что ведёт к ошибкам, и архитектору «проще всего снести древние здания» [9, Д. 209. Л. 20–27; Д. 210].

В докладе Л. А. Петрова впервые прозвучала идея создания общественного союза охраны памятников и требование гласности и обсуждения с общественностью проектов реконструкции Москвы [9, Д. 331. Л. 58, 59].

В то же время, противостоя негативным тенденциям, в 1951 году был создан научный сектор методики и реставрации памятников архитектуры в Институте теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР. Это подразделение впервые ввело в практику своей работы научный анализ реставрационных работ и разработку инновационных реставрационных методик [2, С. 442].

С 1951 года Правительство РСФСР приняло решение развернуть работы по восстановлению древних русских городов: Пскова, Новгорода, Тулы, Смоленска, Горького и других. Увеличивались объёмы реставрационных работ в областях центра РСФСР.

Но защитники старины мешали реконструкции столицы. В 1952 году Г. Т. Крутиков был смещён с поста руководителя органов охраны памятников формально за то, что он не был членом коммунистической партии. К этому времени им был составлен справочник «Историко-архитектурные памятники Москвы, состоящие под государственной охраной», вышедший уже в 1953 году, ставший основной опорой для отдела охраны памятников Москвы на последующие годы [7]. Начальником инспекции по охране памятников в 1952 году назначается Б. И. Кузнецов. Все говорили о недостатке у него опыта и о формальном отношении к делу [17, Л. 152].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, уже в ходе Великой Отечественной войны на волне повсеместного усиления патриотических тенденций в идеологии и практике советского общества правительство обращает всё большее внимание на сохранение памятников прошлого в целях коммунистического и патриотического воспитания населения. Варварское поведение уничтожавших памятники нацистов осуждается, и принимаются решения о восстановлении утраченных архитектурных и художественных объектов. Для этого создаются соответствующие государственные структуры и система подготовки кадров реставраторов. Всё это способствовало переосмыслению в среде интеллигенции роли и значения культурного наследия прошлого и повысило социальную активность граждан в послевоенные годы. В различных общественных комиссиях, секциях и подразделениях, создаваемых при государственных структурах, постепенно формируется слой гражданских активистов, деятельность которых была направлена на сохранение культурного насле-

дения. Несмотря на ведомственную разобщённость системы сохранения наследия, формируется общая концепция сохранения памятников истории и культуры, предполагавшая широкое общественное участие в деле сохранения наследия. Это, в свою очередь, подталкивало государственные органы к совершенствованию системы охраны памятников. В итоге все эти тенденции приведут к созданию таких мощных общественных структур, как Всероссийское общество охраны памятников, идея организации которого начала вызревать в общественных кругах в послевоенные годы.

Библиография / References:

1. Бережно хранить золотой фонд нашего зодчества // Архитектура и строительство. – 1948. – № 12. – С. 1–2.
2. Восстановление и реставрация памятников архитектуры / Гл. III. 1941–1954 гг. / А.И. Целиков, Ю.С. Яралов, С. 431–442 // Всеобщая история архитектуры в 12 т. / Госкомитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, НИИ теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. – Л.: М.: Издательство литературы по строительству, 1966–1977. – Т. 12: Архитектура СССР / Под ред. Н.В. Баранова. – 1975. – 755 с.
3. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 106с. Д.117.
4. Грабарь И.Э. Моя жизнь. Автобиография. Этюды о художниках / сост. В.М. Володарский. – М.: Республика, 2001. – 495 с.
5. Доброновская М., Вайнтрауб Л. Объект охраны – Москва. К 95-летию образования системы органов охраны памятников. Документы и свидетельства. – М.: Департамент культурного наследия города Москвы, 2012. – 304 с.
6. Киселёв М.Ю. Деятельность Академии наук СССР по охране памятников культуры // Культурное наследие России. – 2021. – № 2. – С. 3–8.
7. Крутиков Г.Т. Историко-архитектурные памятники Москвы, состоящие под государственной охраной. – М.: Отдел науч.-техн.

информации и издательства, 1953. – 56 с.

8. Ливцов В.А. Исторические этапы развития Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // Краеведческие записки. Вып. 12. – Орёл: Издательский дом «Орлик», 2015. – 218 с.

9. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1.

10. РГАЭ. Ф. 377. Д. 9439, 9588.

11. Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР. – 15.04.1944, № 3. – М.: Наркомат юстиции РСФСР, 1944.

12. Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР. – 25 августа 1947 года, № 8. – М.: Управление делами СНК СССР, 1947.

13. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. – 17 ноября 1943 года, № 13. – М.: Управление делами СНК СССР, 1943.

14. Сталин И.В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года: Сочинения. Т. 15. – М.: Издательство «Писатель», 1997. – С. 84–86.

15. Удаленков А.А. О мировом значении русского национального зодчества // Архитектура и строительство. – 1948. – № 10. – С. 5–7.

16. ЦГА г.Москвы. ЦХД ЛС. Ф. 93. Оп. 1. Д. 34.

17. ЦГА г.Москвы. ЦХД ОПИ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 63.

18. ЦГА г.Москвы. ЦХД после 1917 года Ф. 429, 534.

1. Berezhno khranit' zolotoy fond nashego zodchestva [Carefully store the golden fund of our architecture] // Arkhitektura i stroitel'stvo. – 1948. – № 12. – S.1–2. (In Russ.).

2. Vosstanovleniye i restavratsiya pamyatnikov arkhitektury [Restoration and restoration of architectural monuments] / Gl. III. 1941–1954 gg. / A.I. Tselikov, Yu.S. Yaralov S.431–442 // Vseobshchaya istoriya arkhitektury v 12 tt. / Gos. komitet po grazhdanskomu stroitel'stvu i arkhitekture pri Gosstroye SSSR, NII teorii, istorii i perspektivnykh problem sovetskoy arkhitektury. – L.; M.: Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, 1966–1977. – T.12: Arkhitektura SSSR / Pod red. N.V. Baranova. – 1975. – 755s. (In Russ.).

3. GARF. F. R-5446. Op. 106s. D.117. (In

Russ.).

4. Grabar' I.E. Moya zhizn'. Avtomonografiya. Etyudy o khudozhnikakh [My life. Autobiography. Etudes about artists] / sost. V.M. Volodarskiy. – M.: Respublika, 2001. – 495s. (In Russ.).

5. Dobronovskaya M., Vayntraub L. Ob'yekt okhrany Moskva. K 95-letiyu obrazovaniya sistemy organov okhrany pamyatnikov. Dokumenty i svidetel'stva [Object of protection Moscow. To the 95th anniversary of the formation of the system of monuments protection. Documents and evidence]. – M.: Departament kul'turnogo naslediya goroda Moskvy, 2012. – 304s. (In Russ.).

6. Kiselov M.YU. Deyatel'nost' Akademii nauk SSSR po okhrane pamyatnikov kul'tury [Activities of the Academy of Sciences of the USSR for the protection of cultural monuments] // Kul'turnoye nasledie Rossii. – 2021. – № 2. – S.3–8. (In Russ.).

7. Krutikov G.T. Istoriko-arkhitekturnyye pamyatniki Moskvy, sostoyashchiye pod gosudarstvennoy okhranoy [Historical and architectural monuments of Moscow, which are under state protection]. – M.: Otdel nauch.-tekhn. informatsii i izdatel'stva, 1953. – 56s. (In Russ.).

8. Livtsov V.A. Istoricheskiye etapy razvitiya Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury [Historical stages of development of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments] // Krayevedcheskiye zapiski. Vyp. 12. – Orol: Izdatel'skiy Dom «Orlik», 2015. – 218s. (In Russ.).

9. RГАЛИ. F. 2466. Op.1. (In Russ.).

10. RГAE. F.377. D.9439, 9588. (In Russ.).

11. Sobraniye postanovleniy i rasporyazheniy pravitel'stva RSFSR [Collection of resolutions and orders of the government of the RSFSR]. – № 3. – 15. 04. 1944. – M.: Narkomat yustitsii RSFSR, 1944. (In Russ.).

12. Sobraniye postanovleniy i rasporyazheniy pravitel'stva RSFSR [Collection of resolutions and orders of the government of the RSFSR]. – 25 avgusta 1947 goda № 8. – M.: Upravleniye delami SNK SSSR, 1947. (In Russ.).

13. Sobraniye postanovleniy i rasporyazheniy pravitel'stva SSSR [Collection of decisions and

orders of the government of the USSR]. – 17noyabrya 1943 goda № 13. – M.: Upravleniye delami SNK SSSR, 1943. (In Russ.).

14. Stalin I.V. Rech' na Krasnoy ploschchadi 7 noyabrya 1941 goda [Speech on Red Square November 7, 1941]: Sochineniya. T.15. – M: Izdatel'stvo «Pisatel'», 1997. – S.84–86. (In Russ.).

15. Udalenkov A.A. O mirovom znachenii russkogo natsional'nogo zodchestva [On the world significance of Russian national architecture] // Arkhitektura i stroitel'stvo. – 1948. – № 10. – S.5–7. (In Russ.).

16. TSGA g. Moskvy. TSKHD LS. F. 93. Op.1. D. 34. (In Russ.).

17. TSGA g. Moskvy. TSKHD OPl. F. 4. Op.88. D. 63. (In Russ.).

18. TSGA g. Moskvy. TSKHD posle 1917 g. F.429, 534. (In Russ.).

ФАТЕЕВ Виталий Валерьевич, соискатель, председатель АНО ПСП «Лаборатория социального развития» (Россия, Орёл), e-mail: vitaliyfateev@gmail.com

FATEEV V.V., Applicant, Chairman of the Laboratory of Social Development (Russian Federation, Orel), e-mail: vitaliyfateev@gmail.com

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕДОМСТВА КАНЦЕЛЯРИИ
МАРИИ ФЁДОРОВНЫ РОМАНОВОЙ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

**THE CHARITABLE WORK OF THE AGENCY OF MARIA FYODOROVNA ROMANOVA'S
DEPARTMENT IN OREL PROVINCE**

Аннотация. Цель статьи – изучение феномена общественного призрения как одной из форм благотворительной деятельности. Само призрение явилось особым социальным явлением и получило широкое распространение и практическую реализацию в Орловской губернии. Статья подготовлена на основе широкого круга архивных источников. Методологическая основа статьи сформирована системным и историческим методами, позволяющими комплексно оценить значение и итоги функционирования ведомственной системы попечения и воспитания детей различных сословий и детей-сирот как формы организации социальной помощи. Феномен общественного призрения активно развивался в Российской империи в XIX – нач. XX в. и играл значительную роль в осуществлении общественно-политической деятельности семьи Романовых. В исследовании систематизированы сведения о деятельности централизованной сети учреждений Ведомства канцелярии императрицы Марии Фёдоровны, ее организационных и финансовых аспектах. На основе архивных материалов изучены данные о составе и численности воспитанников и другие показатели, характеризующие работу домов призрения. Выявлены исторические особенности государственного участия в благотворительной деятельности и организации призрения, воспитания и защиты детей в Орловской губернии в рассматриваемый период. Автором делается вывод о большом значении деятельности ведомства призрения в Орловской губернии для социального развития региона.

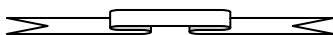
Ключевые слова: Орловская губерния, благотворительная деятельность, общественное призрение, дома призрения, канцелярия учреждений императрицы Марии Фёдоровны, Романовы, Российская империя.

Abstract. The purpose of the article is to study the phenomenon of public charity as one of the forms of charitable work. The charity itself was a special social phenomenon and became widespread and practical in Orel province.

The article is based on a wide range of archival sources. Both systematic and historical methods are used to comprehensively evaluate the significance and results of the functioning of the departmental system of care and upbringing of children of various classes and orphans as a form of organization of social assistance. The phenomenon of public charity was actively developing in the Russian Empire in the 19th early 20th centuries and played a significant role in the implementation of the socio-political activities of the Romanovs. The study systematized information about the activities of the centralized network of the agency of Maria Fyodorovna Romanova's department, its organizational and financial aspects. Data on the pupils and other indicators characterizing the work of care homes were studied on the basis of archival materials. The historical features of state participation in charitable work and the organization of charity, education and protection of children in Orel province during the period under study are revealed.

As a result, the author come to the conclusion that the activities of the charity department in Orel province are of great importance for the social development of the region.

Keywords: Orel province, charitable activities, public charity, charity houses, agency of Maria Fyodorovna's department, the Romanovs, Russian Empire.

ВВЕДЕНИЕ

Оказание помощи социально уязвимым слоям населения, людям, попавшим в беду или неблагоприятную ситуацию, имеет в России глубокие исторические корни. Традиции благотворительности как проявление высших человеческих качеств не просто поддерживались государством на протяжении всей российской истории, но и передавались из поколения в поколение. Забота о немощных и подаяние нищим представлялись важными проявлениями доброты православного христианина независимо от сословной принадлежности. Занятие благотворительной деятельностью являлось важным направлением общественной активности представителей дворянства, образованной аристократии, воспринималось как негласное светское правило. К сожалению, пытаясь адаптировать зарубежные практики к отечественной социальной действительности, чиновники, меценаты, жертвователи, попечители часто забывают о формировавшемся веками отечественном опыте бескорыстной поддержки нуждающихся. Обобщение практики благотворительной деятельности в Российской империи, форм и методов развития общественного и государственного призрения в этой связи представляется актуальным и имеет очевидное научное и прикладное значение.

Исторически в России сформировались две основные формы благотворительности. Неорганизованная форма представлена милостыней как предоставлением подаяния денежных средств, ценных вещей или ресурсов. Ее ключевыми мотивами являются выполнение религиозных заповедей и субъективное ощущение сострадания. Данная форма благотворительности характеризуется нерегулярным, неорганизованным характером и иногда влечет за собой негативные социальные последствия, провоцируя, например, развитие так называемого профессионального нищества.

Организованная форма благотворительной деятельности реализуется в форме приз-

рения нуждающихся со стороны общества, государства или религиозных институтов. Призрение направлено на предоставление нуждающимся регулярной организованной помощи (приюта, пропитания, внимания, милосердия и т. п.) и осуществляется государством, обществом или церковью. Этимологически данное понятие происходит от старославянского «зръѣ», обозначающего «присмотреть, приглядеть». Отметим, что в славянском языке длительное время существовало два антонима «презьръниѣ» и «призьръниѣ». Если первое понятие в соответствии с одной из трактовок определялось как «недосмотр, невнимание», то второе – как «внимание, милосердие, участие» [9, С.160, 194]. В отличие от милостыни, основным мотивом призрения является формирование социальной солидарности и забота об общественном благополучии и благосостоянии и предупреждение нищеты.

Несмотря на то что само словосочетание «общественное призрение» вошло в лексикон только в конце XVIII века, фактически определяемые им формы деятельности реализовывались в России с момента строительства первых христианских монастырей и церквей. Одной из первых попыток придать благотворительности широкий общественный и организованный характер стало решение Стоглавого собора в 1551 году по учреждению благотворительных учреждений. «Боголюбцы» могли жертвовать средства для содержания таких заведений [11, С. 197].

Со временем призрение, осуществляемое религиозными институтами, трансформировалось в одну из функций государства и стало предметом деятельности как специализированных, так и неспециализированных государственных ведомств. Попытки придать благотворительности централизованный характер предпринимались в годы правления Фёдора Алексеевича, императора Петра. Более методично и планомерно система благотворительных учреждений под покровительством монарха стала создаваться при Екатерине II, которая, наряду с попечением об умножении

полезных обществу жителей, считала призрение бедных одной из двух ключевых управленческих задач «для каждого правителя» [7]. В годы правления императрицы были учреждены Воспитательный дом для призрения сирот и подкидышей, Воспитательное общество благородных девиц, Коммерческое училище, функционирование которых планировалось осуществлять без привлечения бюджетных средств на благотворительные взносы и пожертвования. Частные благотворительные общества также получили стимул для развития во времена правления Екатерины II, которая разрешила учреждать их российским подданным. Практически целое столетие такие учреждения могли быть легализованы только волеизъявлением лично императоров, что тормозило их развитие.

После вступления на престол Павел I передал в ведение своей супруге вопросы управления Воспитательным обществом благородных девиц, что было оформлено указом императора от 2 мая 1797 г. Именно этот день в специальной литературе принимается датой создания отечественного благотворительного ведомства под покровительством Романовых – Ведомства учреждений императрицы Марии Фёдоровны. Деятельность ведомства и находившейся в его подчинении сети учреждений изучена подробно в работах Н. А. Гавриловой [2], А. Р. Соколова [10], Г. Н. Ульяновой [12] и других ученых. Однако региональные аспекты и особенности его работы, а также значение учреждений призрения в общественно-политической деятельности императорской семьи на территории Орловской губернии исследованы недостаточно, что и предопределило выбор тематики статьи.

НАЧАЛО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРИИ ФЁДОРОВНЫ РОМАНОВОЙ

Перешедший в ведение Марии Фёдоровны Смольный институт (Воспитательное общество благородных девиц) с его отделением для мещан функционировали более 30 лет, были единственными учебными заведениями

для женщин в Российской империи и испытывали постоянный недостаток финансовых ресурсов. За счёт собственных средств и частных пожертвований императрица покрывала долги учреждений, укомплектовала их необходимой мебелью, учебными средствами и принадлежностями. Для обеспечения бесперебойного финансирования деятельности Смольного института Мария Фёдоровна привлекает к осуществлению регулярных благотворительных взносов других представителей царской семьи, а также представителей русской аристократии. Сформированный в 100 000 руб. капитал стал обращаться в Московской сохранной казне, а проценты от его использования шли на финансирование текущих расходов Воспитательного общества благородных девиц.

В 1797 году императрица открывает Петербургский Мариинский институт для представительниц мещанского сословия на 50 человек. В конце XVIII – начале XIX века ею были учреждены еще ряд образовательных и воспитательных учреждений, в том числе училище для девиц обер-офицерского звания, Александровское училище в г. Москве (для детей мещан), Павловский институт, училища для солдатских дочерей в г. Николаеве и г. Севастополе, училище для глухонемых, повивальный институт. При воспитательных домах учреждаются родильные госпитали, «детские пристанища» для привития детей от оспы, дома призрения для слепых, богадельни для вдов и множество других благотворительных учреждений [4, С. 9–11].

На положительном примере призренных домов, находящихся в ведомстве Марии Фёдоровны, многие благотворительные учреждения, испытывающие материальные трудности, обратились с просьбой принять их. Так сформировалась особая отрасль социального обеспечения, также решавшая вопросы социального образования и здравоохранения.

Под чутким руководством Марии Фёдоровны в государственных масштабах была сформирована сеть учреждений общественного призрения. Активность императрицы в реше-

нии социальных проблем российского общества стала началом традиции благотворительной деятельности женской половины династии Романовых. В память о её заслугах ключевое государственное ведомство управления учреждениями призрения и прочими вопросами помощи нуждающимся получило название Ведомства учреждений императрицы Марии. Следует отметить двойственный правовой статус ведомства: формально включенное в систему государственных учреждений, по организационным и финансовым особенностям деятельности оно фактически представляло собой общественную организацию, существовавшую на средства жертвователей, но решавшую важнейшие задачи социальной политики в масштабах страны [13, С. 64].

На протяжении второй половины XIX века организованная форма благотворительности не только сохранилась, но и получила новые импульсы развития в связи с бурным формированием частных и общественных благотворительных организаций, в том числе под покровительством представителей императорской семьи. Ведомство учреждений императрицы Марии провело активную работу по расширению круга благотворителей, расширению прав представителей региональных и местных сообществ в управлении заведениями, увеличению количества призреваемых домов и приютов. Детско-юношеские учреждения являлись самым многочисленным видом учреждений призрения в России в XIX века.

РАЗВИТИЕ ДЕТСКИХ ПРИУТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Ключевым законодательным актом, способствующим активизации деятельности детских приютов в Российской империи, стало узаконение Николаем I Положения о детских приютах от 27 декабря 1839 года. В издании, посвященном 50-летию юбилею этого события, история социальных приютов в России начинается с «Демидовского дома призрения трудящихся», который предоставлял труже-

никам с небольшим заработком удобное помещение и условия для работы. И. Д. Чертков, один из попечителей приюта, обратил внимание на проблему безнадзорности малолетних и грудных детей, чьи ежедневно работающие матери вынуждены были оставлять их без присмотра. В 1837 году был устроен первый в России приют для детей, оставляемых матерями, идущими на заработки. Представители дворянства и аристократии откликнулись на указанную общественную проблему, и уже в 1838 году в Санкт-Петербурге были учреждены четыре аналогичные организации.

Ввиду очевидности пользы подобных приютов для детей и усердия, с которым отнеслось общество к делу их поддержания и распространения, Николай I поручил сформировать Комитет для разработки Положения о детских приютах. В его состав вошли представители аристократии и органов государственной власти. Собрав сведения об опыте организации деятельности таких учреждений в странах Европы, комитет пришел к заключению, что эти заведения, «везде одинаковые по своей цели, необходимо различествуют в каждой стране по местным обстоятельствам и что в России, заведения эти, предназначенные для беднейшего класса, должны иметь характер с нашими истинными потребностями сообразный и исключительно Русскому духу принадлежащий» [Цит. по: 3, С. 390].

Таким образом, с 1839 года в Российской империи, кроме детских сиротских приютов, стали создавать приюты для временного размещения детей в возрасте до 10 лет, чьи матери были вынуждены работать. Акцент в деятельности таких учреждений делался на религиозно-нравственном образовании, обучении рукоделию. Первоначально деятельность таких приютов была направлена исключительно на призрение надходящими детьми, которые могли не только пройти обучение, но и пообедать.

Данные о развитии сети детских приютов в Российской империи в XIX века представлены в таблице 1.

Таким образом, в период с 1838 по

1889 годы количество детских приютов в 14 раз, суммарный капитал учреждений – в Российской империи увеличилось в 16 раз, 121 раз.

общее количество призреваемых детей – в

Таблица 1 – Сведения о развитии государственных детских приютов в Российской империи в XIX веке

Table 1 - Information about state orphanages in the Russian Empire in the XIX century

Показатель	1839 г.	1889 г.
1. Количество детских приютов в Российской империи, ед.	8	129
2. Общее количество детей, над которыми осуществляется призревание, чел.	827	11 834
3. Суммарный капитал детских приютов, руб.	42 524	5 139 488
4. Оценочная стоимость недвижимости, принадлежащей приютам на правах собственности, руб.	-	2 817 598

[составлено автором по: 3, С. 389]

В собственность детских приютов стало приобретаться и жертвоваться недвижимое имущество. Для управления детскими приютами был создан одноименный комитет, который в 1869 году был расформирован, а надзорные и управленческие функции перешли к Ведомству учреждений императрицы Марии Фёдоровны.

Кратко рассмотрев общероссийский опыт середины XIX века, можно сделать вывод о существовании разносторонней системы общественного государственного призрения. Благотворительные общества располагались в каждом регионе империи, в том числе и в Орловской губернии.

ПРИЗРЕННЫЕ ДОМА ВЕДОМСТВА МАРИИ ФЁДОРОВНЫ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Орловская губерния исследуемого периода территориально располагалась на территории современных Брянской, Липецкой и Орловской областей. Численность губернского населения на конец XX века составляла чуть более 2 млн. чел. Численность детей в возрасте до 10 лет составляла более 560 тыс. чел. [6]. В начале XX века в Орловской губернии осуществляли свою деятельность следующие четыре ведомственных учреждения: приюты в г. Орле, в г. Трубчев-

ске, с. Красная Слобода [3, С. 207–208].

Общее управление деятельностью заведений на губернском уровне осуществлялось Орловским губернским попечительством. В начале XX века его состав формировался из вице-губернатора, губернского предводителя дворянства, председателя губернской земской управы, директора народных училищ, орловского городского головы, попечительницы и директора самого крупного в регионе Мариинского приюта [5, С.45]. Губернатор председательствовал над деятельностью попечительства.

Служащие приютов Ведомства учреждений императрицы Марии имели знаки отличия. Золоченые знаки могли носить представители высшего уровня управления губернской системой приютов, серебряные знаки отличия полагались почетным приютским старшинам. Их изготовление осуществлялось в Санкт-Петербурге по распоряжению Канцелярии по управлению детскими приютами на основании числа поданных и оплаченных заявок. Знаки представляли собой вензельное изображение имени императрицы с императорской короной наверху в обрамлении снизу голубой эмалевой лентой с надписью «И вы живи будете». Ношение полагалось на правой стороне груди, но не было обязательным. Нагрудные знаки приобретались указанными лицами за установленную плату:

15 рублей за золоченый знак и 10 рублей – за серебряный [14].

Рассмотрим деятельность детских приютов Орловской губернии более подробно.

Орловский детский приют был учреждён в 1870 году и открыт 17 октября 1871 года. Финансирование деятельности учреждения осуществлялось на пожертвования частных лиц и проценты с капитала в 18 480 руб. Капитал приюта также формировался за счёт следующих источников: пожертвований, сумм, вырученных от продажи билетов на благотворительные балы и спектакли, продаж собственной продукции, а также за счёт сборов, поступающих от местного купеческого собрания.

Приют размещался в приобретенном для этих целей здании, однако по мере увеличения числа воспитанниц возникла потребность в его расширении. Собственных средств приюта было недостаточно для организации строительства, поэтому активную поддержку руководству оказала городская дума г. Орла. Приюту было назначено пособие в размере 1000 руб. и «20 сажень бутового камня» [3, С. 218]. Выбывающие из приюта дочери беднейших мещан города получали помощь, средства которой формировались путем перечисления Орловскому приюту десятой части сборов от орловского купечества.

По состоянию на 1889 год стоимость здания Орловского детского приюта оценивалась в 24 000 руб., величина капитала – в 35 000 руб., в числе которых 9946 руб. были переданы ему Попечительством о семействах убитых и раненых воинов при закрытии приюта для сыновей этих воинов.

Ежегодно приют призревал за 115 детьми, из которых 40 человек находились на постоянном попечении и проживали в приюте. Обучение детей проходило по ведомственным стандартам. Дети обучались ведению хозяйства, рукоделию, церковному пению. В старших классах воспитанницы осваивали знания по географии и истории. Воспитанницы приюта пели в церковном хоре [1, С. 218].

В 1891 году в Орловской губернии про-

изошла крупная железнодорожная катастрофа, в которой погиб известный своей активной благотворительной деятельностью орловский купец А. А. Булаткин. После трагедии семья купца становится одним из самых крупных жертвователей средств на содержание домов призрения в г. Орле. В 1909 году по завещанию вдовы купца в собственность Орловского детского приюта был передан каменный дом с дворовыми постройками и садом. Условием передачи собственности стало переименование приюта в «Мариинский детский приют в память орловского купца А. А. Булаткина» и перевод в него орловского женского приюта, к попечению в котором принимались девочки 7–16 лет [3, С. 207].

Средства на строительство детского приюта в г. Трубчевске Орловской губернии были пожертвованы его жителями в честь княжны Марии Александровны и герцога Альфреда Эдинбургского в 1874 году. Земское собрание города согласилось выделять 500 руб. ежегодно на финансирование деятельности приюта. Об открытии приюта ходатайствовал орловский губернатор. В 1875 году для учреждения приюта был арендован на 3 года дом с четырьмя комнатами, садом и двором для проживания 10 детей. Благоустройство помещения и приобретение необходимых для воспитанников личных средств осуществлялось за счёт собственных средств трубчевского предводителя дворянства А. Полетики, ставшего директором учреждения. По окончании срока аренды собственник дома отказался продлевать договор, поэтому руководитель приюта был вынужден перевести всех воспитанников в свое имение до тех пор, пока вопрос с жильем не будет решён. Для строительства дома попечительство приюта попросило городскую власть о выделении земельного участка. Ввиду недостатка денег был объявлен сбор средств, а также организована лотерея, что позволило горожанам собрать более 3300 руб. наличными деньгами и строительными материалами. В 1878 году был построен и переведён в собственность приюта двухэтажный дом.

Источником формирования капитала Трубчевского детского приюта в размере 3800 руб. были проценты с капитала, ежегодное пособие от земского собрания города, увеличившееся с 500 до 700 руб. к 1889 году, частные благотворительные пожертвования, деньги от реализации билетов на благотворительные мероприятия. Воспитанники приюта пели в церковных хорах двух церквей за плату, что позволяло привлекать ежегодно более

240 руб. Расходы на содержание учреждения составляли около 1500 руб. в год.

Число воспитанников Трубчевского детского приюта увеличилось с 10 до 28 чел. в 1889 году [1, С. 219]. Показатели деятельности Орловского детского приюта и Трубчевского детского приюта систематизированы в табл. 2.

Таблица 2 – Показатели деятельности Орловского и Трубчевского детских приютов во второй половине XIX в.

Table 2 - Indicators of the Orlovsky and Trubchevsky orphanages in the second half of the 19th century

Характеристика/показатель	Орловский детский приют	Трубчевский детский приют
1. Дата открытия	17 октября 1871 г.	1 июня 1875 г.
2. Общее число призываемых детей		
- во время открытия	47	10
- в 1889 г.	114 (40 живущих постоянно, 74 приходящих)	28
3. Денежный капитал, руб.		
- во время открытия	18 480	1000
- в 1889 г.	35 251 (35 200 руб. ценными бумагами, 51 руб. наличными деньгами)	3985 (3800 руб. ценными бумагами, 185 руб. наличными деньгами)
4. Стоимость недвижимого имущества, руб.		
- во время открытия	0	0
- в 1889 г.	25 000	5000
5. Сословный состав призываемых (1894 г.), % от общего числа воспитанников приюта		
- дети чиновников, в том числе нижних чинов	35	9
- дети мещан	52	22
- дети крестьян	13	69

[составлено автором по: 1, С. 386–389]

По результатам сравнительного анализа можно сделать вывод о том, что деятельность городского и уездного детских приютов характеризовалась определенной спецификой. Орловский детский приют был самым

большим в губернии не только по количеству воспитанников, но и по объёму капитала и стоимости принадлежащего ему на правах собственности имущества. Показательная разница в сословном составе воспитанников

учреждений призрения. Если в Орловском детском приюте призреваемыми были в основном дети мещан и чиновников, в первую очередь представителей нижних чинов, то в Трубчевском детском приюте большая часть воспитанников приходилась на крестьянство. В целом такая структура отражает сословный состав населения губернского центра и уездного города.

Сведений о деятельности двух оставшихся учреждений ведомства – Краснослободского сельского сиротского приюта и Орловского приюта для детей низших сословий «Сборня» – критически мало как в литературе XIX – XX вв., посвященной организации благотворительной деятельности в Российской империи в исследуемый период, так и в сведениях государственного архива.

Орловский приют для детей низших сословий «Сборня» был открыт в 1898 года, а принят в управление Ведомства учреждений императрицы Марии 18 ноября 1902 года. Помещение приюта размещалось в небольшом замке на Пуховой улице города Орла. В приюте осуществлялось призрение за 65 детьми, в том числе 18 мальчиками. Большинство воспитанников были проходящими, на постоянной основе в «Сборне» проживало только 22 ребёнка. Попечительницей Орловского приюта для детей низших сословий была М. С. Бердникова, которая поддерживала деятельность приюта за счет собственных средств [1, С. 207].

Краснослободский сельский приют был открыт в 1900 году в селе Красная Слобода Трубчевского уезда в доме с садом и одной десятиной земли, пожертвованной С. Д. Шереметевым. Под постоянным присмотром и на полном содержании в приюте находились 10 детей [1, С. 208].

В памятной книге 1910 года в перечне заведений, относящихся к Ведомству учреждений императрицы Марии, отнесены, кроме рассмотренных детских приютов, Александринский институт и Орловское благотворительное общество с пометкой «Состоит под Высочайшим покровительством Ея Императорского Величества государыни-

императрицы Марии Федоровны» [5, С. 44–46].

В приютах детей приучали к заработку собственным трудом, поэтому в рамках обучения воспитанники осваивали рукоделие или полезное ремесло. Для самых усердных детей предусматривались поощрительные выплаты.

Устройство ребенка в приют могло быть платным, если родители располагали средствами, или бесплатным как для сирот, так и для детей, имеющих родителей. Для бесплатного призрения соблюдалась строго формализованная процедура:

- на имя губернатора подавалось прошение родителей (как в письменной, так и в устной форме при неграмотности просителя);
- собирался пакет документов (сведения о родителях и ребенке, крещении ребенка, о привитии от оспы, о бедности семьи);
- сотрудник полиции составлял рапорт с характеристикой семьи и ребенка с указанием сведений о привлечении членов семьи к уголовной ответственности;
- собранные документы передавались попечителю приюта [8, С. 331–335].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны в Орловской губернии была представлена работой детских приютов как учреждений общественного призрения. Организационные и финансовые основы их функционирования объединяли в себе признаки государственного органа с признаками общественной организации, сочетая в себе элементы частной и государственной поддержки. Деятельность приютов г. Орла как губернского центра и уездных детских приютов имела определенные различия, выражавшиеся как в величине ресурсов собственности учреждения, так и порядком их формирования, а также в сословной структуре контингента воспитанников.

Библиография / References:

1. Благотворительные учреждения России. – СПб.: Типография Императорского училища глухонемых, 1912. – 257 с.
 2. Гаврилина Н.А. Благотворительность и призрение в повседневной жизни российского общества в XVIII – XIX вв.: автореферат дисс. ...д. и. н. – Курск, 2015. – 37с.
 3. Детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии (1839–1889 гг.) (к пятидесятилетию со времени издания Положения о детских приютах 27.12.1839 г.). – СПб.: Типография Шрелера, 1889. – 398с.
 4. Несколько слов на память о в бозе почивающей императрице Марии Фёдоровне и о ведомстве ея учреждений (оттиски из газеты «Гражданин»). – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1885. – 30с.
 5. Памятная книжка. Адрес-календарь Орловской губернии на 1910 года. – Орёл: Типография губернского правления, 1910. – 567 с.
 6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по губерниям, семейному составу и возрастным группам. Орловская губерния. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_gub_97.php?reg=112.
 7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т.16. №11908. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1885–1916.
 8. Селютина Е.Н. Создание и деятельность учреждений Ведомства императрицы Марии Фёдоровны по призрению детей в Орловской губернии середины XIX – начала XX в. // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – №7. – С. 331–335.
 9. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.) / РАН. Институт русского языка; гл. ред. В.Б. Крысько. – М.: Издательство РАН, 2008. – 762 с.
 10. Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства: начало XVIII – конец XIX в.: дисс. ...д. и. н. – СПб., 2006. – 725 с.
 11. Стоглав: собор, бывший в Москве при Великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059) / Гл. ред. М.Б. Данилушкин. – СПб.: Воскресение, 1997. – 287 с.
 12. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. – М.: Институт российской истории РАН, издательство «Наука», 2005. – 402 с.
 13. Хитров А.А. Опыт организованной благотворительности в России: Ведомство учреждений императрицы Марии (конец XVIII – начало XX века) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. – 2008. – № 2. – С.61–66.
 14. Циркулярные распоряжения императора по учреждениям императрицы Марии по установлению знаков для служащих по детским приютам // ГАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1. Л. 7, 8, 9.
1. Blagotvoritel'nyye uchrezhdeniya Rossii [Charitable institutions in Russia] (1912). – St.Petersburg: Printing house of the Imperial School of the Deaf and Dumb. – 257s. (In Russ.)
 2. Gavrilina N.A. (2015) Blagotvoritel'nost' i prizreniye v povsednevnoy zhizni rossiyskogo obshchestva v XVIII - XIX vv. [Charity and Charity in the Daily Life of Russian Society in the 18th - 19th Centuries]: abstract of diss. ... Ph.D. – Kursk. – 37s. (In Russ.)
 3. Detskiye priuty Vedomstva uchrezhdeniy imperatritsy Marii (1839-1889 gg.) (k pyatidesyatiletiyu so vremeni izdaniya Polozheniya o detskikh priyutakh 27.12.1839 g.) (1889) [Orphanages of the Department of Institutions of Empress Maria (1839-1889) (to the fiftieth anniversary of the publication of the Regulations on orphanages on December 27, 1839)]. – St. Petersburg: Schreler Printing House. – 398 s. (In Russ.)
 4. Neskol'ko slov na pamyat' o v boze pochivayushchey Imperatritse Marii Fedorovny i o vedomstve yeya uchrezhdeniy (ottiski iz gazety «Grazhdanin») (1885) [A few words in

memory of the late Empress Maria Feodorovna in Bose and the department of her institutions (prints from the newspaper «Grazhdanin»). - St.Petersburg: Printing house of the Association «Public Benefit». – 30s. (In Russ.)

5. Pamyatnaya knizhka. Adres-kalendar' Orlovskoy gubernii na 1910 g. (1910) [Commemorative book. Address-calendar of the Oryol province for 1910] – Orel: Printing house of the Provincial Board. – 567 s. (In Russ.)

6. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g. Raspredeleniye naseleniya po guberniyam, semeynomu sostoyaniyu i vozrastnym gruppam [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Distribution of the population by provinces, family status and age groups. Oryol province]. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_gub_97.php?reg=112. (In Russ.)

7. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection I. T. 16. №. 11908. St.Petersburg: State Printing House, 1885-1916. (In Russ.)

8. Selyutina E.N. (2014) Sozdaniye i deyatel'nost' uchrezhdeniy Vedomstva imperatritsy Marii Fedorovny po prizreniyu detey v Orlovskoy gubernii serediny XIX – nachala XX vv. [Creation and activities of institutions of the Office of Empress Maria Feodorovna for the care of children in the Oryol province in the middle of the 19th - early 20th centuries] // Scientific notes of the Oryol State University. №7. – S.331-335. (In Russ.)

9. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.) (2008) [Dictionary of the Old Russian language (XI - XIV centuries)] / RAS. Institute of the Russian Language; editor-in-chief V.B. Krysko. – M.: Publishing house of the Russian Academy of Sciences. – 762 s. (In Russ.)

10. Sokolov A.R. (2006) Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva: nachalo XVIII v. – konets XIX v. [Charity in Russia as a mechanism of interaction between society and the state: the beginning of the 18th century – the end of the 19th century]: diss. ... Ph.D. St. Petersburg,

725s. (In Russ.)

11. Stoglav: cobor, byvshiy v Moskve pri Velikom gosudare tsare i velikom knyaze Ivane Vasil'yeviche (v leto 7059) (1997) [Stoglav: a cathedral that was in Moscow under the Great Sovereign Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich (in the summer of 7059)] / Ch. ed. M.B. Danilushkin. - St. Petersburg: Resurrection. – 287 s. (In Russ.)

12. Ulyanova G.N. (2005) Blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy imperii, XIX – nachalo XX veka [Charity in the Russian Empire, XIX - early XX century]. - M.: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, publishing house «Nauka». – 402s. (In Russ.)

13. Khitrov A.A. (2008) Opyt organizovannoy blagotvoritel'nosti v Rossii: Vedomstvo uchrezhdeniy imperatritsy Marii (konets XVIII – nachalo XX vekov) [Experience of Organized Charity in Russia: Department of Institutions of Empress Maria (late 18th – early 20th centuries)] // Bulletin of St. Petersburg University. Ser.2. – №2. – S. 61-66. (In Russ.)

14. Tsirkulyarnyye rasporyazheniya imperatora po uchrezhdeniyam imperatritsy Marii po ustanovleniyu znakov dlya sluzhashchikh po detskim priyutam [Circular orders of the emperor on the institutions of Empress Maria on the establishment of signs for employees of orphanages] // SAOO. F.17. Op.1. D.1. S.7, 8, 9. (In Russ.)

ФЕДОТОВ Сергей Петрович, кандидат исторических наук, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: 79192014630@yandex.ru, AuthorID: 559221

FEDOTOV S.P., Candidate of Historical Sciences, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: 79192014630@yandex.ru

**ИСТОРИЯ ВТОРОГО ПЕРИОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОДРУЖЕСТВА
СВЯТОГО АЛБАНИЯ И ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ В АНГЛИИ**

**THE HISTORY OF THE SECOND PERIOD OF ACTIVITY OF THE FELLOWSHIP OF
ST. ALBAN AND ST. SERGIUS IN ENGLAND**

Аннотация. Целью статьи является изучение истории второго периода деятельности православно-англиканского Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия. Автор использует ряд специальных исторических методов. Исследуемый период работы этой христианской общественной организации охватывает временной промежуток с 1939 по 1945 г. В статье дана характеристика работы содружества в условиях Второй мировой войны. Отмечено, что проводимые ранее конференции богословского характера с участием православных и англикан были отменены. Взамен пришли ежегодные летние лагеря, где участники содружества обсуждали вопросы взаимоотношения Православной и Англиканской церквей. В статье показано, что в данный период истории диалог Русской Православной Церкви с Англиканской Церковью ослабевает. Идея возможного объединения двух церквей продолжала развиваться благодаря деятельности православных участников Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия. Сделан вывод, что деятельность этой организации положительно повлияла на возобновление диалога Русской Православной и Англиканской Церкви. Возвращение к общению двух церковных организаций произошло осенью 1943 г. после посещения Москвы лидерами Англиканской Церкви.

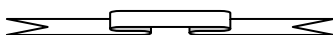
Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Англиканская Церковь, СССР, Великобритания, Церковь, религия, межрелигиозный диалог.

Abstract. The purpose of the article is to study the history of the second period of activity of the Orthodox-Anglican Fellowship of St. Alban and St. Sergius.

The special historical methods are used. The research period of this Christian public society work is between 1939 and 1945. The article describes the work of the Fellowship in the conditions of the Second World War. The author notes that the previously held conferences of a theological nature with the participation of Orthodox and Anglicans were canceled. Instead, they were replaced by annual summer camps, where the participants of the Fellowship discussed issues of the relationship between the Orthodox and Anglican Churches. The article shows that in this period of history the dialogue of the Russian Orthodox Church with the Anglican Church is weakening. The idea of a possible unification of the two churches continued to develop thanks to the activities of the Orthodox members of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius.

As a result, the author comes to the conclusion that the activities of this organization have positively affected the resumption of dialogue between the Russian Orthodox and Anglican Churches. The two church organizations returned to communion in the autumn of 1943 after the Anglican Church leaders visited Moscow.

Keywords: Russian Orthodox Church, Anglican Church, USSR, Great Britain, Church, religion, interreligious dialogue.

ВВЕДЕНИЕ

Деятельность Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия занимает важное место в развитии отношений Русской Православной Церкви (РПЦ) с Англиканской Церковью. Организация начала свою деятельность в конце 1920-х гг. XX века. Продолжается ее деятельность и сейчас. Правда, активность сегодня не на том уровне, который присутствовал ранее. Связано это с новым витком ухудшения дипломатических отношений России и Великобритании, а также отхождением самой Англиканской Церкви от традиционных основ Христианской Церкви. Всё это в комплексе негативно повлияло на выстраивание отношений между Русской Церковью и англиканами на текущем историческом этапе.

Сегодня актуально изучить страницы прошлого этой организации. Провести анализ исторического опыта отношений православных и англикан. В контексте церковных отношений на протяжении всей истории существования диалога этих церквей присутствовал политический фактор. В отдельные периоды истории православно-англиканский диалог использовался как проводник внешней политики двух государств.

Рассмотрим более подробно этапы становления диалога православных и англикан, уточнив причину и время возникновения этого диалога.

История взаимоотношений Русской Православной Церкви с Англиканской Церковью берет свое начало с XVI века – со времен царя Ивана IV Грозного, когда в России начала свою деятельность Московская компания. Несколько слов о Московской торговой компании. Эта торговая организация была основана в 1551 году и вплоть до 1698 года обладала монополией на торговлю с Россией.

В результате развития деятельности Московской компании англичане познакомились с русским бытом и, конечно, проявляли интерес к Русской Православной Церкви. Так, английский дипломат Джильс Флетчер в своих записках «Of the Russe Common Wealth» («О Русском государстве») зафиксировал случай истории принятия православия английским куп-

цом Ричардом Рельфом [11, С. 136].

Продолжались взаимоотношения между православными и англиканами в последующее время. Новая активная стадия развития отношений православных и англикан началась в период правления императора Петра I.

Знакомство юного царя с Англиканской Церковью произошло еще в период Великого посольства. Встречи русского царя Петра I с богословами-англиканами навели русского монарха на мысль о внедрении опыта устройства Англиканской Церкви в России. Для этого в 1698 году английский законовед Фрэнсис Ли начал разработку проекта коллегияльных учреждений, которые могли бы быть применены в России. В будущем эта идея стала прототипом создания Святейшего Синода в России [4, С. 488].

ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В начальный этап правления царя Петра I шла закладка русского флота. Молодые морские офицеры отправлялись на обучение в Англию. Однако здесь не было Православной Церкви. В 1716 году в Англии была открыта Русская Церковь. Царь Петр I приказал также оказывать финансовую поддержку Русской Церкви в Англии. Царь сказал: «...Ты церковь основал, а я созижду...» [7, С.368].

В тот период времени шла Северная война (1700–1721 гг.). Императору Петру I необходимо было заручиться определенным нейтральным статусом Англии на время ведения войны. В это время интерес к православию проявила группа англиканских священников «нонджуреров», которые не присягнули новому королю Вильгельму Оранскому и оказались отстраненными от Англиканской Церкви. С целью закрепления своего положения «нонджуреры» стали проявлять интерес к Русской Православной Церкви. Отдельная их группа вышла с предложением к общению с Русской Церковью.

Интерес к начатому диалогу проявил, и сам император Петр I. Представители «нонджуреров» несколько раз приезжали в

Россию с целью налаживания контактов с православными.

Поддержка «нонджуреров» в немалой степени повлияла на занятие Англией нейтрального положения в период ведения Северной войны.

В ходе начавшегося диалога на 1725 год даже была намечена встреча в Петербурге православных и англикан. Правда, ей не суждено было состояться по причине кончины императора [5, С. 39].

Не менее активным оказался диалог православных и англикан в XIX веке. В это время в условиях противоборства Санкт-Петербурга и Лондона из-за сфер влияния на Востоке православно-англиканский стал главным механизмом выстраивания взаимоотношений между двумя странами в условиях так называемой Большой игры в Азии. В самой Англии в это время начали образовываться англиканские интерконфессиональные организации. Так, в 1878 году была образована Ассоциация восточных церквей [1, С. 58]. Помимо этого, в Северной Америке был основан Греко-русский комитет. Это примеры наиболее крупных организаций. Основная цель их деятельности сводилась к взаимному изучению Православной и Англиканской церквей [5, С. 40].

Прекращение активной фазы диалога двух церквей оказалось связано с произошедшей в России в 1917 году революцией. Несмотря на положения Поместного собора 1918 года, на котором была отмечена необходимость продолжить диалог православных и англикан, связи между двумя церквями оказались временно прекращенными.

В последующее время взаимодействие православных и англикан происходило за счет общения русской эмиграции с англиканами. В рамках этой деятельности было создано Содружество Святого Албания и Преподобного Сергия. Создание этого общества состоялось на второй англо-русской конференции, которая прошла в Сент-Олбансе (Великобритания) 28 декабря 1927 года. Закончилась конференция 2 января 1928 года. На этой конференции присутствовало 25 православных и 40 англичан. Среди новых участников выде-

лялся епископ Вальтер Трусский – крупный учёный, литургист, монах и аскет. Он побывал в России ещё в 1912 году. Здесь он прочел цикл лекций об Англиканской Церкви. Затем эти лекции были изданы в Париже в 1931 году под заглавием: «Жизнь Англиканской Церкви». Вальтер Трусский является также автором книги «Some Links in the Chain of Russian Church History».

Второй съезд прошел с ещё большим успехом. На заключительном собрании пресвитерианский пастор Вильям Тиндал (1899–1965 гг.) предложил создать содружество из лиц, участвовавших в обоих собраниях. Эта идея нашла полное сочувствие. Так родилось Содружество Святого Албания и Преподобного Сергия Радонежского.

Председателем содружества избрали епископа Трусского, а вице-председателем – отца Сергия Булгакова. Содружество оказалось жизнеспособным и стало впоследствии одной из самых деятельных неофициальных организаций, работающих для сближения восточных и западных христиан [2, С. 223].

Для большинства присутствовавших англо-русские студенческие конференции 1927 и 1928 годов должны были стать первой реальной возможностью встретиться с христианами других традиций. Православные на конференции были представлены русскими беженцами из Парижа, хотя присутствовало также несколько греков и нехалкидонцев. Англикане пришли в основном из англокатолического крыла Англиканской Церкви, хотя первоначально был некоторый интерес со стороны евангелистов, а также методистов и шотландских пресвитериан.

До этого момента возможности для контактов между англиканами и православными в Англии были очень ограничены. В начале XX века в Британии было всего пять православных церквей: греческие церкви в Лондоне, Манчестере, Ливерпуле и Кардиффе и часовня Российского посольства в Лондоне, которая сама была закрыта в 1917 году. Было также небольшое число англичан, которые считали себя членами Православной Церкви [3].

Основной задачей этой организации стала

деятельность по сближению восточных и западных христиан. Наименование получило в честь английского первомученика святого Альбана (IV в.) и преподобного Сергия Радонежского.

Два святых были избраны в качестве небесных покровителей, отражающих культурные и духовные особенности двух составных частей братства. Святой Альбан – первый мученик Англии. Преподобный Сергий Радонежский, великий русский монашеский деятель XIV века, является одним из самых почитаемых святых России. Его Свято-Троицкая лавра в Сергиевом Посаде может рассматриваться как один из главных духовных центров русской церковной жизни.

«...Содружество было создано с целью дружеского общения в любви, которое могло бы выявить как общую веру, так и существующие различия между христианскими традициями. При этом никто не пытался заниматься прозелитизмом; доминировало желание встречаться друг с другом, созидать христианское братство в послушании Богу и молиться о единстве в соответствии с волей Божией...» [8], – писал в 1996 году Джон Биннс, председатель Совета Содружества Святого Альбана и Преподобного Сергия.

В Советском Союзе в условиях утверждения власти большевиков начались гонения на Русскую Православную Церковь. Деятельность по развитию диалога с англиканами, как и с другими конфессиями, оказалась невозможной.

История содружества включает несколько этапов своей истории. Первый из них длился около 12 лет [10, С.97].

Большую роль в истории содружества сыграли Н.М. Зернова, митрополит Евлогий (Георгиевский), митрополит Антоний (Блум), архиепископ Алексей (ван дер Менсбрюгге), епископ Кассиан (Безобразов), архимандрит Лев (Жилле), протопресвитер Александр Шмеман, протоиерей Сергей Булгаков, протоиерей Георгий Флоровский, Н.А. Бердяев, Л.А. Зандер, А.В. Карташов, В.Н. Лосский, Г.П. Федотов, епископ Англиканской Церкви Уолтер Фир.

Н.М. Зернов (1898–1980 гг.) родился в Москве. В 1917 году завершил обучение в гимназии имени Поливанова. Затем начал учиться на медицинском факультете Московского университета. После революционных событий в России эмигрировал в Константинополь, а затем в Белград. По приезде в Белград поступил на богословский факультет. В 1925 году уехал в Париж. Здесь он начал принимать активное участие в Русском студенческом христианском движении (РСХД). Был секретарем движения в период с 1925 по 1932 год. Стал также первым редактором печатного издания этого движения «Вестник РСХД». Помимо этого, занимался преподавательской деятельностью. Н.М. Зернов читал лекции по богословию в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже. Осенью 1929 года Н.М. Зернов уехал на всю зиму в Англию, затем в течение двух лет учился в Оксфорде, а в 1935 году Зерновы окончательно переезжают в Великобританию. В 1928 году Н.М. Зернов принял активное участие в основании Содружества Святого Альбана и Преподобного Сергия и руководил им около 50 лет. Автор книг по истории Русской Церкви и на темы сближения восточных и западных христиан [2, С. 9].

Первый период развития содружества характеризовался определением его целей и задач, формированием состава, а также проведением первых мероприятий. Конференции в этот период времени проходили часто и проводились на богословском уровне. Часть конференций проводилась для студентов, а часть – для членов содружества.

Местом проведения большинства конференций стал Хай Лей в Ходдесдоне. Кстати, именно это место часто ассоциируется с первым периодом деятельности содружества.

Второй период деятельности охватывает историю Второй мировой войны – с 1939 по 1945 год. На момент начала войны содружеству уже было 12 лет.

Н.М. Зернов пишет: «...преимуществом Содружества были искренняя отданность его членов делу примирения восточных и западных христиан и наличие среди них ряда вы-

дающихся руководителей Церкви. Слабой его стороной была его малочисленность и преобладание молодых англиканских священников: большинство из них только еще начинали работать и их финансовое положение не позволяло им оплачивать труд секретаря» [2, С. 10].

События, произошедшие 1 сентября 1939 года, поставили под вопрос существование содружества. Несмотря на это, управление содружества в период «странной войны» 1929–1940 годов приняло решение продолжать работу, что и было сделано в условиях малого финансирования [8].

Для решения вопроса с финансированием управлением содружества было принято решение разослать всем членам письма с просьбой оказать поддержку на период ведения войны. В итоге было получено около 206 фунтов, которые предоставили 243 человека [8]. Фонд помощи Русской Церкви был вынужден закрыться.

История развития фонда помощи Русской Церкви берет свое начало с 1923 года. Фонд был основан в Лондоне для помощи русскому духовенству. Основная цель фонда помощи была направлена на поддержку русских христиан на родине и в изгнании. Первым председателем фонда был доктор Россел, епископ Уэйкфилдский, а почетным секретарем – священник Файнс Клинтон [6].

Несмотря на значительные проблемы с финансированием, содружество продолжало работу. Его членам поступали приглашения выступить с лекциями в церквях и университетах, а также общественных организациях. Н. М. Зернов в своих воспоминаниях отмечает, что никогда ранее такого интереса к содружеству не было [8]. Особенный интерес к России, о которой в своих выступлениях рассказывали члены содружества, проявляли привилегированные школы [8].

Зимой 1940 года секретарь содружества Н. М. Зернов планировал провести летом этого года конференцию, на которую планировалась пригласить русских из Парижа. Однако в мае 1940 года Германия вторглась во Францию.

Члены содружества смогли найти выход из этой ситуации. Было принято решение открыть вместо конференций лагерь для помощи фермерам на период сбора урожая. В центральной части Англии, в местечке Хэйнс в Бедфордшире, собралось около 60 человек на шесть недель. Подобных вариантов работы содружества до этого дня не было. Для работы лагеря была разработана специальная программа, которая включала в себя богословские беседы, работу на поле, хозяйственные вопросы. Пунктом размещения участников лагеря стала местная школа. Каждым утром проводилась евхаристия. Заметим, что в один день – православная, в другой – англиканская. Вечерами организовывались встречи, на которых читались лекции, проводились концерты.

Проведение подобных лагерей в период войны стало для содружества традиционным. Помимо выполнения работ, организации лекций и встреч, удавалось также пополнить бюджет содружества. За период войны такие лагеря были проведены в Вердене, да раза в Абингдоне, один раз Оксфорде и в Денстоуне в Стаффордшире.

В состав участников лагерей входили как богословы, так и представители молодого поколения.

В 1943 году произошло обустройство «Дома Святого Василия». Для этого был приобретен дом по улице Лэдброук Грав, 52, за 2544 фунта [8]. Приобретенный дом находился в полуразрушенном состоянии. В условиях военного времени, благодаря супруге Н. М. Зернова Милице Зерновой, дом был отремонтирован и обставлен мебелью. После строительства было отпраздновано новоселье.

Для членов содружества в доме была создана библиотека, открыта православная часовня, посвященная, как и сам дом, святому Василию Великому. Часовня, открытая митрополитом Фиатирским Германом [3], была украшена иконографическими настенными росписями, выполненными сестрой Джоанной Рейтлингер, русской православной монахиней, жившей в то время в Париже.

В условиях военного времени англикане стремились узнать больше о Русской Церкви. Эта тенденция отразилась на возобновлении диалога православных и англикан осенью 1943 года.

К моменту завершения Второй мировой войны содружество значительно изменилось. К этому периоду организация получила собственный центр, где базировалось руководство организации. Напомним, что это Лондон. У организации появился собственный бюджет и оплачиваемые сотрудники.

Продолжал выпускаться журнал «Соборность», где публиковались материалы о результатах деятельности организации. Редактором журнала продолжал оставаться Эрик Маскаль.

В 1948 году молодой русский священник из Парижа, отец Энтони Блум, прибыл в «Дом Святого Василия» в качестве православного капеллана братства. Год спустя он был назначен викарием русского православного патриаршего прихода в Лондоне, и его сменил на посту капеллана отец Лев Жилле, известный многим как Монах Восточной Церкви, под этим именем появились многие его труды. И отец Лев, и митрополит Антоний, каким ему предстояло стать, сыграли решающую роль в развитии православной церковной жизни в Британии, в международных экуменических делах и в том, чтобы сделать восточно-христианскую традицию молитвы и духовности известной очень широкой аудитории. Их многочисленные публикации до сих пор печатаются и широко читаются [3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим важную роль Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия для взаимного изучения Православной и Англиканской церквей. Первоначально содружество было создано для общения молодых православных и англиканских христиан. Однако затем в деятельности этой организации появились и другие направления. На традиционно организуемых встречах православных и англикан были и богослов-

ские рассуждения, и споры, в том числе об общих чертах Русской Православной и Англиканской церквей. Деятельность Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия можно поставить наравне с такими интерконфессиональными организациями, которые были созданы еще в XIX веке, как Ассоциация восточных церквей и Греко-русский комитет. Содружество сыграло важную роль в возобновлении диалога Русской Православной Церкви с англиканами в осенью 1943 года. В конечном итоге начатый диалог церковных организаций сыграл свою роль для открытия Второго фронта летом 1944 года в Западной Европе.

Библиография / References:

1. Алексеев А. Оживившиеся надежды // Журнал Московской Патриархии. – 1956. – № 4. – С. 58
2. За рубежом: Белград-Париж-Оксфорд: (Хроника семьи Зерновых, 1921-1972) / Под ред. Н.М. и М.В. Зерновых. – Paris: YMCA-press, Corp. 1973. – 561 с.
3. История Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <https://fsass.org/about/history/> (дата обращения: 23.12.2022).
4. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т.2. – СПб.: Издательство Олега Абышко «Библиополис», 2006. – 315 с.
5. Михаил (Чуб), епископ Смоленский и Дорогобужский. Из истории взаимоотношений Русской и Англиканской церквей // Журнал Московской Патриархии. – 1956. – №10. – С. 117–120.
6. Опыт изгнания: русские учёные в Великобритании в 1917–1940 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <http://ricolor.org/europe/britania/vr/rus/2/> (дата обращения: 21.12.2022).
7. Смолич И.К. История Русской Церкви, 1700–1917 гг. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – 798 с.
8. Соборность: сборник избранных статей

- из журнала Содружества св. Албания и Преподобного Сергия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <https://media.predanie.ru/book/219485-sobornost-sbornik-izbrannyh-statey-iz-zhurnala-sodruzhestva-sv-albaniya-i-prep-sergiya/> (дата обращения: 23.12.2022).
9. Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <https://fsass.org/about/history/> (дата обращения: 23.12.2022).
10. Федотов С.П. История первого периода деятельности Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия // История: факты и символы. – 2018. – № 2 (15). – С. 97–104.
11. Флетчер Д. О государстве русском / Под редакцией князя Н.В. Голицына, перевод князя М.А. Оболенского. – СПб.: Издательство Акционерного общества типограф. дела в СПб, 1911. – С. 136–140.
1. Alekseyev A. (1956) Ozhivivshiesya nadezhdy [Revived hopes] // Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii. – №4. – S.58. (In Russ.).
2. Za rubezhom: Belgrad-Parizh-Oksford [Abroad: Belgrade-Paris-Oxford]: (Khronika sem'i Zernovykh, 1921-1972) / Pod red. N.M. i M. V. Zernovykh. – Paris: YMCA-press, Cop. 1973. – 561 s. (In Russ.).
3. Istoriya Sodruzhestva Svyatogo Albaniya i Prepodobnogo Sergiya [History of the Commonwealth of St. Albania and St. Sergius]. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: <https://fsass.org/about/history/> (data obrashcheniya: 23.12.2022). (In Russ.).
4. Kartashev A.V. (2006) Ocherki po istorii Russkoy tserkvi [Essays on the history of the Russian Church]. T.2. – SPb.: Izdatel'stvo Olega Abyshko: Bibliopolis. – 315s. (In Russ.).
5. Mikhail (Chub), yepiskop Smolenskiy i Dorogobuzhskiy. Iz istorii vzaimootnosheniya Russkoy i Anglikanskoy tserkvey [Bishop of Smolensk and Dorogobuzh From the history of relations between the Russian and Anglican churches] // Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii. – 1956. – №10. – S.117–120. (In Russ.).
6. Opyt izgnaniya: russkiye uchonyye v Velikobritanii v 1917–1940 gg. [Experience of exile: Russian scientists in Great Britain in 1917–1940] [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: <http://ricolor.org/europe/britania/vr/rus/2/> (data obrashcheniya: 21.12.2022). (In Russ.).
7. Smolich I.K. (1996) Istoriya Russkoy tserkvi [History of the Russian Church], 1700–1917gg. – M.: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya. – 798s. (In Russ.).
8. Sobornost': sbornik izbrannykh statey iz zhurnala Sodruzhestva sv. Albaniya i Prepodobnogo Sergiya [Conciliarity: a collection of selected articles from the Journal of the Commonwealth of Sts. Albania and St. Sergius]. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: <https://media.predanie.ru/book/219485-sobornost-sbornik-izbrannyh-statey-iz-zhurnala-sodruzhestva-sv-albaniya-i-prep-sergiya/> (data obrashcheniya: 23.12.2022). (In Russ.).
9. Sodruzhestva Svyatogo Albaniya i Prepodobnogo Sergiya [Fellowship of St. Albania and St. Sergius]. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: <https://fsass.org/about/history/> (data obrashcheniya: 23.12.2022). (In Russ.).
10. Fedotov S.P. (2018) Istoriya pervogo perioda deyatel'nosti Sodruzhestva Svyatogo Albaniya i Prepodobnogo Sergiya [The history of the first period of activity of the Commonwealth of St. Albania and St. Sergius] // Istoriya: fakty i simvoly. – №2(15). – S.97–104. (In Russ.).
11. Fletcher D. (1911) O gosudarstve russkom [About the Russian state] / Pod redaktsiyey knyazya N.V. Golitsyna, perevod knyazya M.A. Obolenskogo. – SPb.: Izdatel'stvo Aktsionernogo Obshchestva Tipograf. Dela v SPb. – S.136–140. (In Russ.).

УДК 94(471.083)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-2-113-119

МЕРКУЛОВ Антон Вениаминович, кандидат исторических наук, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: merkulov_av@list.ru, AuthorID: 1016089

MERKULOV A.V., Candidate of Historical Sciences, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: merkulov_av@list.ru

ПАНАРИН Игорь Алексеевич, аспирант, факультет «Государственное и муниципальное управление», Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, (Россия, Орёл), e-mail: itotdelplanner@gmail.com, AuthorID: 1178481

PANARIN I.A., Postgraduate Student, Faculty of State and Municipal Administration, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: itotdelplanner@gmail.com

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЙ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

THE TEACHING STAFF OF THE THEOLOGICAL SEMINARIES IN RUSSIA OF THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Аннотация. Целью статьи является категориальный анализ профессорско-преподавательского состава духовных семинарий в России второй половины XIX – начала XX века. Изучение этой тематики имеет большое значение для понимания истории России и роли Церкви в обществе. Изучение профессорско-преподавательского состава духовных семинарий и степени его профессиональной подготовленности даёт возможность проанализировать возможности влияния этой категории церковной интеллигенции на общественную жизнь России того времени. В статье проанализированы характер и сущность взаимодействия церковной интеллигенции с представителями государственной власти, а также влияние преподавательского состава духовных учебных заведений царской России на общественные настроения и сферу народного образования. Показанная в статье взаимосвязь духовного и светского образования раскрывает их взаимовлияние и совместное воздействие на формирование общественных настроений в стране, воздействие духовных традиционных ценностей на культуру и быт народа. Изучение профессорско-преподавательского состава духовных семинарий в России второй половины XIX – начала XX века даёт возможность лучше понять истоки современных проблем и тенденции дальнейшего развития взаимодействия государства и общества в отстаивании духовных идеалов в условиях вызовов секулярного общественно-государственного пространства.

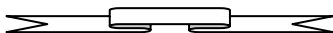
Ключевые слова: Церковь, государство, общество, духовное образование, семинарии, профессорско-преподавательский состав учебных заведений, религиозная культура, духовенство.

Abstract. The purpose of the article is a categorical analysis of the teaching staff of theological seminaries in Russia of the late 19th and early 20th centuries. This study is of great importance for understanding the history of Russia and the role of the Church in society.

The study of the teaching staff of theological seminaries and the degree of their professional training makes it possible to analyze the possibilities of the influence of this category of church intellectuals on the social life of Russia at that time. The article analyzes the nature and essence of the interaction of the church intellectuals with representatives of state power, as well as the influence of the teaching staff of the theological educational institutions of tsarist Russia on public sentiment and the sphere of public education.

As a result, the authors come to the conclusion that this study can be useful for understanding modern religious culture in Russia and its connection with secular education. The interrelation of theological and secular education shown in the article reveals their mutual influence and joint impact on the formation of public sentiment in the country, the impact of spiritual traditional values on the culture and way of people life. The study of the teaching staff of theological seminaries in Russia of the late 19th and early 20th centuries makes it possible to understand the origins of modern problems and trends in the further development of interaction between the state and society in upholding spiritual ideals in the context of the challenges of the secular public-state space.

Keywords: Church, state, society, spiritual education, seminaries, teaching staff of educational institutions, religious culture, clergy.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение системы духовного образования в России второй половины XIX – начала XX века актуально по нескольким причинам. Во-первых, это позволяет лучше понять историю и развитие религиозной жизни в России. Система духовного образования была важным элементом религиозной культуры того времени, и изучение ее помогает понять, как формировались и развивались различные конфессии и церкви. Во-вторых, изучение системы духовного образования помогает лучше понимать социальные процессы и изменения, происходившие в России в начале XX века. Духовное образование было тесно связано с образованием в целом, и изучение этой системы позволяет понять, как менялись подходы к образованию и какие факторы влияли на эти изменения. Изучение системы духовного образования в России второй половины XIX и начала XX века помогает лучше понимать современную ситуацию в религиозной жизни России. Некоторые элементы этой системы до сих пор существуют и оказывают влияние на современное духовное образование. Знание истории этой системы позволяет более глубоко понимать современные религиозные тенденции и их истоки.

Тема профессорско-преподавательского состава духовных семинарий в России второй половины XIX и начала XX века относится к достаточно хорошо изученным и разработанным темам истории России. По данной теме существует обширная литература, в том числе и научные исследования, которые позволяют получить детальное представление о профессорско-преподавательском составе духовных семинарий, его структуре, задачах и функциях. Однако тема всё же остаётся актуальной и представляет интерес для исследования, так как в ней можно найти ответы на многие вопросы, связанные с историей духовного образования в России, формированием религиозной культуры и традиций, а также можно научиться извлекать из прошлого уроки для современности.

Методология изучения темы кадрового состава духовных семинарий в России второй

половины XIX – начала XX века включает в себя использование различных исторических источников, архивных материалов, научных статей и монографий, а также проведение сравнительного анализа с другими странами и периодами истории. В первую очередь изучение данной темы требует изучения истории духовного образования в России, включая создание и развитие духовных семинарий, изменения в учебных программах, методах обучения, а также изменение роли и задач профессорско-преподавательского состава в этом процессе. Важным элементом методологии изучения темы является также анализ социально-экономического и политического контекста, в котором функционировали духовные семинарии в России в указанный период. Это может включать изучение финансирования семинарий, политического влияния на духовное образование, социального и экономического статуса профессорско-преподавательского состава и т. д. Важным аспектом методологии изучения данной темы является сравнительный анализ с другими странами и периодами истории, чтобы выявить особенности и уникальность духовного образования в России в указанный период.

Важным элементом методологии изучения является использование интердисциплинарного подхода, включающего в себя не только исторические, но и философские, социологические, педагогические и другие научные дисциплины. Например, изучение роли профессорско-преподавательского состава в духовных семинариях может потребовать анализа истории философии и религиозной мысли, влияния социальной среды на образовательный процесс и т. д. Кроме того, важным элементом методологии является использование критического подхода к анализу источников и данных. Исторические источники могут быть неоднозначными, а некоторые факты могут быть искажены или подвергнуты субъективной интерпретации. Поэтому важно проводить критический анализ каждого источника и не принимать его на веру без дополнительной проверки и подтверждения. В целом изучение темы профессорско-преподавательского со-

става духовных семинарий в России второй половины XIX и начала XX века является сложным и многогранным процессом, требующим широкого спектра методов и подходов. Однако понимание роли и вклада профессорско-преподавательского состава в развитие духовного образования в России в указанный период важно для понимания истории образования в целом и может дать ценные уроки и рекомендации для современных образовательных институтов.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Духовное образование в России во второй половине XIX – начале XX века играло важную роль. Можно выделить основные характеристики духовного образования отмеченного периода:

1. Оно было под контролем Русской Православной Церкви и государства. Духовные семинарии и академии готовили священнослужителей и церковное духовенство. Их учебные планы содержали как богословские дисциплины, так и светские предметы.

2. Система духовного образования переживала кризис. Уровень преподавания в семинариях был низким, программы устарели. Многие выпускники получали слабую подготовку. Это вызывало критику со стороны передовой общественности.

3. Реформы 1860–70-х годов пытались модернизировать духовные школы. Были введены новые программы и учебники, повышена квалификация преподавателей. Однако реформы шли медленно, и к началу XX века система все ещё оставалась устаревшей.

4. Подготовка духовенства отставала от запросов времени. В России нарастали процессы секуляризации и модернизации, но Церковь консервативно относилась к этим изменениям. Духовенство плохо понимало нужды общества и не справлялось со своей миссией в новых исторических условиях.

5. Роль духовных школ в общей системе образования России была невелика. Светское образование развивалось гораздо быстрее, и к

началу XX века заняло главенствующее положение. Духовное образование отставало от процессов модернизации и секуляризации в стране, поэтому отошло на второй план. Оно переживало глубокий кризис и не справлялось с новыми задачами.

В качестве положительных аспектов можно выделить то, что, несмотря на кризис, духовные школы продолжали выполнять важную социальную функцию. Они давали бесплатное образование и позволяли представителям сельской бедноты получить азы духовного образования. Это способствовало социальной мобильности и поддерживало престиж профессии. В начале XX века положение стало меняться. После революции 1905 года Церковь начала проводить реформы для приближения к народу. Это коснулось и духовного образования. Были вновь разработаны новые учебные планы, введены светские дисциплины, а также повышены требования к профессорско-преподавательскому составу, но коренных перемен не произошло. Духовная школа оставалась консервативной и оторванной от жизни, что негативно сказывалось и на положении и влиянии Русской Православной Церкви в обществе.

Дополнительно можно сказать, что кризис духовного образования был связан со сложным положением Русской Православной Церкви в Российской империи. Церковь находилась в зависимости от государства, но при этом выполняла важные государственные функции. Это приводило к определённой дихотомии [6] в её положении и деятельности. Церковь не могла реализовать собственную образовательную политику и зависела от решений светских властей. Система духовного образования страдала и от недостатка финансирования, что делало материальное положение духовных школ было крайне сложным. Здания и учебные пособия находились в ветхом состоянии. Низкая оплата не привлекала в семинарии высококвалифицированных преподавателей. Всё это сказывалось на качестве обучения.

Во второй половине XIX и начале XX века в России существовала разветвленная система духовного образования, которая включала в

себя различные учебные заведения и институты. Одним из основных видов учебных заведений были *духовные семинарии*, которые готовили священников Православной Церкви. Семинарии были расположены по всей России и имели разную степень престижности. Обучение в семинарии длилось от 4 до 7 лет в зависимости от региона. Кроме того, в России существовали духовные академии, где готовились более высококвалифицированные духовные деятели, такие как архиереи, профессора и теологи. Обучение в академии длилось 3–5 лет.

В начале XX века были созданы еще и *катехизаторские училища*, в которых готовились катехизаторы для работы с детьми и взрослыми. Обучение в таких училищах длилось 2–3 года. Параллельно с ними продолжали свою деятельность ранее упомянутые духовные семинарии, а также духовные институты других конфессий, таких как иудаизм, ислам и буддизм. Они готовили священников и духовных лидеров для своих общин. В целом система духовного образования в России второй половины XIX – начала XX века была достаточно развитой и разнообразной и позволяла готовить квалифицированных духовных деятелей различных конфессий.

В Русской Православной Церкви не хватало реформаторских инициатив в сфере образования. Большинство иерархов занимали консервативные позиции и сопротивлялись нововведениям. Попытки модернизации духовных школ встречали сопротивление со стороны части духовенства. Это тормозило прогресс. Содержание духовного образования не соответствовало духу времени. В учебных планах доминировали богословские и догматические дисциплины. Недостаточное внимание уделялось изучению Священного Писания, истории, философии, литературы и др. Выпускники плохо понимали окружающий мир и нужды общества. Таким образом, кризис духовного образования был обусловлен комплексом причин – идеологических, организационных, финансовых, кадровых. Для преодоления этого кризиса требовались системные реформы всей системы подготовки православного духовенства, но Церковь и государство не смогли их провести. Это

ослабляло позиции РПЦ и способствовало росту антирелигиозных настроений в обществе.

Если рассматривать кадровую составляющую духовных семинарий в России второй половины XIX и начала XX века, то можно выделить следующие особенности. В профессорско-преподавательский состав входили в основном духовные лица (священники и монахи). Однако были исключения, когда в качестве преподавателей приглашались специалисты из гражданского общества. Профессорско-преподавательский состав обладал высокой квалификацией и образованием, что позволяло обеспечивать высокий уровень обучения в духовных семинариях. Основная задача профессорско-преподавательского состава заключалась в обучении будущих священников и подготовке их к служению в Церкви. Поэтому учебные программы в духовных семинариях были ориентированы на изучение богословия, библейской и церковной истории, а также на практическое обучение богослужению. Программы были разработаны в соответствии с официальной церковной доктриной и были ориентированы на подготовку священников для работы в Православной Церкви. Они включали такие предметы, как богословие, церковная история, церковное право, церковное пение, а также общие предметы, такие как история, география, русский язык и литература. Программы были составлены таким образом, чтобы студенты получили полное знание о церковной истории, доктрине и обрядах. Они также должны были быть готовы к служению в церкви и к исполнению своих обязанностей, таких как проведение богослужений и руководство приходом. Учебные программы были строго регулируемы и не допускали отклонения от установленных стандартов. Это означало, что студенты не могли выбирать свои предметы или изучать дисциплины, которые не были частью учебного плана. Тем не менее в некоторых семинариях были дополнительные предметы и курсы, которые давали студентам возможность углубить свои знания в определенных областях, таких как философия, иностранные языки или музыка.

Профессорско-преподавательский состав духовных семинарий также играл важную роль в

формировании и развитии религиозной культуры и традиций в России. Благодаря квалифицированным преподавателям и высокому уровню образования духовные семинарии стали центрами религиозной мысли и культуры в России. В период с 1895 по 1917 год профессорско-преподавательский состав духовных семинарий стал свидетелем значительных реформ в системе духовного образования. В частности, были введены новые учебные программы и методы обучения, которые помогли повысить уровень образования будущих священников. Таким образом, профессорско-преподавательский состав духовных семинарий в России второй половины XIX и начала XX века играл важную роль в формировании и развитии религиозной культуры и традиций в России, а также в подготовке будущих священников к служению в церкви.

Профессорско-преподавательский состав духовных семинарий внёс значительный вклад в развитие духовного образования и науки в России. В этот период духовные семинарии были важным центром подготовки кадров для Православной Церкви и общества в целом. Отдельные представители были ответственны за создание и развитие учебных программ, методов обучения, а также за подготовку квалифицированных кадров для Православной Церкви. Они также играли важную роль в сохранении и передаче культурного наследия и традиций России. Профессорско-преподавательский состав духовных семинарий содействовал развитию науки и культуры в России, ведя научные исследования в области теологии, философии, истории, литературы и других областей знания. Многие преподаватели были выдающимися учеными и писателями, которые внесли значительный вклад в развитие российской науки и культуры.

Преподаватели семинарий имели широкие полномочия в области образования и воспитания будущих духовных лидеров. Они были ответственны за разработку и проведение учебных программ, оценку знаний студентов, назначение экзаменов, подготовку учебных пособий и лекций. Кроме того, они были ответственны за поддержание дисциплины и порядка в учебных

заведениях, а также за организацию культурной и общественной жизни студентов. Играли они важную роль и в формировании духовной культуры и традиций России, обучая будущих священников церковной литургии, богословию, морали и этике.

Дисциплина в духовных семинариях России второй половины XIX и начала XX века была строгой и регламентированной. Студенты следовали множеству правил и предписаний, которые регулировали их поведение и активность в учебных заведениях. Одним из важных аспектов дисциплины был контроль над личной жизнью студентов. Были установлены строгие правила, касающиеся одежды, причёски, поведения в общественных местах и общении со сверстниками. Студенты не имели права на свободное перемещение вне территории учебного заведения без разрешения преподавательского состава. Важным аспектом дисциплины была также строгая система оценивания успеваемости студентов. Оценки ставились после каждого экзамена, и результаты внимательно отслеживались преподавательским составом. Студенты, не соответствующие определённым стандартам, могли быть отчислены из учебного заведения. Дисциплина в духовных семинариях была необходима для подготовки будущих духовных лидеров, которые должны были быть образцом для своей общины. Однако эта жёсткая система контроля приводила к некоторым негативным последствиям, таким как ущемление личной свободы и креативности студентов.

В то же время профессорско-преподавательский состав был подвержен некоторым ограничениям и ограниченным свободам, например строгому контролю со стороны церковных и государственных властей, которые регулировали содержание учебных программ и контролировали их выполнение.

Контроль над профессорско-преподавательским составом духовных семинарий в России второй половины XIX и начала XX века осуществлялся как церковными, так и государственными властями. Церковные власти следили за тем, чтобы профессорско-преподавательский состав не отклонялся от установ-

ленных церковных доктрин. Любые проявления несогласия или критики могли привести к наказанию со стороны церковных властей, включая увольнение с должности.

Государственные власти также контролировали профессорско-преподавательский состав, особенно в области политических взглядов и общественной деятельности. Любые проявления несогласия или критики правительства могли привести к увольнению с должности и даже к аресту. Контроль над профессорско-преподавательским составом приводил к тому, что многие были вынуждены скрывать свои истинные мнения и убеждения. Это ограничивало свободу мысли и выражения, что могло отрицательно сказываться на качестве образования, которое студенты получали в духовных семинариях. Тем не менее некоторые профессора и преподаватели находили способы выражать свое мнение и влиять на образовательный процесс, используя различные методы, такие как скрытые сообщения в лекциях и учебных материалах или организация дискуссий вне учебного времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно отметить, что изучение темы профессорско-преподавательского состава духовных семинарий в России второй половины XIX и начала XX века является актуальным и представляет интерес для исследования и дальнейшего развития научного знания. В целом изучение системы духовного образования помогает лучше понять социальные процессы и изменения, происходившие в России в начале XX века. Духовное образование было тесно связано с образованием в целом, и изучение этой системы позволяет понять, как менялись подходы к образованию и какие факторы влияли на эти изменения. Изучение системы духовного образования позволяет лучше понять современную ситуацию в религиозной жизни России. Некоторые элементы этой системы до сих пор существуют и оказывают влияние на современное духовное образование. Знание истории этой системы позволяет более глубоко понимать современные религиозные тенденции

и их истоки.

Профессорско-преподавательский состав духовных семинарий в России второй половины XIX и начала XX века внёс значительный вклад в развитие духовного образования, науки и культуры в России, а также в формирование общественного мнения и политической культуры. Он играл важную роль в образовании и воспитании будущих духовных лидеров, но всё же был подвержен ограничениям и контролю со стороны Церкви и государства. Профессорско-преподавательский состав духовных семинарий играл важную роль в формировании общественного мнения и политической культуры России, а семинарии воспринимались как центры духовной жизни и образования, где молодые люди получали не только знания, но и мировоззрение и ценности.

Библиография / References:

1. Алексикова О.Е., Агабабов А.Р., Балашова Н.П., Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Селютин Е.Н., Сидорова Г.М., Фомина М.Г., Хватов Д.А., Шуляковская Ю.М., Щеголева Н.А. Запад и Восток: современные тенденции развития отношений в контексте международных конфликтов и миграционных процессов. – Орёл, 2019.
2. Власов В.В. Взаимодействие Российского государства и традиционных религиозных конфессий: история и современность // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022. – Т.11. – №4. – С.131–143.
3. Колесников С.А. Вхождение в концептуальность теологического историзма: принципы, ресурсы, направления // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022. – Т.11. – №1. – С.61–75.
4. Ливцов В.А., Матвеева Е.С. Влияние Орловского православного Петропавловского братства на распространение образования в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 3 (66). – С. 53–57.
5. Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Захарина В.С. Деятельность миссионерских обществ в

сфере образования в XIX – начале XX в. (на материалах Орловской губернии) // Власть. – 2019. – Т.27. – №3. – С.194–198.

6. Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Молоткова Е.Д. Роль благотворительных ведомств и общественных организаций дома Романовых в процессе поддержания быта детей во второй половине XIX – начале XX в. // Власть. – 2019. – Т.27. – № 2. – С.217–224.

7. Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Молоткова Е.Д. Участие общественных объединений в реформировании пенитенциарной системы второй половины XIX – начала XX века // История: факты и символы. – 2019. – № 1(18). – С.98–103.

8. Матвеева Е.С. Влияние миссионерских обществ на распространение образования в Орловской губернии в XIX-начале XX века // Образование и общество. – 2015. – №1(90). – С. 16–20.

1. Aleksikova O.E., Agababov A.R., Balashova N.P., Matveyeva E.S., Merkulov A.V., Selyutina E.N., Sidorova G.M., Fomina M.G., Khvatov D.A., Shulyakovskaya Yu.M., Shchegoleva N.A. Zapad i Vostok: sovremennyye tendentsii razvitiya otnosheniy v kontekste mezhdunarodnykh konfliktov i migratsionnykh protsessov [West and East: current trends in the development of relations in the context of international conflicts and migration processes]. – Orol, 2019. (In Russ.).

2. Vlasov V.V. (2022) Vzaimodeystviye rossiysko-go gosudarstva i traditsionnykh religioznykh konfessiy: istoriya i sovremennost' [Entry into the concept of theological historicism: principles, resources, directions] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.11. – №4. – S.131–143. (In Russ.).

3. Kolesnikov S.A. (2022) Vkhozhdeniye v kontseptu-al'nost' teologicheskogo istorizma: printsipy, resursy, napravleniya [Interaction of the Russian State and Traditional Religious Denominations: History and Modernity] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.11. – №1. – S.61–75. (In Russ.).

4. Litsov V.A., Matveyeva E.S. Vliyaniye or-

lovskogo pravoslavnogo petropavlovskogo bratstva na rasprostraneniye obrazovaniya v orlovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX nachale XX veka [The influence of the Oryol Orthodox Peter and Paul Brotherhood on the spread of education in the Oryol province in the second half of the 19th and early 20th centuries] // Uchonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. – 2015. – № 3 (66). – S.53–57. (In Russ.).

5. Matveyeva E.S., Merkulov A.V., Zakharina V.S. Deyatel'nost' missiionerskikh obshchestv v sfere obrazovaniya v XIX – nachale XX v. (na materialakh Orlovskoy gubernii) [Activities of missionary societies in the field of education in the 19th - early 20th centuries. (based on the materials of the Oryol province)] // Vlast'. – 2019. – Т.27. – №3. – С.194–198. (In Russ.).

6. Matveyeva E.S., Merkulov A.V., Molotkova E.D. Rol' blagotvoritel'nykh vedomstv i obshchestvennykh organizatsiy doma Romanovykh v protsesse podderzhaniya byta detey vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The role of charitable departments and public organizations of the Romanov dynasty in the process of maintaining the life of children in the second half of the 19th - early 20th centuries] // Vlast'. – 2019. – Т.27. – № 2. – С.217–224. (In Russ.).

7. Matveyeva E.S., Merkulov A.V., Molotkova E.D. Uchastiye obshchestvennykh ob'yedineniy v reformirovani penitentsiarnoy sistemy vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Participation of public associations in reforming the penitentiary system in the second half of the 19th - early 20th century] // Istoriya: fakty i simvoly. – 2019. – №1(18). – С.98–103. (In Russ.).

8. Matveyeva E.S. (2015) Vliyaniye missiionerskikh obshchestv na rasprostraneniye obrazovaniya v Orlovskoy gubernii v XIX-nachale XX veka [The influence of missionary societies on the spread of education in the Oryol province in the 19th-early 20th century] // Obrazovaniye i obshchestvo. – №1(90). – С.16–20. (In Russ.).

БАУШОВ Руслан Борисович, аспирант Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: bpds-ozo@yandex.ru, AuthorID: 1103527

BAUSHOV R.B., Postgraduate student Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: bpds-ozo@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМЫ 1808–1814 ГОДОВ В СИСТЕМЕ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

THE IMPLEMENTATION OF THE REFORMS 1808-1814 IN THE SYSTEM OF THEOLOGICAL EDUCATION ON THE EXAMPLE OF KURSK THEOLOGICAL SEMINARY

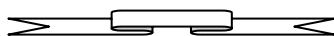
Аннотация. Целью статьи является изучение реформ в сфере духовного образования в начале XIX века на примере Курской духовной семинарии.

Методы исследования. Метод компаративного анализа позволил сравнить реформу, проведённую в Курской духовной семинарии, с другими реформами, которые проводились в системе духовного образования в иных регионах России в это же время. Это включало анализ исторических документов и воспоминаний участников для получения данных о принципах и механизмах проведения мероприятий, анализа их результатов и эффективности, а также позволило понять степень влияния введённых инноваций на духовное образование в регионе. Были выявлены принципы и механизмы реформы, её цели и задачи, оценены её результаты и эффективность. Учитывался социально-исторический контекст того времени, что позволило понять причины проведения реформы и осознать её значение для духовного образования в России. Хотя в российской историографии реформы 1808–1814 годов изучены достаточно полно, но их локальное воплощение в Курской семинарии не было подробно рассмотрено в исторических сочинениях. В процессе исследования было изучено формирование концепции проведения реформ 1808–1814 годов в Курской духовной семинарии, практика их реализации и существенные последствия от их проведения. Было осуществлено сравнение требований устава 1814 года с его претворением в жизни Курской семинарии. В то же время в исследовании показано, что при всех достоинствах реформы духовного образования 1808–1814 годов они обозначили ряд новых проблем. Опыт проведения исследуемых реформ в Курской духовной семинарии имел свою специфику. Их осуществление способствовало развитию просвещения в Курском крае.

Ключевые слова: православие, Русская Церковь, реформа, духовное образование, Курская духовная семинария, эффективность преподавания, священнослужители, семинаристы.

Abstract. The purpose of the article is to study the implementation of the reforms in the system of theological education at the beginning of the 19th century on the example of Kursk Theological Seminary. Some historical research methods are used to analyze the sources and documents of that period. The interview method is used to study the opinions and views of the participants themselves, as well as contemporaries. The method of comparative analysis is used to compare the reform carried out at Kursk Theological Seminary with the reforms carried out in other regions of Russia at the same time. This included the analysis of historical documents and memoirs of participants to obtain data on the principles and mechanisms of events, analysis of their results and effectiveness, and also allowed to understand the degree of influence of the introduced innovations on theological education in the region. The principles and mechanisms of the reform, its goals and objectives are identified, its results and effectiveness are evaluated. As a result, the author comes to the conclusion that taking into account the socio-historical context of that time, which made it possible to understand the reasons for the reform and realize its importance for theological education in Russia. The author emphasizes that although the reforms 1808-1814 have been studied quite fully in Russian historiography, their local implementation in Kursk Theological Seminary has not been considered in detail in historical writings. In the research process, the formation of the concept of the reforms 1808-1814 in Kursk Theological Seminary, the practice of their implementation and the significant consequences of their implementation were studied. The requirements of the charter 1814 are compared with its implementation in the life of Kursk Theological Seminary. At the same time, the study shows that despite all the advantages of the reform of theological education in 1808-1814, they identified a number of new problems. The experience of carrying out the reforms under study at Kursk Theological Seminary had its own specifics. Their implementation contributed to the development of education in Kursk Region.

Keywords: Orthodoxy, Russian Church, reform, theological education, Kursk Theological Seminary, teaching effectiveness, priests, seminarians.

ВВЕДЕНИЕ

Реформа 1808–1814 годов заложила фундамент в системе духовного образования, опираясь на который, до сих пор стоит система духовных школ России. Конечно, за более чем двухсотлетний период произошли изменения в строе духовных школ, но уход от схоластических форм в обучении, развитие собственной богословской мысли отталкиваются от реформ начала XIX века. В настоящее время мы тоже переживаем реформирование духовных школ Русской Православной Церкви. Исходя из этого, актуальность работы видится в том, что есть возможность провести параллели, уяснить достоинства и недостатки пройденных реформ, полученный опыт применить в период современного реформирования. Рассмотрение процесса проведения реформ на примере конкретного учебного заведения позволит не только увидеть теоретическую основу их проведения, но и процесс их практического воплощения. Это очень важная деталь. Реформы практически реализуются на местах под руководством конкретных людей, которые могут не разделять взглядов начальства, иметь недостаточную квалификацию для воплощения реформ в жизнь или быть заложниками обстоятельств, не позволивших воплотиться реформаторским идеям. Этот опыт также необходим к изучению. Реформа 1808–1814 годов как преодолела, так и обнажила проблемные места в сфере духовного образования. Их можно увидеть на примере Курской духовной семинарии. С этой целью проводится анализ требований устава 1814 года касательно устройства духовных семинарий. Проводится сравнение соответствия действительной жизни семинарии с требованиями устава. Выявляются обнаруженные расхождения. Теме внедрения реформ 1808–1814 годов посвящены исследования Б. В. Татлинова, И. К. Смолича, В. А. Фёдорова, Н. Ю. Суховой, дореформенный период подробно исследован П. В. Знаменским. История Курской духовной семинарии прослеживается в трудах священника И. Затолокина и Ю. А. Бугрова.

**ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Период реализации реформы охватывает 1808–1839 годы. К началу реформ 1808 года в Курской епархии была одна семинария и девять епархиальных училищ. По количеству училищ Курская епархия занимала второе место, а по количеству обучающихся в семинарии (около 900 человек) – третье место [26, С. 5]. После секуляризации церковных земель при Екатерине II и увеличении содержания духовных учебных заведений в 1800 году Курская семинария получала 2000 рублей в год, почти на 1000 человек учеников [5, С. 501]. Это были очень скудные средства, и в числе прочего поэтому духовенство не стремилось отдавать своих детей в такую нищету, хотя и были под пристальным взглядом правящих архиереев и императорские указы периодически напоминали об этом. Нередко из-за недостаточного материального обеспечения из духовных школ сбегали не только ученики, но и учителя [24, С. 118]. Все духовные школы находились в подчинении правящего архиерея, который обращался по духовно-учебному делу в Священный Синод лишь при исключительной необходимости. Духовные школы были всесословными, а учебная программа была одной из самых широких и разнообразных. В итоге к реформам 1814 года духовные школы в большинстве своем подошли со следующими недостатками. Прежде всего, забота о духовном образовании ложилась на плечи правящего архиерея и зависела от его взгляда на важность духовных школ. В учебном процессе не было строгого единообразия. Хотя духовные школы равнялись на авторитетнейшие духовные заведения, такие как Киевская академия, но имели неограниченную свободу в формировании собственных учебных планов. Материальное обеспечение духовных школ было довольно низко. Эти недостатки была призвана изменить реформа 1814 года.

Векторы необходимых реформ при императоре Александре I указал епископ Евгений Болховитинов. Он составил предпроект, опросив архиереев академий. К тому времени

светские учебные заведения уже вступили на путь реформ, это же ожидало и духовное образование. Основные векторы реформ, предложенные епископом Евгением: сокращение роли латыни в преподавании; придание академическому образованию более научного характера, чем дидактического. Академии должны стать по примеру светских университетов центрами учебных округов, за которыми закреплялись бы конкретные семинарии, училища и школы. Академии также наделялись правами духовной цензуры.

Владыку Евгения поддерживали не все архиереи, особенно в вопросе подчинения семинарий академиям, ссылаясь на то, что это принесет «затруднение» архиереям. Но епископ Белгородский и Курский Феоктист (Мочульский) отнесся к этому проекту положительно [26, С. 21]. После представления такого предпроекта был создан подготовительный комитет об «усовершеннии» духовных училищ, который, собственно, и разработал ряд реформ в сфере духовного образования.

Согласно императорскому указу от 26 июня 1808 года при Священном Синоде создается Комиссия духовных училищ для управления духовными учебными заведениями. Деятельность духовных училищ должна подчиняться следующим началам: изучать преимущественно предметы церковные, языки – латинский, греческий, славянский, русский, Священное Писание, историю Церкви, богословие. Духовное училище должно иметь собственное управление, независимое от гражданских училищ, так как предметы и образ воспитания лиц духовных отличны от обучения лиц светских. В академиях в большей степени планируется изучать философию и богословие, в семинариях – словесность. Лучшим ученикам семинарии теперь открыта дорога в духовные академии и в медицинскую академию. Уездные и приходские училища дадут необходимые знания детям городским и сельским. Четырёхступенчатая схема обучения была составлена с опорой на уже имеющуюся схему гражданского просвещения, составленную министерством народного просвещения. Ученики начинают свое

обучение с приходских училищ, затем обучаются в уездных училищах, семинариях и академиях. Не запрещено брать учеников сразу в уездные училища или семинарии, если видно, что ученик преуспел в домашнем обучении [22, С. 372].

Курская семинария была приписана к Киевскому округу, соответственно, её учащиеся могли поступать для дальнейшего обучения в Киевскую академию. Все семинарии поделили на разряды с целью выделения средств на обеспечение учебного процесса, оплату педагогов, содержание учащихся. На семинарии высшего разряда выделялось 17 000 руб., среднего – 14 375 руб., низшего – 12 850 руб. из расчёта 100 обучаемых семинаристов за казенный счёт [22, С. 377]. Курская семинария относилась к третьему, низшему разряду.

Открытие духовных школ в Курско-Белгородской епархии по новому уставу состоялось лишь в 1817 году. Это связано с поэтапным преобразованием училищных округов. Сначала реформы коснулись Санкт-Петербургского и Московского округов, затем Киевского округа, в зону ответственности которого входила Курская семинария. Основная причина в такой поэтапности кроется не только в отсутствии средств к моментальному преобразованию всех ученических округов, но и в отсутствии преподавателей, способных вести предметы по новым конспектам нового учебного плана. Поэтому Комитетом духовных училищ было принято решение подготовить кадры для преподавания в семинариях в Санкт-Петербургской академии и направить их в качестве преподавателей в семинарии Киевского округа. Через два года после начала обучения в семинариях по новым конспектам началось реформирование Киевской академии. В связи с этим Курская духовная семинария на протяжении двух лет (с 1817 по 1819 год) была подчинена правлению Санкт-Петербургской духовной академии по Киевскому округу [2, С. 12]. Согласно требованиям, предъявляемым к преподавательскому составу, из семи человек, включая ректора семинарии протоиерея Иоанна Савченкова, не смогли преподавать далее три учителя –

они были заменены кандидатами Санкт-Петербургской академии. Также во главе с ректором было сформировано правление, которое включало в себя инспектора семинарии, учителя и эконома. В семинарию из академии были присланы конспекты по всем предметам, кроме языков, расписание учебных часов, реестр классических книг и учебных пособий, которые употребляются в уездных и приходских училищах [6, С. 640].

Устройство духовной семинарии сообразовывалось согласно с уставом духовных училищ, который был подписан императором Александром I 30 августа 1814 года [23, С. 955]. Непосредственный надзор за деятельностью правления семинарии теперь принадлежал окружному академическому правлению. С 1814 по 1839 год семинарию ревизовали четыре раза. Ревизии назначало окружное академическое правление, с 1819 года Курская семинария стала подчиняться Киевскому академическому правлению. Наиболее строгим был отзыв второго ревизора Киевской академии – профессора, протоиерея Иоанна Скворцова, который проводил ревизию семинарии в 1828 году. Именно его отзыв позволяет вскрыть внутренние наиболее проблематичные места реформируемой семинарии.

Трансформации в системе духовного образования в начале XIX века на примере Курской духовной семинарии можно рассмотреть исходя из изменений в следующих основных процессах: процессе обучения, процессе воспитания, процессе материального обеспечения и административного управления.

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Согласно уставу 1814 года в каждой епархии должна быть одна семинария. В неё принимались дети со свидетельствами об окончании уездных училищ. Семинарский курс делился на три части, которые получили название по основным предметам – словесности, философии и богословия. Каждая часть длилась 2 года.

Согласно указу «О усовершенствовании духовных

училищ» в разделе «О училищах епархиальных или семинариях» приводится следующее распределение предметов по классам: в 1-м классе словесных наук изучались риторика, русский, греческий, латинский языки, филология, эстетика; во 2-м классе исторических наук изучались история и география всеобщая, библейская и церковная; в 3-м классе математических наук изучались алгебра, геометрия, механика, математическая география, пасхалия; в 4-м классе философских наук изучались логика, метафизика, физика, нравоучение; в 5-м классе богословских наук изучались догматическое и моральное богословие, герменевтика, изъяснение церковных обрядов; в 6-м классе языков изучались еврейский, немецкий и французский языки по выбору. Предметы с 1-го по 3-й класс должны преподаваться на русском языке, 4-й и 5-й класс – на латинском языке. То есть предметы философские и богословские преподавались на латыни. Тем, кто не собирался поступать в духовные академии, но хотел быть священнослужителем, достаточно обучаться 4 года. Тем, кто претендовал учиться в академии, необходимо обучаться в философском и богословском классе. В семинарии должно быть шесть учителей с аттестатами окружной академии, их увольнение и прием на работу осуществляется по усмотрению правления семинарии с донесением правлению окружной академии. Семинария должна располагаться в казенном доме либо арендуемом за казенный счёт [22, С. 362].

При анализе преподаваемых предметов заметно, что они не представляют единой системы, а преподаваемый в классе богословия блок предметов с серьёзным перекосом в сторону богословия и мало затрагивает библеистику. Обширному материалу по изучению Священного Писания отдавалось настолько мало времени, что преподаватель не успевал выдать весь курс ученикам. Корректировка устава 1814 года предполагала изучение Священного Писания семинаристами всех курсов одновременно по субботам в течение двух часов. На практике при многолюдных семинариях подобное изучение оставалось

бесплодным. Не хватало не только помещений на такое большое количество учащихся, но и времени на переключку, проверку усвоения изученного материала. Такое преподавание не было эффективно, и ректор Курской семинарии протоиерей Иоанн Савченков перенес преподавание этого предмета в кафедральный собор, где по воскресным дням изъяснял важные места Библии всем желающим [9, С. 881]. С начала 1830 года изучать Священное Писание стали по классам. Но скудость средств была настолько велика, что для изучения Священного Писания не хватало даже Библий [19, С. 133].

Устав требовал от преподавателей изъяснять свои предметы устно, не зачитывая, с целью увлечь студентов мыслить самостоятельно. При ведении урока необходимо было заставлять учащихся не заучивать, а понимать предмет. Те преподаватели, кто поступал вопреки уставу, подвергались взысканиям. Так, в 1820 году при ревизии семинарии инспектором Киевской духовной академии иеромонахом Мелетием нелестную оценку получил преподаватель гражданской истории Алексей Александровский, который «занимал больше память, чем ум», за что получил строгий выговор [9, С. 885]. Наилучшим методом преподавания дисциплин считался метод, описанный в уставе 1814 года, когда преподаватель изъяснял урок, затем опрашивал учащихся по пройденному материалу, задавал по нему же домашнее задание и проверял его на следующем уроке. В реальности такой метод, особенно на начальных этапах внедрения устава, мог быть воплощен только в старших классах, где учеников было намного меньше, чем в младших, иногда в 3–4 раза. Численность учащихся младших классов в Белгородской семинарии в этот период достигала 190 человек. Из-за малого числа преподавателей опросить всех учащихся за урок было невозможно. Иногда опрашивали лучших учеников. Но зачастую преподаватели успевали лишь надиктовать лекции. Из такого плачевного положения выходили путём привлечения способнейших учеников для проверки домашнего задания у прочих учеников.

Способнейших учеников называли аудиторами. Подобная система образования, естественно, была негласной [10, С. 1067]. Большая численность учащихся также приводила к низкой учебной дисциплине, прогуливанию уроков. Инспектор, в чьи непосредственные обязанности входил контроль посещения занятий учащимися, был занят учебной нагрузкой, участием в деятельности правления, экономическими делами, поэтому не мог вполне контролировать деятельность учеников. В помощь инспектору из числа семинаристов назначались старшие, но и они в этом вопросе также были не всегда эффективны. Широко стоял на повестке вопрос бедности учеников. За казенный счёт выучить всех учеников не было возможности, поэтому даже самые бедные ученики иной раз учились за свой счёт. Бывало так, что у них не было обуви, в теплое время они приходили на уроки босиком, в холодное время оставались дома. Наличие учебных руководств тоже оставляло желать лучшего. Их обычно присылали из Комиссии духовных училищ для бесплатной раздачи беднейшим ученикам и продажи тем, кто побогаче. Несмотря на то что их количество сообразовывалось с количеством учеников, в пособиях всегда был недостаток. Это связано с тем, что в Курскую семинарию набирали гораздо больше учеников, чем можно было обеспечить за казенный счет. Полностью обеспечить семинарию учебными пособиями удалось лишь к 1822 году [1, С. 1].

Устав 1814 года требовал написания сочинений по всем предметам. Сочинения должны иметь план, быть простыми и ясными, без вычурности, обязательно рассмотрены со здоровой критикой. На практике сочинения писались не по всем предметам, а только по главным – богословию, философии, словесности. На сочинение в Курской семинарии отводилось от 1 до 3 недель. Письменным работам придавалось больше значения, чем устным ответам [11, С. 1153]. Также устав подразумевал проведение частных и публичных испытаний. Частные испытания были годичными и двухгодичными, публичные – годичными. По мысли устава частные испы-

тания должны подготовить учащегося к публичным испытаниям. На частных испытаниях присутствовала комиссия, во главе которой стоял один из членов правления, также обязательными членами комиссии были преподаватели предметов, присутствовали и другие члены преподавательской корпорации. Публичные выступления были открытыми. В реальности большую сложность для учащихся представляли частные испытания: при их проведении нужно было готовить предметы за весь прошедший курс обучения. К публичным же выступлениям готовились заранее, руководство семинарии, не желая упасть в грязь лицом, оповещало учащихся, предупреждая, о чем они должны отвечать [18, С. 81]. На публичных испытаниях при архиерее и почётных гостях выставлялись лучшие ученики, их опрашивали долго и подробно, после отъезда сановитых гостей опрашивались ученики послабее, бегло и неглубоко.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

По уставу 1814 года семинария под руководством ректора делилась на три подразделения: учебную часть, воспитательскую и экономическую. За воспитание учащихся отвечал инспектор семинарии, к двум другим частям он не имел отношения и не мог в них вмешиваться, за исключением тех недостатков учебной или экономической части, которые вели к снижению нравственности учащихся. Все локальные правила и распоряжения инспектор должен был согласовывать с правлением. Инспектор избирался семинарским правлением из профессоров семинарии с одобрения правящего архиерея с последующим утверждением правления академии. Первым инспектором Курской духовной семинарии был протоиерей Иоанн Моисеев, он не имел нареканий по службе, к семинаристам был внимателен, хорошо их знал. Должность инспектора занимал с 1817 по 1832 год. Преемником протоиерея Иоанна Моисеева был иеромонах Израиль Лукин, к семинаристам был снисходителен, занимал должность инспектора до 1834 года. Третьим инспектором

семинарии в рассматриваемый период был иеромонах Евпсихий (Гиренко). В помощь инспекторам в семинариях был устроен «институт» старших. Это были воспитанники, чаще всего старших классов, которые являлись помощниками инспектора. Старшие были в классах, квартирах и казённых домах, их ещё называли цензорами. Инспектор отдавал свои распоряжения по семинарии через старших. Самый старший из старших назначался обязательно из класса богословов. Значение старших либо возвышалось, либо умалялось инспектором семинарии. Так, протоиерей Иоанн Моисеев настолько внимательно лично вникал в дела всех семинаристов, что старшие при нем имели номинальное значение. При других инспекторах, которые опирались на старших, иногда доходило до наушничества, шпионажа и желания старших угодить инспектору. Инспектор должен был лично посещать казеннокоштных учеников в их комнатах, а квартирных – в их квартирах. Во время подобных посещений ученических комнат и квартир инспектор должен был наблюдать за тем, чтобы ученики занимались делом, согласно распорядку дня, и читали только одобренные начальством книги. Казеннокоштные воспитанники всё время обязаны были проводить в казенном доме и не имели права никуда отлучаться без разрешения инспектора. Ученики увольнялись из казенного дома обыкновенно только на воскресные и праздничные дни к ближайшим родным. Все ученики без исключения увольнялись в дома своих родителей или родных трижды в год: на рождественские праздники, на пасхальные святки и на летние вакации. Все ученики обязаны были из этих отпусков возвращаться к установленному сроку, обязательно отмечаться у старшего или самого инспектора. В рассматриваемый период в Курской семинарии распространена была так называемая явка, когда ученик подносил каждому учителю какой-либо подарок. Это могли быть деньги, разная дичь, мука и другие зерновые припасы, чай, сахар, орехи, грибы и т.п. «Явка» совершалась открыто, и ни ученики, ни учителя нисколько не стеснялись ее.

Наоборот, к «не явившемуся» некоторые наставники позволяли себе относиться недружелюбно. Процветание таких «явок» объясняется ничтожной зарплатой в духовных заведениях [8, С. 853].

Одним из важнейших воспитательных средств устав 1814 года признавал поощрение за благонравие и наказание за проступки. В поощрение за благонравие употреблялись следующие награды и отличия: а) похвала и одобрение инспектора в комнатах пред товарищами; б) причисление ученика к разряду старших не по должности, а для почести со всеми преимуществами, сему присвоенными; в) по предложению инспектора правление могло призывать к себе отличившегося в благонравии ученика и изъявить ему в полном собрании свое одобрение; г) на экзаменах и в других семинарских собраниях с кафедры по определению правления объявлялись имена учеников, благонравием своим отличное внимание заслуживающих, и вместе с тем делались им подарки книгами с надписью. Подобным образом к неблагонравным и строптивым воспитанникам устав разрешал применять наказания: а) увещание и выговор инспектора в комнатах при одноклассниках; б) назначение особого места за столом ниже всех и в стороне от других; в) осуждение на хлеб и воду от 1 до 7 дней. Эти три рода наказаний применялись к ученикам собственною властью и по собственному усмотрению инспектора. Кроме того, были и другие виды наказаний: а) строгий выговор в правлении; б) уединенное заключение по определению правления; в) исключение из семинарии и отсылка к гражданскому начальству. Эти наказания накладывались правлением семинарии.

Приведенное правило устава предоставляло семинарскому начальству полную свободу в выборе наказаний для виновных учеников, поэтому практиковались телесные наказания. Существовали самые различные их виды: наказывали в комнатах и квартирах, где наказывающими являлись старшие; более провинившихся наказывали в классах, где экзекуторами являлись или сами настав-

ники, или ученики. Иногда телесные наказания проходили при полном собрании учеников. Исполнителями этого рода наказаний бывали в большинстве случаев сами же ученики, причем в качестве экзекуторов назначались преимущественно люди сильные и жестокие. Самыми распространенными нарушениями дисциплины были частые самовольные отлучки из казенного дома, дерзость, драки, упрямство, заклад казенных вещей, картежная игра и употребление спиртных напитков [8, С. 856].

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Источниками средств материального содержания семинарии были следующие: штатная сумма, бурсачные или сиротские суммы, доходы от продажи венчиков и разрешительных молитв. Также отдельной статьей дохода был так называемый бурсачный капитал, который был пожертвован разными лицами. Он представлял собой процент от суммы, которая хранилась в Московском опекуном совете. У семинарии были и другие незначительные доходы в виде пожертвований.

Брались деньги и за обучение своекоштных воспитанников, а также штрафы с родителей, чьи дети с опозданием прибыли с каникул. В пользу семинарии шли и штрафы с тех преподавателей семинарии, которые не хотели проповедовать в городских церквях согласно расписанию и благословиению правящего архиерея [13, С. 200–201].

Штатная и бурсачная сумма представляли собой постоянный доход семинарий. Штатная сумма – та, которая положена по штату. Курская семинария всегда относилась к низшему штату и получала минимальную сумму из возможных. Бурсачная сумма – та, которую выделяла Комиссия духовных училищ на содержание беднейших учеников и сирот. В дополнение к ним прибавлялась выручка от продажи заупокойных венчиков и проходных молитв, которая сдавалась настоятелями храмов епархии, а затем возвращалась от Комиссии духовных училищ в семинарию. Контроль над поступлением и расходованием

средств вела Комиссия духовных училищ посредством академического правления. Штаты духовных учебных заведений дважды пересматривались за рассматриваемый период, и всегда Курская семинария попадала в третий, низший разряд. В связи с повышениями цен штатные суммы пересматривались в сторону увеличения и для Курской семинарии составляли от 12 850 до 24 900 рублей.

Начиная с введения штатов в 1808 году в духовных учебных заведениях преподаватели, наставники и служащие семинарии обеспечивались жалованием. Его несущественно индексировали в 1820 году и увеличили почти в 2 раза в 1836 году. Но всё равно жалование преподавателей, наставников и служащих было крайне невелико. Многие преподаватели уходили на светскую службу или в духовенство из-за низкой оплаты труда. Руководство семинарии пыталось обеспечить жильём преподавательский состав, но из-за нехватки помещений педагоги вынуждены были нанимать квартиры за свой счёт, а жильё в Белгороде было дорогим, спрос на него возрастал по причине постоянного пребывания военных. Преподаватели по бедности не обзаводились семьями, а иной раз умирали в полной нищете, их хоронили за казённый счёт. Таким образом в Курской семинарии был похоронен профессор А. Андреев в 1834 году и учитель словесности А. Славинский в 1836 году [13, С. 232].

Воспитанники семинарии по своему содержанию делились на «козеннокоштных, полукозеннокоштных и своекоштных». Белгородской семинарии полагалось 100 «козеннокоштных» окладов по 70 рублей каждый с 1808 по 1820 год, затем по 120 рублей с 1820 года. В 1836 году количество «козеннокоштных» мест увеличилось до 130. «Козеннокоштные» ученики обеспечивались помещением, одеждой, книгами, пищей. «Козенное» обеспечение предоставлялось сиротам и в редких случаях отличникам по учёбе и прилежанию из бедных семей [4, С. 1]. «Полукозеннокоштные» ученики обеспечивались только «помещением и пищею». К таковым относились сироты, почему-то не принятые

на «козенный кошт», и дети духовного звания из малообеспеченных многодетных семей. В рассматриваемую эпоху нередко прошения родителей о переводе учащихся из «своекоштных» в «козеннокоштные». Зачастую причиной выставляется нищее положение многодетных семейств или невозможность обеспечить двух и более одновременно учащихся детей, нередко прошения писали вдовы [3, С. 5].

Правление семинарии могло принять на казенное обеспечение любое количество учащихся, но оплачивалось им не более положенного по штату. Средств, выплачиваемых государством, было недостаточно не только из-за мизерности сумм, но ещё и из-за того, что выделенные деньги не всегда шли по назначению. Правление семинарии в своих отчетах академическому правлению не раз указывало на то, что средства на содержание домов, на устройство кухни и переделку бани брались из денег, выделяемых на «козенное» содержание учеников [13, С. 238]. Средства, отпускаемые семинарии, всегда были в жесткой экономии. Согласно уставу «козеннокоштные» ученики должны находиться в комнатах теплых и освещенных, хорошо проветриваемых и опрятных, иметь отдельные умывальные комнаты. Также должны быть комнаты отдыха для прислужников и отдельная столовая для больницы. На практике такие требования устава не соблюдались. Комнаты плохо топились и освещались. Сальные свечи выдавались в ограниченном количестве из-за опасности пожара, а после 22.00–23.00 ученики могли пользоваться только свечами, купленными за свой счёт [14, С. 257]. Содержание комнат также оставляло желать лучшего: из-за большого количества проживающих в них было тесно, душно и неопрятно. Белились комнаты один раз в несколько лет, полы в них мылись раз в год во время летних каникул. Места под отдельные умывальные комнаты также не было. Был недостаток и в кроватях. Необходимое количество кроватей и матрацев в семинарии появилось только в 1830 году. Несмотря на обеспечение спальными местами, «козеннокоштным» ученикам

не хватало стульев, книжных и платяных шкафов. Их вещи лежали на полу, что не доставляло опрятности помещениям.

В одежде «козеннокоштных» учеников тоже не было единообразия, так как большинство ходило в собственной. Это не было нарушением семинарского устава от 1814 года. В § 221–223 описаны комплекты одежды и постельных принадлежностей, которыми должны быть обеспечены «козеннокоштные» учащиеся на год, на два года и на три года, но при недостатке средств у семинарии устав предполагал, что будут обеспечиваться только самые бедные учащиеся. При этом казённые средства совсем не выделялись на тёплую верхнюю одежду, так как предполагалось, что «козеннокоштные» ученики будут жить при семинарии и всегда находиться в помещениях. Это невозможно было выполнить в Курской семинарии, так как при семинарии не было собственного храма, до определенного времени не было собственной бани, да и классы и столовая находились в отстоящих друг от друга корпусах. Одежда на «козеннокоштных» учеников шилась в минимальном количестве и на продолжительный срок. «Нередко можно было видеть учеников в поношенной, разорванной, засаленной одежде, в разорванных сапогах, из которых торчали пальцы. В теплое время ученики ходили босиком» [15, С. 283]. Из-за отсутствия нормальной прачки и средств гигиены в комнатах, на одежде и на самих воспитанниках заводились паразиты, процветали кожные заболевания.

Прием пищи для «козеннокоштных» семинаристов также регламентировался уставом, он состоял из обеда и ужина. В каждый прием пищи предполагалось подавать по два, а в праздники по три блюда простой, но здоровой пищи. Блюда рекомендовалось подавать разнообразными. В Курской семинарии количество блюд соответствовало уставному, но качество вызывало нарекания и у учащихся, и у ревизоров. Ученический стол зачастую состоял в обед из щей с мясом, грибами или постным маслом и каши гречневой, полбенной или пшенной. На ужин был борщ или щи, ко-

торые в пост заменялись горохом. На праздники вместо щей подавали суп и жаркое из картофеля и баранины или говядины. Иногда, но редко на праздники и по воскресеньям в пост подавалась рыба. Собственно, в посты пища была крайне скудной, даже хлеб «подавался мёрзлый и чёрствый», а ученики пытались заготовить к постам сухари, которые размачивали в подсоленной воде и съедали в комнатах [15, С. 288]. В столовой семинарии была только деревянная посуда, никакого столового белья, а тем более про запас в ней, вопреки требованиям устава, не было. Скатерти в столовой, фартуки у поваров, хлебников и столовщиков появились только в 1930 году, в 1936 году были куплены вилки, ножи и столовые каменные тарелки, но употреблялись они только в торжественных случаях. В обычное время ученики ели деревянными, реже оловянными ложками, которые носили с собой. Скатерти в обычные дни не стелились.

Жизнь квартирных семинаристов носила свой оттенок. Большинство «своекоштных» учащихся снимали недорогие квартиры в пригороде Белгорода, обитая в них по 8–10 человек и более. Там, где родители имели возможность привозить учащимся продукты, стол готовили хозяева квартиры. В каждой квартире из учащихся назначался старший, был также старший над несколькими квартирами и старший над всеми семинаристами, живущими в квартирах. Жить на квартире считалось лучше, хотя много зависело от отношения хозяев квартиры. Нередко учащиеся жили в плохо отапливаемых квартирах с недостаточным питанием, но одевались лучше и теплее, чем «козеннокоштные» ученики [16, С. 305–309]. В Курской семинарии для надзора за квартирными семинаристами в помощь инспектору назначалось ещё два человека из числа преподавателей: один надзирал квартиры восточной части города, другой – западной. В реальности квартиры учеников посещались только при происшествиях. Квартирные семинаристы чаще пропускали уроки и богослужения. Так как своей церкви при семинарии не было, то жившие при семинарии

учащиеся ходили на богослужение в Троицкий кафедральный собор, те, кто жил на квартирах, могли посещать приходские церкви, но со стороны семинарии за этим контроля не было.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Согласно уставу 1814 года семинария управляется семинарским правлением под ведомством епархиального архиерея. В правление входят ректор, один из профессоров и эконо. Ректор должен быть доктором богословия, архимандритом (игумен или протоиерей первой классной церкви), членом консистории. Он назначается академическим правлением по представлению правящего архиерея и может быть уволен только по решению правления академии. Вторым членом семинарского правления – профессор – выбирается ежегодно из профессоров семинарии. Эконом утверждается архиереем по представлению ректора. Семинария имеет независимость от Духовной консистории и ограничивается перепиской с ней. Правление семинарии в своих делах подотчетно правящему архиерею. При разногласиях в вопросах окончательный вердикт по делу выносит академическое правление.

Семинарское правление имеет следующие обязанности: 1) определять профессоров в семинарию по аттестатам окружной академии, увольнять их; 2) проводить экзамены в семинарии, составлять разрядные списки, выдавать аттестаты; сообщать академическому правлению списки учащихся и их результаты; иметь надзор за уездными училищами посредством их ректоров.

Правление Курской семинарии доставляло правлению Киевской духовной академии следующие сведения: ведомости о предписаниях, полученных из академического правления; сведения о вакансиях по семинарии и училищам; ведомости со списками лиц, служащих при семинарии и училищах; формулярные списки лиц, служащих при семинарии и училищах; сведения об учёных трудах начальников и наставников семинарии и учи-

лищ; данные об освидетельствовании библиотек фундаментальных семинарской и училищных с реестрами книг, поступивших вновь в библиотеки; представления к чинам лиц светского звания, служащих при семинарии и училищах; сведения об освидетельствовании семинарского и училищных архивов, семинарского и училищного имущества вместе с ведомостью о решенных и нерешенных делах правления; перечневые и именные ученические ведомости и ведомости об учениках, уволенных по прошению; перечневые книжные отчеты; сведения о внесении экономических отчетов по семинарии и училищам для проверки во временный ревизионный комитет; разрядные с отметками поведения ученические списки, журналы испытаний, конспекты уроков, ведомости об учениках, особенно замеченных в поведении, и табели ученических успехов. Из сказанного очевидно, что правление Курской семинарии по смыслу устава 1814 года было только исполнительным органом внешнего правления Киевской духовной академии и отдавало этому последнему подробный отчет во всех важных делах.

Во главе семинарского правления стоял ректор. В рассматриваемую нами эпоху истории Курской духовной семинарии было четыре ректора. Первым (с 1817 по 1829 г.) был протоиерей Иоанн Савченков. Он возглавлял семинарию ещё до начала реформ. Несмотря на то что почти сразу «влился» в нужное русло, всё же в его деятельности видна косность дореформенной школы. При реформе о.Иоанн смог сохранить число обучающихся, в то время как в других учебных заведениях как не отвечающих требованиям реформы их число резко сократилось. Второго ректора Комиссия духовных училищ назначила самостоятельно, им стал бакалавр Киевской академии иеромонах Анатолий (Мартыновский). Его возвели, согласно требованию устава, в сан архимандрита. В 1832 году он был переведен на должность ректора в Новгородскую духовную семинарию. Преемником архимандрита Анатолия стал архимандрит Елпидифор (Бенедиктов). Скромный и смиренный, он управлял семинарией до 1837 года. После

архимандрита Елпидифора ректором Курской духовной семинарии стал архимандрит Варлаам (Успенский), один из самых строгих ректоров семинарии, он занимал эту должность до 1843 года [7, С.735].

Вторым членом семинарского правления был избираемый из преподавательского состава профессор, на практике он имел право совещательного голоса, а не реального управления.

Третьим членом семинарского правления был эконоом. С 1817 по 1839 год на должности эконома семинарии сменилось также четыре человека. Должителем в этой должности был архимандрит Иоасаф (Юнаков), который являлся экономом семинарии с 1817 по 1829 год. За это время на него были возложены очень ответственные послушания, требующие большого внимания, такие как член семинарского правления и член Духовной консистории, эконоом архиерейского дома, настоятель двух монастырей и благочинный ещё нескольких монастырей. Нормально справляться с должностью эконома семинарии у него не получалось. После ревизии протоиерея Иоанна Скворцова архимандрит Иоасаф был освобожден от должности эконома семинарии. После смены за короткое время ещё двух экономов эту должность занял священник Иоанн Золотарев, который пробыл в ней с 1832 по 1839 год. Согласно уставу в обязанности эконома входили прием, хранение и расходование казённых денег, приготовление всего необходимого для содержания семинарии, кроме кабинетов и библиотеки, наблюдение за состоянием зданий, отоплением и освещением их, а также за одеждою семинаристов и их питанием. В своих действиях эконоом семинарии был подотчётен семинарскому правлению. Он также имел помощников, называемых комиссарами, которые избирались из среды семинаристов. Эконоом отвечал за сохранность казённых денег [20, С. 150–152].

По уставу 1814 года в подчинении семинарии низших духовных училищ была некоторая субординация. Непосредственно семинарии подчинялись уездные духовные училища,

а уездным училищам подчинялись приходские духовные училища. Контроль над уездными училищами осуществлялся посредством переписки и ревизий. В правах семинарского правления было заменять должность смотрителя училища с разрешения правящего архиерея путём согласования кандидата с академическим правлением. Также семинарское правление утверждало или предоставляло учителей для уездных училищ и выполняло роль судьи при конфликтных ситуациях учителей со смотрителем. В обязанности ректора и инспектора Курской семинарии входило периодическое ревизование подчиненных духовных училищ. Но они проводили ревизию только Белгородского уездного училища, об успехах остальных училищ судили по итогам вступительных экзаменов кандидатов, направленных из уездных училищ в семинарию, и по письменной отчетности. Такой порядок был до 1820 года, пока ревизор от академического правления иеромонах Мелетий не обратил на это внимание. С тех пор уездные училища ревизовались раз в 2–3 года [21, С. 452].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реформы в сфере духовного образования 1808–1814 годов позволили как улучшить, «одухотворить» богословскую мысль русских духовных школ, так и обнаружить скрытые недостатки. Было учреждено единое централизованное управление всеми духовными училищами России. Разделенные на 4 вида духовные учебные заведения имели взаимоподчинение в учебной, административной и экономической сферах. Было улучшено материальное содержание духовных заведений, хотя и этих средств не хватало. Отличительной особенностью реформы 1814 года было то, что она ставила целью улучшение духовного образования, а не проводилась в силу меняющейся политической ситуации. Был повышен профессиональный уровень преподавателей, а учащиеся мотивированы на успехи в учёбе введением разрядов [27, С. 76]. В дальнейшем, особенно после изме-

нений в системе духовного образования, происшедших после 1839 года, реформа 1814 года в целом оценивалась как положительная, носившая задатки критического мышления в богословии и приближала его к церковной жизни [25, С. 161].

Из минусов, с которыми столкнулись в Курской семинарии при реализации реформы духовного образования, можно отметить сохранение сословности при приёме, обязательность обучения детей из семей духовенства, даже нежелающих и неспособных.

В построении учебного процесса можно отследить следующие недостатки: переполненность классов учениками и невозможность из-за этого нормально контролировать успеваемость, излишняя снисходительность к слабым ученикам; отсутствие определенной программы и точного распределения учебного материала по отделениям и классам в отношении ключевых предметов, преподаваемых в семинарии, что приводило к тому, что ученики семинарии, например, одни священные книги изучали несколько раз, а о других ничего не слышали за все годы обучения в семинарии.

В сфере воспитания можно заметить следующие недостатки: уровень воспитательской службы зависел от характера и взглядов инспектора; слабость инспекторского надзора за семинаристами из-за большого их количества и разных мест проживания, присутствие системы телесных наказаний, развивающей жестокость, лживость.

В сфере материального обеспечения наблюдается хронический недостаток материальных средств. При наличии хорошего содержания можно иметь просторные классы и общежитие на всех учащихся, необходимое количество учебных пособий, необходимые средства быта и гигиены, одежду по сезону для «козеннокоштных» учащихся, достойную зарплату учителям, необходимое количество воспитателей инспекторской службы и т. д. Всё это было в недостатке в рассматриваемый период существования Курской семинарии.

В сфере административного управления из недостатков можно отметить многоотчётность. Как минимум ежегодные отчёты – учебный,

книжный и экономический, а также ведомости и прием отчётности от 14 низших училищ.

Библиография / References:

1. Бугров Ю. История Курской епархии. – Курск: МУ «Издательский центр «ЮМЭКС», 2003. – 104 с.
2. ГАКО (Гос. арх. Курск. обл.). – Ф. 792. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 12.
3. ГАКО. – Ф. 792. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 4–7.
4. Затолокин И. (священник). Духовное образование в Синодальную эпоху на примере Курской епархии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <http://www.orthedu.ru/ch-hist/8138-13.html> (дата обращения: 21.02.2023).
5. Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. – Казань: Типография Императорского университета, 1881. – 807 с.
6. Курские епархиальные ведомости. – 1893. – № 29. – С. 635–646.
7. Курские епархиальные ведомости. – 1893. – № 33. – С. 734–747.
8. Курские епархиальные ведомости. – 1893. – № 38. – С. 848–856.
9. Курские епархиальные ведомости. – 1893. – № 40. – С. 879–886.
10. Курские епархиальные ведомости. – 1893. – № 48. – С. 1063–1074.
11. Курские епархиальные ведомости. – 1893. – № 51–52. – С. 1144–1159.
12. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 10. – С. 196–203.
13. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 12. – С. 230–239.
14. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 13. – С. 256–261.
15. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 14. – С. 280–288.
16. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 15. – С. 304–314.
17. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 2. – С. 129–136.
18. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 4. – С. 79–87.
19. Курские епархиальные ведомости. –

1894. – № 7. – С. 129–136.
20. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 8. – С. 145–152.
21. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 23. – С. 450–458.
22. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Том XXX, 1808–1809. Печатано в типографии II Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php (дата обращения: 21.02.2023).
23. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Том XXXII. 1812–1814. Печатано в типографии II Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php?part=150®im=3 (дата обращения: 21.02.2023).
24. Смолич И.К. История Русской Церкви 1700–1917. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <https://www.libfox.ru/356698-igor-smolich-istoriya-russkoy-tserkvi-1700-1917-gg.html> (дата обращения: 21.02.2023).
25. Сухова Н.Ю. Воспитание юношества, Церкви посвященного: духовно-учебная реформа 1808–1814 гг. и святитель Филарет // Филаретовский альманах. – 2011. – № 7. – С. 141–162.
26. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Выпуск первый. Время комиссии духовных училищ. – Вильна: Типография «Русский почин», 1908. – 385 с.
27. Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). – М.: Русская панорама, 2003. – 480 с.
1. Bugrov YU. Istoriya Kurskoy yeparkhii [History of the Kursk diocese]. – Kursk. – MU Izdatel'skiy tsentr YUMEKS, 2003. – 104s. (In Russ.).
2. GAKO (Gos. Arkh. Kursk. obl.). – F.792. – Op.1. – D.8. – L.12. (In Russ.).
3. GAKO. – F.792. – Op 1. – D.43. – L.4–7. (In Russ.).
4. Zatolokin I. (svyashchennik) Dukhovnoye obrazovaniye v Sinodal'nyuyu epokhu na primere Kurskoy yeparkhii [Spiritual education in the Synodal era on the example of the Kursk diocese]. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: <http://www.orthedu.ru/ch-hist/8138-13.html> (Data obrashcheniya 21.02.2023). (In Russ.).
5. Znamenskiy P. Dukhovnyye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda [Theological schools in Russia before the reform of 1808]. – Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, 1881. – 807s. (In Russ.).
6. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti [Kursk Diocesan Vedomosti]. – 1893. – №29. – S.635–646. (In Russ.).
7. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1893. – №33. – S.734–747. (In Russ.).
8. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1893. – №38. – S.848–856. (In Russ.).
9. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1893. – №40. – S.879–886. (In Russ.).
10. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1893. – №48. – S.1063–1074. (In Russ.).
11. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1893. – №51–52. – S.1144–1159. (In Russ.).
12. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №10. – S.196–203. (In Russ.).
13. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №12. – S.230–239. (In Russ.).
14. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №13. – S.256–261. (In Russ.).
15. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №14. – S.280–288. (In Russ.).
16. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №15. – S.304–314. (In Russ.).
17. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №2. – S.129–136. (In Russ.).
18. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №4. – S.79–87. (In Russ.).
19. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №7. – S.129–136. (In Russ.).
20. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №8. – S.145–152. (In Russ.).
21. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. –

1894. – №23. – S.450–458. (In Russ.).

22. Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Tom XXX, 1808–1809. Pечатано в типографии II otdeleniya sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Data obrashcheniya 21.02.2023). (In Russ.).

23. Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Tom XXXII. 1812–1814. Pечатано в типографии II Otdeleniya sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=150®im=3 (Data obrashcheniya 21.02.2023). (In Russ.).

24. Smolich I.K. Istoriya Russkoy Tserkvi 1700–1917 [History of the Russian Church 1700–1917]. – M.: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: <https://www.libfox.ru/356698-igor-smolich-istoriya-russkoy-tserkvi-1700-1917-gg.html> (Data obrashcheniya 21.02.2023). (In Russ.).

25. Sukhova N.YU. Vospitaniye yunoshestva, Tserkvi posvyashchennogo: dukhovno-uchebnaya reforma 1808–1814gg. i svyatitel' Filaret [Education of Youth Consecrated to the Church: Spiritual and Educational Reform of 1808–1814. and St. Philaret] // Filaretovskiy al'manakh. – 2011. – №7. – S.141 – 162. (In Russ.).

26. Titlinov B.V. Dukhovnaya shkola v Rossii v XIX stoletii. Vypusk pervyy. Vremya komissii Dukhovnykh Uchilishch [Theological school in Russia in the 19th century. Release the first. The time of the commission of the Theological Schools]. – Vil'na: Tipografiya Russkiy pochini,

1908. – 385s. (In Russ.).

27. Fedorov V.A. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyy period (1700–1917) [Russian Orthodox Church and State. Synodal period (1700–1917)]. – M.: Russkaya panorama, 2003. – 480s. (In Russ.).

ТАРАСОВ Владимир Евгеньевич, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: prorektorbpds@yandex.ru, AuthorID: 970230

TARASOV V.E., Postgraduate Student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: prorektorbpds@yandex.ru

АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРОПАГАНДА В 1953–1964 ГГ. В СССР И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВНУТРИЦЕРКОВНУЮ ЖИЗНЬ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

ATHEISTIC EDUCATION AND PROPAGANDA IN 1953-1964 IN THE USSR AND ITS IMPACT ON INTERCHURCH LIFE IN THE BELGOROD REGION

Аннотация. Целью данной статьи является исследование особенностей антирелигиозного воспитания и пропаганды в Белгородской области в период правления Н.С. Хрущева. Он проводил политику «развития науки и культуры» и активно боролся с религиозным фанатизмом. В рамках этой политики был создан специальный орган – антирелигиозная комиссия, которая занималась борьбой с религиозными организациями и их последователями. В рамках этой борьбы проводились атеистические кампании, в которых активно пропагандировались научные знания и идеи, а также критиковалось религиозное верование как «общественно вредное» явление. Влияние этой атеистической пропаганды на внутрицерковную жизнь Белгородской области было существенным. В тот период многие люди отказывались от религии и становились атеистами. Кроме того, многие церкви были закрыты, а Католическая и Протестантская церкви были запрещены. Тем не менее, несмотря на это, некоторые верующие продолжали исповедовать свою веру втайне, недовольство атеистической пропагандой приводило к тому, что многие люди стали еще более укреплять свою веру. В конце концов, после распада СССР в 1991 году религиозные организации начали возвращаться в Белгородскую область, и сегодня там снова действует множество церквей и монастырей. Используя архивные материалы и периодическую печать того времени, становится возможным уточнить основные направления научно-атеистического просвещения жителей региона и рассмотреть отражение всеобщего процесса атеизации на положении в Белгородской области, а также дать оценку последствиям антицерковной деятельности властей Советского государства.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Курско-Белгородская епархия, научно-атеистическая пропаганда, антирелигиозная политика, церковно-государственные отношения.

Abstract. The purpose of this article is to study the features of anti-religious education and propaganda in the Belgorod region during the reign of N.S. Khrushchev. He pursued a policy of «development of science and culture» and actively fought against religious fanaticism. As part of this policy, a special body was created – the anti-religious commission, which dealt with the fight against religious organizations and their followers. Within the framework of this struggle, atheistic campaigns were carried out, in which scientific knowledge and ideas were actively promoted, and religious belief was criticized as a «socially harmful» phenomenon. The influence of this atheistic propaganda on the internal church life of Belgorod region was significant. During this period, many people abandoned religion and became atheists. In addition, many churches were closed and the Catholic and Protestant churches were banned. Nevertheless, some believers continued to confess their faith in secret, dissatisfaction with atheistic propaganda led many people to strengthen their faith even more. Eventually, after the collapse of the USSR in 1991, religious organizations began to return to the Belgorod region, and today there are again many churches and monasteries operating there.

As a result, the author comes to the conclusion that some archival materials and periodicals of that time allow to clarify the main directions of scientific and atheistic education of the inhabitants of the region and consider the reflection of the all-Union atheization process on the situation in Belgorod region, as well as assess the consequences of the anti-church activities of the authorities of the Soviet state.

Keywords: Russian Orthodox Church, Kursk-Belgorod Diocese, scientific-atheist propaganda, anti-religious policy, church-state relations.

ВВЕДЕНИЕ

С первых лет существования советской власти атеистический характер господствующей коммунистической идеологии был одним из основных и определяющих принципов взаимоотношений государства и религиозных институтов. Сразу после Октябрьской революции 1917 года был принят закон о разделении Церкви и государства, который лишил Русскую Православную Церковь её привилегий и существенной части имущества. В последующие годы было принято множество законов, направленных на ограничение религиозных свобод и уничтожение религиозных институтов. В 1929 году была создана антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б), которая занималась борьбой с религией и продвигала атеистические идеи. В рамках этой борьбы проводились кампании по разрушению церквей, уничтожению религиозных книг и икон, преследованию священнослужителей и верующих. В период пребывания у власти И. Сталина (1929–1953 гг.) была проведена активная атеистическая пропаганда, направленная на уничтожение религиозных верований. Религия была объявлена «врагом народа», а её последователи подвергались преследованиям и репрессиям. В советском законодательстве была декларирована свобода вероисповедания, однако на практике религиозные верования были ограничены и подвергались репрессиям. В то же время в СССР существовала свобода антирелигиозной пропаганды, которая была закреплена в Конституции СССР 1936 года, где гарантировалось право на свободу совести, а также на свободу вероисповедания и религиозной пропаганды. Однако эти права сдерживались различными законами, направленными на ограничение религиозной деятельности и пропаганды. В СССР были созданы специальные антирелигиозные организации, которые занимались пропагандой атеизма и борьбой с религиозными верованиями. Этими организациями проводились лекции, семинары, дискуссии и другие мероприятия, на которых раскрывались «заблуждения» рели-

гии и пропагандировалось атеистическое мировоззрение [11]. В результате на словах гражданам страны предоставлялась свобода вероисповедания, на практике религиозные верования были ограничены, а свобода антирелигиозной пропаганды была декларирована и существовала на практике.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отношение Иосифа Сталина, главы советского правительства и генерального секретаря ЦК ВКП(б) к атеистической идеологии было сформулировано в его беседах с американской рабочей делегацией, прибывшей в Советский Союз в 1936 году: «Антирелигиозная пропаганда является тем средством, которое должно довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства. Бывают случаи, что кое-кто из членов партии иногда мешает всемерному развёртыванию антирелигиозной пропаганды. Если таких членов партии исключают, так это очень хорошо, ибо таким «коммунистам» не место в рядах нашей партии» [17].

В 1930-е годы Союз воинствующих безбожников (СВБ) был главным антирелигиозным институтом в СССР и возглавлялся Емельяном Ярославским (М. И. Губельманом). Союз был создан в 1925 году и объединял атеистические организации и группы по всей стране. Целью союза была борьба с религией и пропаганда атеизма. В рамках своей деятельности его члены проводили множество антирелигиозных акций, таких как разрушение церквей, уничтожение икон, проведение атеистических лекций и семинаров и т. д. Емельян Ярославский (М. И. Губельман) был одним из основателей этой организации и возглавлял её с 1929 года. Он был одним из главных деятелей антирелигиозной кампании в СССР в 1930-е годы. Ярославский написал множество книг и статей на тему атеизма, пропагандируя атеистические идеи и критикуя религиозные верования. С началом Великой Отечественной войны деятельность СВБ была свернута и официально пре-

кращена в 1947 году.

Государственная политика в отношении религии стала постепенно меняться в 30-х и 40-х годах XX века. После нападения Германии на СССР эти процессы перемен резко ускорились. Уже на первых этапах войны руководство Советского государства окончательно отказалось от планов дальнейших наступления на религию, в частности на православие, также фактически прекратились аресты священнослужителей, была приостановлена антирелигиозная деятельность.

С 1943 по 1948 год в отношениях между государством и Русской Православной Церковью происходил процесс, который называют «оттепелью». Этот процесс начался после прихода к власти Иосифа Сталина, который в 1943 году признал необходимость использования религии в качестве средства пропаганды и патриотического воспитания нации в условиях Великой Отечественной войны. В этот период были освобождены многие священнослужители, которые были ранее арестованы или отправлены в ссылку, и восстановлены многие церковные сооружения. В 1943 году был создан Правительственный комитет по делам РПЦ, который занимался вопросами взаимоотношений между государством и Церковью. В рамках этого комитета был принят ряд мер, направленных на улучшение отношений между государством и Русской Православной Церковью. В 1945 году был восстановлен Патриарший Собор Русской Православной Церкви, который не собирался с 1927 года. В 1947 году был издан Указ Совета Министров СССР «О признании православной церкви бессрочно правопреемником зарегистрированных в советское время религиозных объединений». Но, несмотря на процесс «оттепели», атеистические идеи продолжали пропагандироваться, и религия была подвергнута строгому контролю со стороны государства. Возобновление деятельности Русской Православной Церкви не означало полного восстановления её прежнего статуса, и многие ограничения на религиозную деятельность оставались в силе. В глазах советской власти Церковь

представлялась как дипломатический инструмент государства на международной арене. Поскольку Советский Союз не обладал ядерным оружием до 1948 года, сталинское руководство было вынуждено использовать другие средства, в том числе международные каналы, для реализации своих амбициозных внешнеполитических планов. После 1948 года, с началом ядерной гонки в период холодной войны, Церкви отводилась более скромная роль в борьбе за мир на международной политической арене. Это положение в последующие годы стало определяющим в ее отношениях с советским строем. Как отмечалось автором ранее, «...живой интерес к Церкви в международных отношениях исчез, сильно изменился вектор чисто практических принципов сотрудничества между Церковью и советской властью...» [18].

Исследователь взаимоотношений власти и РПЦ в советский период протоиерей Георгий Митрофанов считает, что 1948 год стал последним «спокойным» годом, когда количество священнослужителей Русской Православной Церкви увеличилось. Так, с июля 1948-го по июль 1949 года общее число священников и диаконов возросло на 379 человек. В духовных учебных заведениях обучалось 562 студента. Количество монастырей в период 1946–1947 гг., наоборот, сократилось – с 104 до 85 [14, С. 493].

С 1948 г. и до смерти И. В. Сталина в 1953 г. вновь увеличилось количество арестов священнослужителей, не было открыто ни одного храма, усилился контроль со стороны уполномоченного по делам РПЦ.

С приходом к власти в стране и руководству в КПСС Никиты Хрущева ситуация для Русской Православной Церкви детально изменилась в негативную сторону. Религия представлялась как чуждый социализму элемент, которому не было места в советском обществе. На смену политике «воинствующего» атеизма пришла более мягкая, но не меняющая своей сути риторика так называемого научного атеизма. Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах и ее

улучшения» от 7 июля 1954 г. отмечало факт неудовлетворительной идеологической работы среди населения, в результате чего «церковь и различные религиозные секты значительно оживили свою деятельность» [10, С. 428], в связи с чем было предложено «покончить с запущенностью антирелигиозной работы, развернуть научно-атеистическую пропаганду» [10, С. 430].

Это решение ЦК вызвало широкий резонанс во всех союзных и региональных печатных СМИ. Антирелигиозная пропаганда на страницах газет Белгородской области стала использоваться практически во время всей хрущевской оттепели. Местная газета «Белгородская правда» также отразила реакцию местных властей на принятый документ. Собрание партийного актива Новооскольского района отмечало, что «пренебрежение массово-политической работой способствует активизации деятельности раскольников и сектантов, росту пьянства» [9]. III Пленум Белгородского областного комитета КПСС раскритиковал Белгородский райисполком за недостаточное распространение «политических, естественно-научных знаний, атеистической пропаганды» [15].

Стоит отметить тот факт, что статьи научного и атеистического характера в печатных СМИ, а в частности в «Белгородской правде», периодически публиковались задолго до 7 июля 1954 года. Под заголовком «Ватикан – гнездо мракобесия» была опубликована статья некоего Юрия Грищенко, в которой отмечалось, что «многие учебные заведения Ватикана являются школами по подготовке шпионов и диверсантов» [8]. В августе 1953 года в местной газете «Молодая гвардия» было опубликовано письмо группы комсомольцев из с. Бессоновка Микояновского района Курской области, в котором ходатайствуют перед редакцией о содействии в закрытии местной церкви и передаче здания под нужды сельского клуба. Инициативу молодежи поддержал облисполком и постановил ходатайствовать об этом пред Советом по делам Русской Православной Церкви. Однако, в свою очередь, «Совет это хода-

тайство отменил, признав изъятие указанного здания несвоевременным» [4].

Нападки на религию были прекращены еще 10 ноября 1954 г. Постановлением ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научной атеистической пропаганды среди населения». Авторы постановления отметили имеющиеся случаи оскорбления религиозных чувств верующих, а также административного вмешательства в деятельность РПЦ. Обращалось внимание и на то, что эти действия нарушали Конституцию СССР, гарантировавшую свободу вероисповедания всем гражданам [10, С. 447; 11]. Курский историк Д. Ю. Макарова объясняет данный факт заинтересованностью Н. С. Хрущева в том, чтобы отвлечь внимание стран Запада от советской религиозной политики, что способствовало смячению очередного витка холодной войны [12, С. 34].

Проведение массовых расстрелов и открытое уголовное преследование священнослужителей в сложившейся ситуации описываемого периода было уже невозможно. Появились новые методы разложения Церкви «изнутри», то есть там, где это возможно, руками духовенства и самих верующих.

Таким образом в 50-е гг. в городе Белгороде с молчаливого согласия правящих властей действовала группа граждан, входившая ранее в приходское управление нескольких белгородских храмов, которая ставила задачу в дискредитации правящего архиерея и духовенства в среде православных верующих. В прошении священников и представителей прихода Преображенского кафедрального собора, направленном на имя Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) указанная группа упоминалась в негативном ключе. Отмечено, что в 1946 году бывшим епископом Курским и Белгородским Питиримом (Свиридовым) были уволены из числа приходского совета Спасо-Преображенского собора Белгорода граждане во главе с председателем ревизионной комиссии Олейниковым и старостой храма Черным по подозрению в хищении 275 000 рублей из казны прихода. Факт кражи

установлен приходской следственной комиссией, но виновные не понесли заслуженного наказания. Оставшись безнаказанными, граждане снова планировали незаконно завладеть финансами, однако умысел был предотвращен настоятелем храма. В результате с 1946 по 1954 год жалобы и доносы на настоятелей храма, поданные на имя Святейшего Патриарха и управляющего Курско-Белгородской епархией епископа Иннокентия (Зельницкого), приобрели систематический характер. В частности, упомянуто, что «за период с 1944 г. по 1953 год в Преображенском соборе гор. Белгорода сменилось шесть настоятелей и на каждого из них этой группой писались жалобы, которые следственными комиссиями их епархии были установлены ложными и клеветническими». В данном случае правящий архиерей поддерживал позицию настоятеля собора протоиерея Сергия Помельникова [5, Л. 257].

Свидетельством антицерковной и провокационной деятельности Олейникова в отношении духовенства являются так называемые «приговоры приходской массы верующих Русской Православной Церкви прихода Белгородского Преображенского собора, Курской епархии» [5, Л. 263]. «Приговоры» представляют собой «протокол собрания предполагаемых активистов и прихожан прихода, подписанный якобы более чем 600 представителями этого собрания. На самом деле других подписей под этими письмами просто не существует, поэтому можно предположить, что документы были составлены лично гражданином Олейниковым и заверены подписями группы до пяти человек. В этих предложениях т. н. «приходская масса» по существу рассматривала конкретные дела отдельных священников и обязательно принимала обвинительные решения» [18].

Вершиной провокационной и антирелигиозной деятельности группы Олейникова было то, что он и двое его сподвижников, Павел Васильевич Чалый и Матвей Васильевич Сулов, принимали участие в радиопередаче, посвященной антирелигиозной тематике. Главной темой выступления было публичное

отречение от Бога и Церкви упомянутых выше лиц. В редакцию радио поступило письмо за подписью Олейникова, Чалых, Сулова, в котором они заявили, что «думали, что бог действительно есть, а оказывается, что его нет». Авторы письма утверждают, что Бога нет, а «есть ширма, за которой церковники занимаются нечестными делами, спекулируют чувствами и карманом верующих» [5, Л. 269]. Свое решение они объясняют действиями настоятеля собора отца Владимира Чернова и председателя церковного совета Ткачевой, обвиняя священника и церковного старосту в якобы имевших место финансовых махинациях.

В исследуемый период в Белгороде действовало Общество по распространению политических и научных знаний. Суть деятельности общества заключалась в формировании школ научного атеизма, проведении тематических вечеров, подготовке и рецензировании атеистических лекций и докладов. На страницах «Белгородской правды», в рубрике «Уголок атеиста», печатались антирелигиозные статьи и сатирические фельетоны. Белгородский уполномоченный Совета по делам религий А. Г. Сорочкин положительно оценивал прецеденты сотрудничества с местными изданиями за 1960 год: «...были предприняты шаги по налаживанию связи с органами печати в частности с газетами «Белгородская правда» и «Ленинская смена». Этим газетам были даны имевшиеся у меня материалы по фактам нарушения законодательства, которые были вскоре опубликованы. Сейчас связь с указанными газетами у меня хорошая. Они часто обращаются ко мне за консультациями, проверяют полученный ими материал и т. п. В течение года областные газеты опубликовали 39 различных статей и фельетонов на антирелигиозные темы, написанные на местных материалах и более 100 статей и фельетонов было помещено в районных газетах» [6, Л. 82].

Отличительной чертой антирелигиозной кампании Хрущева было привлечение ренегатов – священников, добровольно оставивших священный сан и отрекшихся от веры в

Бога. Ярким примером тому является публичное отречение от Церкви в декабре 1959 года бывшего инспектора Ленинградской духовной академии протоиерея Александра Осипова, впоследствии занимавшего «должность сотрудника Музея истории религии и атеизма в Ленинграде» [18].

В Белгородской области также имели место случаи отречения от Церкви. Так, бывший настоятель Успенского храма п. Волоковка протоиерей Николай Русанов опубликовал статью «Рвите пути церковные» в газете «Белгородская правда» от 6 октября 1961 года. В ней Н. Русанов обращается к правящему архиерею Курско-Белгородской епархии епископу Леониду с призывом последовать примеру А. А. Осипова и порвать с религией. «...Я твёрдо убеждён, – пишет он, – что епископ Леонид, врач и инженер химик, мог бы принести немалую подлинную, а не мнимую пользу своему народу...» [16].

В 1961–1962 гг. в СССР была проведена кампания по борьбе с распространением религиозных взглядов среди молодёжи и детей. В рамках этой кампании представителями как государственных органов, так и общественности были проведены мероприятия по атеистическому просвещению. Представители Совета по делам Русской Православной Церкви также принимали участие в этой кампании, однако их роль была ограничена, так как официально Русская Православная Церковь была запрещена в СССР. В рамках кампании проводились лекции, семинары, дискуссии и другие мероприятия, на которых раскрывались «заблуждения» религии и пропагандировалось атеистическое мировоззрение. Также были созданы специальные атеистические клубы и кружки, которые занимались изучением научной литературы и проводили дебаты на тему религии и атеизма. Но, как и в другие периоды истории СССР, не все люди поддерживали атеистическую пропаганду. Некоторые люди продолжали исповедовать свою религию втайне, а другие выступали против атеистической пропаганды и защищали право на свободу вероисповедания.

В дебатах на тему религии и атеизма в СССР использовались различные аргументы. Основными аргументами, которые приводились в пользу атеизма, был научный метод и научное знание как единственно достоверный способ познания мира. Рассматривался тезис о том, что религия создаёт ложные представления о мире, не соответствующие научным знаниям, и является инструментом угнетения и контроля над людьми. Также отмечали, что религия создает иллюзию о существовании вымышленных богов и мира загробного, что отвлекает людей от реальной жизни и занимает время и ресурсы, которые могли бы быть использованы для развития науки и технологии, а религия противоречит научному прогрессу и становится устаревшей в условиях современного мира.

В свою очередь, сторонники религии приводили аргументы о том, что религия обеспечивает моральный и духовный опорный пункт для людей, помогает им преодолевать жизненные трудности и находить смысл жизни и всё же не противоречит научному знанию, а дополняет его, обеспечивая более широкий и глубокий взгляд на мир; что религия не является инструментом угнетения, а, наоборот, проповедует равенство людей перед Богом и общечеловеческие ценности. Также религия даёт людям надежду на существование жизни после смерти, что помогает преодолеть страх перед смертью и утешиться в трудные моменты жизни. Важным фактором был и тот тезис, что религия не устарела, а, наоборот, остаётся актуальной в условиях современного мира, так как люди все еще ищут ответы на вопросы о смысле жизни и своем месте в мире [13].

В Белгородской области Совет по делам РПЦ возник решением исполкома облсовета депутатов трудящихся от 17 ноября 1960 года. Эти группы представляли собой объединения граждан, в основном членов КПСС и комсомольцев, реже беспартийных, численностью в среднем по семь человек на район, а в исключительных случаях до 56 [3]. Основной целью их создания во всех районах области была разъяснительная работа

среди верующих. Уполномоченный Совета по делам РПЦ в Белгородской области А. Сорочкин в докладной записке своему руководству излагает основные установки и принципы, которым должны следовать все ее участники. Вот несколько примеров таких инструкций: «...по нашему мнению, члены этих групп должны вести наблюдения за деятельностью церквей, т. е. изучать состав верующих, посещающих службы в церквях и характер проповедей служителей культа и проповедников, как часто они выступают и чему призывают».

Изучать состав обслуживающего персонала (сторожа, уборщицы, счетные работники и др.) не привлекаются ли к прислуживанию несовершеннолетние дети. Кто поет в певческих хорах...

Изучать церковный актив (членов исполнительных органов и членов двадцатки).

Выявлять незаконные действия церковников и принимать необходимые меры к их пресечению через исполкомы местных советов (сборы незарегистрированных сектантов, благотворительность, миссионерская работа служителей культа и т. п.)...» [6, Л. 83].

Данную работу группы содействия должны были выполнять в контакте с районными и сельскими советами, на которые и был возложен первичный надзор за деятельностью религиозных обществ. Всё это, по мнению уполномоченного Сорочкина, способствовало «снижению влияния церкви, снижению материальной поддержки церкви со стороны верующего населения. И, в конце концов должно привести к отходу населения от церкви, к сокращению их числа» [6, Л. 83].

Сорочкин считал, что уменьшению числа крещений должно было способствовать осуждение родителей младенцев и их крестных со стороны местных отделений компартии и комсомола, «чтобы каждый случай крещения младенца или взрослого в селе был достоянием партийной и комсомольской организации» [6, Л. 68].

В 1962 году был принят ряд мер по сокращению религиозных обрядов среди населения. При совершении крещения ребенка

запрещалось брать несовершеннолетних крестными родителями, а также необходимо было представить свидетельство о рождении, паспорта отца и матери. Сведения о крещенных и браковенчавшихся заносятся в специальные учетные книги. Для совершения таинств требовалось письменное согласие родителей и их личное участие [13]. Так, во исполнение данных постановлений на заседании церковного совета Иоасафовского кафедрального собора г. Белгорода от 1 января 1963 года было инициировано решение, вносившее значительные корректировки, вопреки многовековым церковным традициям. К примеру, священникам Иоасафовского собора стоило воздерживаться от причастия детей школьного возраста, пришедших без родителей и самостоятельно. Дети, пришедшие с родителями и желающие причаститься, должны быть допущены ко причастию. Крещение детей в храме разрешалось совершать только по воскресеньям с 8:00 до 13:00 с предъявлением необходимых документов, удостоверяющих личность ребенка и родителей, и только с их согласия. Однако упоминалось, что «исключение для крещения в любое время составляют больные дети...» [3, Л. 135].

Апогеем антирелигиозной кампании в Белгороде в 1962 году стало закрытие Спасо-Преображенского кафедрального собора. Большую роль в этом событии сыграли комсомольцы. В жалобе верующих на имя Святейшего Патриарха упоминается тот факт, что студенты педагогического института собирали подписи населения в поддержку закрытия. «Коллективы 43-х организаций города поддержали инициативу и оформлены подписи за закрытие церкви. Всего подписалось 10 031 человек...» [4, Л. 201].

«Закрытие Спасо-Преображенского собора по своим масштабам было беспрецедентным событием в новейшей истории жизни города Белгорода» [18]. Информацию, проливающую свет на участников мероприятия, можно почерпнуть из отчетно-информационного доклада уполномоченного Совета по делам РПЦ А. Сорочкина в штаб-

квартиру совета в Москве:

«...В церковный совет быв. Преображенского собора, не без нашего участия, была избрана пенсионерка Мигулина, которая правильно реализовала все наши рекомендации в период подготовки к закрытию. Отстранив духовенство от финансово-хозяйственной деятельности, она изгнала из церкви всех воров и фанатиков. А после объявления о закрытии собора Мигулина организовала за счет церкви вывоз всего культового имущества, затем наняв специалистов срезала с куполов кресты и произвела необходимый ремонт помещения. Но самое, пожалуй, примечательное было то, что изъятие произошло организовано, без шума и жалоб со стороны верующих...» [7, Л. 5–6].

Епископ Курский и Белгородский Леонид (Поляков) обещал уполномоченному в беседах с верующими способствовать переводу собора. По его словам, двое из четырех священников, наиболее активные, уже переведены в другие церкви, чтобы исключить их контакты с верующими [5].

Гонения на верующих и священнослужителей РПЦ в 1953–1964 гг. ассоциировались с личностью Н. С. Хрущева. Авторитет первого секретаря ЦК и его ближайшего окружения в народе быстро падал, в том числе и из-за его антицерковных авантюр. Так, 14 октября 1964 года, когда Хрущев был снят со всех постов на пленуме ЦК КПСС, миллионы последователей вздохнули с облегчением, надеясь на смягчение курса. Стоит заметить, что чаяния мирян и духовенства оправдались лишь частично, и хотя атеистическая пропагандистская машина замедлилась, антирелигиозная идеология коммунистической партии осталась, а изменились лишь методы и интенсивность борьбы с религией в СССР [19, С. 389].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период с 1953 по 1964 г. в СССР проводилась активная атеистическая пропаганда, направленная на уничтожение религиозных верований. Эта пропаганда была особенно

яркой в период правления Никиты Хрущева (1953–1964 гг.), который проводил политику «развития науки и культуры» и активно боролся с религиозным фанатизмом. В рамках этой политики был создан специальный орган – антирелигиозная комиссия, которая занималась борьбой с религиозными организациями и их последователями. В рамках этой борьбы проводились атеистические кампании, в которых активно пропагандировались научные знания и идеи, а также критиковалось религиозное верование как «общественно вредное» явление. Влияние этой атеистической пропаганды на внутрицерковную жизнь Белгородской области было существенным. В тот период многие люди отказывались от религии и становились атеистами. Кроме того, многие церкви были закрыты, а Католическая и Протестантская церкви были запрещены. Тем не менее, несмотря на это, некоторые верующие продолжали исповедовать свою веру втайне, недовольство атеистической пропагандой приводило к тому, что многие люди стали еще более укреплять свою веру. В конце концов, после распада СССР в 1991 году религиозные организации начали возвращаться в Белгородскую область, и сегодня там снова действует множество церквей и монастырей.

Библиография / References:

1. Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Р-1179. Оп. 2. Ед. хр. 1.
2. Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Р-1179. Оп. 2. Ед. хр. 12.
3. Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Р-1179. Оп. 3. Ед. хр. 14.
4. Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. р-140. Оп. 1. Ед. хр. 1.
5. Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. р-1179. Оп. 1. Ед. хр. 16.
6. Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. р-1179. Оп. 2. Ед. хр. 2.
7. Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. р-1179. Оп. 2. Ед. хр. 10.
8. Грищенко Ю. Ватикан – гнездо мракобесия // Белгородская правда. – 1953. – № 144. – С. 3.

9. Искоренить недостатки в идеологической работе // Белгородская правда. – 1954. – № 162. – С.1.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988) // КПСС; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. – 9-е изд., доп. и испр. – М., 1983–1990. – Т. 8. – 542 с.
11. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <http://hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm#10> (дата обращения: 12.12.2022).
12. Макарова Д.Ю. Атеистическая пропаганда в СССР в 1954–1964 годах (на материалах Курской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2013. – Т. 3. – С. 33–39.
13. Марченко А. Религиозная политика Советского государства в годы правления Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. – М.: Издательство Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2010. – 330 с.
14. Митрофанов Георгий, прот. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении. – М.: Практика, 2021. – 528 с.
15. О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы в обществе // Белгородская правда. – 1954. – № 178. – С. 1.
16. Русанов Н. Рвите пути церковные // Белгородская правда. – 1961. – № 241. – С. 4.
17. Сталин И.В. Беседа с первой американской рабочей делегацией // Петролекс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <http://petroleks.ru/stalin/10-2.php> (дата обращения: 12.12.2022).
18. Тарасов В. Атеистическая пропаганда в Белгородской области в 1953–1964 гг. // Труды Белгородской духовной семинарии. – 2016. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30767891_32174203.pdf (дата обращения: 13.12.2022).
19. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. – 400 с.
1. Gosudarstvennyy arkhiv Belgorodskoy oblasti [State Archive of the Belgorod Region] (GABO), R-1179. Op.2 Yed.khr. 1. (In Russ.).
2. Gosudarstvennyy arkhiv Belgorodskoy oblasti (GABO), R-1179. Op.2 Yed.khr. 12. (In Russ.).
3. Gosudarstvennyy arkhiv Belgorodskoy oblasti (GABO), R-1179. Op.3. Yed.khr. 14. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Belgorodskoy oblasti (GABO), F.r-140. Op.1. Yed.khr.1. (In Russ.).
5. Gosudarstvennyy arkhiv Belgorodskoy oblasti (GABO), F.r-1179. Op.1. Yed.khr.16. (In Russ.).
6. Gosudarstvennyy arkhiv Belgorodskoy oblasti (GABO), F.r-1179. Op.2. Yed.khr.2. (In Russ.).
7. Gosudarstvennyy arkhiv Belgorodskoy oblasti (GABO), F.r-1179. Op.2. Yed.khr.10. (In Russ.).
8. Grishchenko YU. Vatikan – gnezdo mrakobesiya [Vatican – a nest of obscurantism] // Belgorodskaya Pravda. – 1953. – №144. – S.3. (In Russ.).
9. Iskorenit' nedostatki v ideologicheskoy rabote [Eradicate shortcomings in ideological work] // Belgorodskaya Pravda. – Belgorod, 1954. – №162. – S.1. (In Russ.).
10. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezdov, konferentsiy i Plenu-mov TSK (1898-1988) [The Communist Party of the Soviet Union in the resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898-1988)] // KPSS; Institut Marksizma-Leninizma pri TSK KPSS; pod obshch. red. A.G. Yegorova, K.M. Bogolyu-bova. – 9-ye izd., dop. i ispr. – M.,

1983–1990. – Т.8. – 542s. (In Russ.).

11. Konstitutsiya (osnovnoy zakon) Soyuzu sovetskikh sotsialisticheskikh respublik [Constitution (basic law) of the Union of Soviet Socialist Republics] // Is-toricheskii fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: <http://hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm#10> (data obrashcheniya 12.12.2022). (In Russ.).

12. Makarova D.YU. Ateisticheskaya propaganda v SSSR v 1954-1964 godakh (na materialakh Kurskoy oblasti) [Atheistic propaganda in the USSR in 1954-1964 (on the materials of the Kursk region)] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. – Saratov: Saratovskiy natsional'nyy issledovatel'skiy gosudarstvennyy universitet im. N.G. Chernyshevskogo, 2013. – Т. 3. – S.33-39. (In Russ.).

13. Marchenko A. Religioznaya politika sovetского gosudarstva v gody pravleniya Khrushcheva i yeye vliyaniye na tserkovnuyu zhizn' v SSSR [Religious policy of the Soviet state during the years of Khrushchev's rule and its impact on church life in the USSR]. – M.: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya; Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii, 2010. – 330s. (In Russ.).

14. Mitrofanov Georgiy, prot. Ocherki po istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi KHKH veka. Tserkov' v gonanii. Tserkov' v plenenii [Essays on the history of the Russian Orthodox Church of the twentieth century. The Church is in persecution. The Church is in captivity]. – M.: Praktika, 2021. – 528s. (In Russ.).

15. O sostoyanii i merakh uluchsheniya massovo-politicheskoy raboty v obshchestve [On the state and measures to improve mass-political work in society] // Belgorodskaya Pravda. – 1954. – № 178. – S.1. (In Russ.).

16. Rusanov N. Rvite puty tserkovnyye [Tear the fetters of the church] // Belgorodskaya Pravda. – 1961. – № 241. – S.4. (In Russ.).

17. Stalin I.V. Beseda s pervoy amerikanskoy rabochey delegatsiyey [Conversation with the first American working delegation] // Petroleks. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa

svobodnyy. – URL: <http://petroleks.ru/stalin/10-2.php> (data obrashcheniya 12.12.2022). (In Russ.).

18. Tarasov V. Ateisticheskaya propaganda v Belgorodskoy oblasti v 1953-1964 gg. [Atheistic propaganda in the Belgorod region in 1953-1964] // Trudy Belgorodskoy du-khovnoy seminarii. 2016. №4. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30767891_32174203.pdf (data obrashcheniya: 13.12.2022). (In Russ.).

19. Shkarovskiy M.V. Russkaya pravoslav-naya tserkov' pri Staline i Khrushcheve: Gosudarstvenno-tserkovnyye ot-nosheniya v SSSR v 1939-1964 godakh [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: Church-State Relations in the USSR in 1939-1964]. – M.: Krutitskoye Patriarsheye Podvor'ye, 1999. – 400 s. (In Russ.).

ЦЫБАКОВА Ольга Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: zaslonskaya11@mail.ru, AuthorID: 662393

TSYBAKOVA O.V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign and Russian Languages, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. (Russian Federation, Orel), e-mail: zaslonskaya11@mail.ru

РЕФОРМЫ РККА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО ПРАВА В ПЕРИОД 1920–1930-Х ГГ.

THE REFORMS OF THE RED ARMY AND THEIR IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF SOVIET MILITARY LAW IN THE 1920s-1930s.

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в анализе влияния реформирования Вооруженных сил СССР периода 1920–1930-х гг. на развитие военно-правовой отрасли советской юриспруденции. Посредством применения исторического и сравнительного методов автор проводит исследование развития военного законодательства на этапах новой экономической политики и индустриализации. Определяются основные направления преобразования военной организации, которые трактуются как источник трансформации военного права Советского Союза в период между двумя мировыми войнами. Обращается внимание на предопределенность законотворческого процесса идейно-политическими принципами и общим политическим дискурсом развития общественно-политических отношений в СССР в условиях интенсивной внутрипартийной борьбы на рубеже 1920–1930-х гг. На основе изучения текстов ряда нормативных актов, прежде всего Законов об обязательной военной службе 1925, 1928 и 1930 гг., автор формулирует вывод о наличии тесной взаимосвязи между изменением доктринальных установок советского руководства и корректировкой юридических норм, определяющих порядок и условия прохождения военной службы в Рабоче-крестьянской Красной армии. Резюмируется, что в условиях монополии большевистской партии на власть военное право не только выступало инструментом поддержания воинской дисциплины и боевой готовности вооруженных сил. Оно также выполняло более широкие функции, обеспечивая идеологический контроль над военной организацией государства и являясь регулятором социальных отношений в советском обществе. Изучена трансформация военно-правовой отрасли по мере отказа правящей элиты от радикального курса на инициирование мировой революции и перехода к построению социалистической государственности в отдельной стране.

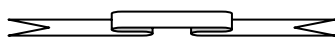
Ключевые слова: рабоче-крестьянская Красная армия, военная реформа, военное право, М.В. Фрунзе, Революционный военный совет, Народный комиссариат по военным и морским делам, обязательная военная служба.

Abstract. The purpose of this study is to analyze the impact of the reform of the Armed forces of the USSR during the 1920s-1930s on the development of the military-legal branch of the Soviet state.

Both historical and comparative methods are used to study the development of military legislation at the stages of the "new economic policy" and industrialization. The main directions of the transformation of the military organization are determined, which are interpreted as a source of transformation of the military law of the Soviet Union in the period between the two world wars. Attention is drawn to the pre-determination of the legislative process by ideological and political principles and the general political discourse of the development of socio-political relations in the USSR in the conditions of intense intra-party struggle at the turn of the 1920s-1930s. The study is based on the texts of a number of normative acts, primarily the Laws on Compulsory Military Service of 1925, 1928 and 1930.

As result, the author comes to the conclusion that there is a close relationship between the change in the doctrinal attitudes of the Soviet leadership and the adjustment of legal norms defining the order and conditions of military service in the Workers' and Peasants' Red Army. It is summarized that under the conditions of the monopoly on power of the Bolshevik Party, military law not only acted as an instrument for maintaining military discipline and combat readiness of the armed forces, but also performed broader functions, providing ideological control over the military organization of the state and being a regulator of social relations in Soviet society. The transformation of the military-legal branch is emphasized as the ruling elite abandons the radical course of initiating a world revolution and moves to building a socialist statehood.

Keywords: workers' and Peasants' Red Army, military reform, military law, M.V. Frunze, Revolutionary Military Council, People's Commissariat for Military and Naval Affairs, compulsory military service.

ВВЕДЕНИЕ

После официально объявленного окончания Гражданской войны 1918–1922 гг. в развитии советского военного права наблюдается новый, весьма противоречивый по своему содержанию и характеру исторический этап. С одной стороны, военно-правовая отрасль продолжала оставаться починенной потребностям марксистско-ленинской идеологии, стратегической целью которой выступала организация мировой пролетарской революции и построения коммунистического общества. С другой стороны, была отодвинута прямая угроза суверенитету социалистического государства, что позволило отказаться от чрезвычайных мер по обеспечению боевой готовности Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и приступить к рациональному реформированию военного законодательства.

Новый этап развития советского военного права необходимо связать с проведением масштабной модернизации социально-экономической системы СССР на рубеже 1920–1930-х гг. [1, С. 5]. Формирование отечественного оборонно-промышленного комплекса побудило рассмотреть вопрос о реорганизации значительной части индустриального производства на военных началах. Предусматривалось привлечение квалифицированных кадров в область военной индустрии без нанесения ущерба мобилизационному потенциалу страны, наряду с чем интенсивная «культурная революция» привела к повышению качества призываемого контингента из числа молодежи, что сопрягалось с возрастающей потребностью РККА в квалифицированных командных кадрах.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕФОРМ РККА ПО ОКОНЧАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Прежде всего, преобразования затронули управленческие аспекты деятельности Вооруженных сил СССР. 12 ноября 1923 года было опубликовано совместное постановление Цен-

трального исполнительного комитета ВКП(б) и советского правительства, которое утверждало Положение о военном ведомстве Советского Союза – Народном комиссариате по военным и морским делам.

Обратим внимание на произошедшее в 1923 году уточнение и конкретизацию функций Революционного военного совета (РВС) страны, который был образован ещё в РСФСР под названием «Высший военный совет» в период тяжелой военной угрозы в марте 1918 года; аналогичные органы во время Гражданской войны были продублированы на уровне фронтовых и армейских объединений и РККА [2, С. 25]. Под руководством реввоенсоветов советские вооруженные формирования оперативного и стратегического масштабов оказались эффективнее своих противников из рядов Белого движения и националистических и повстанческих группировок, поскольку через возможности РВС республики, фронтов, флотов и армий обеспечивалась интеграция функций собственно военно-стратегического, идеологического и административного управления. Стратегической задачей реввоенсоветов выступала централизация управления не только военно-стратегическими, но и иными ресурсами. Достаточно напомнить, что в подчинении РВС фронтов находились штаб, революционный трибунал, политический отдел, контрразведка, службы санитарной помощи и материального снабжения.

Особенно следует выделить политико-идеологическую функцию революционных военных советов. В состав РВС входили командующий и несколько комиссаров, главную роль среди которых исполняли делегированные центральным партийным руководством члены ЦК коммунистической партии. Именно реввоенсоветы взяли на себя организацию института политических представителей большевистской партии в РККА – комиссаров, политических бойцов, политических руководителей, позднее передав часть идеологических функций Главному политическому управлению Красной армии.

Характерно, что до 1921 года именно

Реввоенсовету РСФСР подчинялся основной орган планирования военных операций РККА – Полевой штаб. Параллельно ему в 1919–1921 гг. действовал еще и Всероссийский главный штаб РВС, замыкавшийся на Народный комиссариат по военным и морским делам. В 1919 году оба органа военного управления и планирования были реорганизованы в единую структуру – Штаб Рабоче-крестьянской Красной армии, будущий Генеральный штаб РККА.

Постановлением 1923 года учреждался кадровый состав РВС, который утверждался Советом народных комиссаров СССР. В него входили нарком по военным и морским делам в качестве председателя РВС, его заместители и главнокомандующие видами войск, а также члены, кандидатуры которых утверждались советским правительством [8; 7]. Назначение народного комиссара по военным и морским делам также отводилось к компетенции Совета народных комиссаров СССР.

Впервые за отечественную историю советский законодатель учредил новый вид военной службы, которая стала именоваться службой пограничной охраны. Для укрепления правового статуса пограничных войск ГПУ – ОГПУ 7 сентября 1923 года от имени ЦИК СССР было издано Положение об охране границы СССР, которое действовало до учреждения нового аналогичного документа, принятого в 1927 году. Пограничные войска окончательно закреплялись за сферой ответственности особых отделов ГПУ, ОГПУ [10].

Реформа РККА, предпринятая по инициативе нового наркома М. В. Фрунзе в течение 1924–1925 гг., основывалась на плане мероприятий, который был разработан не официальными государственными институтами – ВЦИК или Советом народных комиссаров, а принадлежал авторству высшего партийного руководства. Его разрабатывала военная комиссия ЦК совместно с Реввоенсоветом СССР для последующего утверждения Центральным комитетом коммунистической партии, что состоялось 6 марта 1924 года.

Помимо правового закрепления организа-

ционной структуры военной организации СССР, советское военное право уделяло основное внимание кадровому обеспечению вооруженных сил. В 1922–1925 гг. был принят ряд декретов Всесоюзного исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР, а затем общесоюзных законов, которыми устанавливались порядок и сроки призыва граждан на военную службу [5].

Призывной возраст, будучи определен в 21 год, в 1925 году, согласно вновь принятому закону СССР, был понижен до 19 лет. С этого времени устанавливалась обязательная военная служба, причем военнообязанными считались мужчины в возрасте 19–40 лет. В соответствии с официальной идеологией подтверждалось, что к обороне страны с оружием в руках могли допускаться исключительно трудящиеся. На другие социальные группы, которые именовались в Законе «Об обязательной военной службе» «нетрудовыми элементами», возлагались иные военные обязанности. К военной обязательной службе, согласно законодательству, относились такие формы, как допризывная подготовка, действительная военная служба и пребывание в запасе.

Проходить службу военнообязанные могли, будучи призванными либо в кадровые части, либо в территориально-милиционные формирования. В Рабоче-крестьянском Красном флоте и морских пограничных частях срок службы назначался в четыре года, которые дополнялись годовым отпуском. В РККА срок действительной службы определялся в два года при двухгодичном долгосрочном отпуске. В Рабоче-крестьянском Красном воздушном флоте служить по призыву полагалось три года с пребыванием в долгосрочном отпуске в течение двух лет. Для территориально-милиционного компонента вооруженных сил вводился пятилетний срок действительной службы, однако большая часть из него приходилась на пребывание в отпуске, который прерывался 2–8-месячными сборами, продолжительность которых варьировалась в зависимости от конкретного рода войск [6].

В январе 1925 года для управления терри-

ториальными войсками были учреждены местные органы военной организации государства [3, С. 340]. Они создавались при исполнительных комитетах областных, районных и поселковых советов. Структуру управления милиционными формированиями представляли корпусные, дивизионные и губернские учреждения, подчиненные командующим военными округами. Территориальные части и соединения относились к стрелковому и кавалерийскому войску и комплектовались как кадровым составом (до 20 % численности), так и из приписанного к ним мужского населения административно-территориальных единиц.

Исследователями отмечается заметное влияние на военное законодательство СССР начала 1920-х гг. нормативных актов, опубликованных еще в эпоху Российской империи, в первую очередь Устава о воинской повинности 1874 года. Как и столетия назад, декреты советского времени предусматривали способ жеребьевки при отборе призывников, а также предоставление льгот в зависимости от семейного положения. Решение об отмене жеребьевки могло приниматься главой военного ведомства – народным комиссаром по военным и морским делам.

Другим направлением военной реформы стало учреждение единоначалия в частях и соединениях Красной армии. 2 марта 1925 года наркомом по военным и морским делам был издан приказ от имени Революционного военного совета № 234. Согласно его положениям вводились две формы единоначалия: полное и неполное. В первом случае учитывалось пребывание командира воинской части или соединения в рядах ВКП(б). При таком положении политический комиссар не назначался, будучи заменяемым помощником командира по политической части. Неполное единоначалие распространялось на части и соединения, возглавляемые беспартийными воинскими начальниками, и предусматривало сохранение должности комиссара, который нес ответственность за ведение партийной и политической работы. В этот же период приказами Реввоенсовета были введены в действие уставы всех родов войск и видов службы –

внутренней, гарнизонной, корабельной службы, Дисциплинарный устав.

РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ПРАВА В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

Судьбоносный характер для обороны страны носили преобразования, пришедшие на середину 1930-х годов. В июне 1934 года упраздняется Революционный военный совет СССР, существовавший с 1918 года. Он был замещен совещательным Военным советом при наркоме обороны. Народный комиссариат обороны заменил собой прежний комиссариат по военным и морским делам. Тем самым был сделан еще один шаг к упрочению централизации и единоначалия в области военного строительства и оборонной политики Советского государства. Отражением происходящих изменений стали законы СССР об обязательной военной службе, которые были приняты 8 августа 1928-го и 13 августа 1930 года.

Согласно первому из названных нормативных актов конкретизировались военно-служебные отношения в рядах регулярной армии и военно-морского флота и определялись новые временные периоды состояния на обязательной военной службе [4, С. 289]. Главным новшеством следует признать изменение возрастных порогов призыва на военную службу, которые теперь устанавливались в рамках от 21 года до 30 лет. Кроме того, устанавливался единый срок действительной военной службы, который теперь предусматривал пятилетнее пребывание в военных рядах. В нее по-прежнему входило нахождение в строевых частях, призыв на сборы, а также прохождение службы вневойсковым способом и в период пребывания в долгосрочном отпуске. Допризывная подготовка, как и ранее, оставалась неотъемлемой частью обязательной военной службы и должна была начинаться по достижении призывником 19 лет.

В законодательстве закреплялась интеграция местных органов советской власти в структуру военной организации государства. Так, исполнительные комитеты советов признавались административным звеном милиционного

компонента вооруженных сил. Именно они отвечали за проведение ежегодных призывов, а также призывов, объявляемых при мобилизации; руководили проведением всех видов военных сборов; осуществляли воинский учет.

Многие аспекты деятельности вооруженных сил вводились в сферу правового регулирования впервые: определялся порядок добровольного поступления в ряды РККА как мужчин, так и женщин, причем последние могли подлежать обязательному призыву в военное время для несения «специальной службы». Официально учреждался статус красноармейцев и краснофлотцев с принесением ими обязательного обещания о честной службе (аналог присяги), вводилось четкое разграничение между рядовым и начальствующим составом регулярной армии и военно-морского флота [5, С. 305]. Последний также юридически подразделялся на разряды по степени подготовки, где выделялись высший, старший, средний, младший командный состав. По видам службы выделялся командный, политический, административный, медицинский и ветеринарный состав советских командиров.

Впервые определялся статус курсантов военных училищ и слушателей военных школ, пребывание которых в военно-учебных заведениях приравнивалось к действительной службе.

Также впервые в истории регулировался порядок привлечения к обороне страны категорий населения, законодательно относимых к социально опасным для существующего политического режима элементам. К последним были причислены «нетрудовые элементы», известные еще по нормативным актам 1918–1925 гг., а также лица, лишенные избирательных прав. Для обеих названных категорий предусматривалось зачисление в тыловое ополчение в случае наступления военного времени.

К 1928 году, когда принимался рассматриваемый нормативный акт, круг граждан, не имевших возможность избрать и быть избранными, охватывал выходцев из прежних господствующих сословий дореволюционной Рос-

сии и зажиточных крестьян, использовавших наемный труд, а также держателей мелкого и среднего капитала, известных в обиходе как «нэпманы». Всех вместе лиц, лишенных избирательных прав, по стране насчитывалось не более 10 % от общего числа населения. Поэтому отстранение указанной категории от исполнения воинской обязанности не несло ощутимого ущерба оборонному потенциалу государства.

Ситуация изменится после событий «великого перелома» 1929–1930 гг., когда данный разряд стал включать в себя преимущественно крестьян, уклонявшихся от вступления в колхозы или сопротивлявшихся массовой коллективизации.

Предусматривалась возможность освобождения от службы в армии этнических сообществ, проживающих в национальных автономиях. Конкретный порядок этого возлагался на наркома обороны и руководство союзных и автономных республик, итогом чего стал фактический отказ от военной подготовки для большинства национальностей Закавказья и Средней Азии. Основанием для подобных действий явились низкий культурный и образовательный уровень уроженцев названных регионов и недостаточное знание ими грамоты и русского языка. Также допускалось освобождение от призыва приверженцев некоторых религиозных учений и сект.

Спустя два года на пике процессов форсированной модернизации принимается закон СССР об обязательной военной службе от 13 августа 1930 года. Как и ранее, данный нормативный акт издавался от имени сразу двух субъектов законодательной инициативы – Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР. Действительная служба в вооруженных силах как основная часть обязательной службы по-прежнему могла реализовываться в трех формах, но теперь её главный вид именовался непрерывной/срочной службой в рядах РККА; ее дополняли пребывание в долгосрочном отпуске и нахождение на учебных сборах во время отпускного времени.

С 1930 года, то есть со времени формирования советской оборонной промышленности, вводилась в качестве новой разновидности действительной службы служба без отрыва от производства. Она вводилась в статье 16 закона от 1930 года и именовалась военно-производственной службой. Во время ее прохождения предусматривалась обязательная боевая подготовка, помимо чего военнослужащие-производственники, так же как обычные солдаты и младшие командиры, могли направляться на учебные сборы и в долгосрочный отпуск.

Характерно, что для студентов вузов, а также выпускников техникумов, рабочих факультетов допризывная подготовка была заменена высшей вневойсковой подготовкой, прохождение которой позволяло быть зачисленным в ряды командиров Красной армии, пребывающих в запасе.

Весьма развернуто в новом законе описывался порядок зачисления в тыловое ополчение и прохождения службы в данном компоненте военной организации. Как и ранее, тыловое ополчение предназначалось для замены военной службы для потенциально враждебных советской власти категорий граждан. Помимо лиц, лишенных избирательных прав, после 1930 года возможности поступления в ряды регулярной армии лишились и представители некоторых категорий, по своему социальному происхождению формально не относимых к «нетрудовым элементам». Основной критерий для отказа от призыва в ряды РККА и направления в тыловое ополчение – это наличие уголовного, административного или даже дисциплинарного преследования.

Среди таковых главную роль играло осуждение по статьям Положения о преступлениях государственных от 1927 года, в которых излагались основания ответственности для участников контрреволюционных выступлений и совершивших деликты против порядка управления, то есть участвовавших в актах саботажа и массовых беспорядках. Также служба в армии возбранялась для осужденных за иные преступления, если ответственность была связана с поражением политических прав; для сосланных и высланных с места постоянного

жительства в судебном или административном порядке; для уволенных с государственной службы из-за непрохождения проверочных комиссий (так называемых чисток), которые периодически проводились в партийных организациях и по месту работы граждан в 1920–1930-е гг. Предусматривался также перевод военнослужащих, включая и все разряды командного состава, в ряды тылового ополчения, если таковые оказывались в сфере действия соответствующих правовых норм.

В случае если тыловое ополчение не создавалось, то пребывание в нём могло заменяться выплатой особого налога, доходы от которого должны были направляться на оказание помощи военным инвалидам и семьям погибших красноармейцев.

Первая половина 1930-х гг. отмечена военными реформами, нацеленными в первую очередь на повышение статуса и профессиональной, и идеологической подготовки командного состава РККА. В данном контексте следует расценивать постановление ЦК ВКП(б) от 5 июня 1931 года, посвященное подготовке командного и политического состава РККА. В нём предписывалось в кратчайшие сроки повысить уровень военно-технической подготовки красных командиров и политработников, помимо чего приоритетами подготовки командного состава называлось воспитание безусловной преданности «пролетарской диктатуре» и «классовой непримиримости». Объявлялась партийная мобилизация для учебы в военных школах, где готовились командиры для наиболее современных родов войск – авиации, танковых войск и артиллерии, в которые предписывалось направлять абитуриентов не ниже, чем с семилетним средним образованием. Одновременно расширялась структура военнополитических учебных заведений, многие из которых преобразовывались в военнополитические школы.

Следующей мерой в этом направлении стало совместное решение ЦИК и СНК СССР, которым 22 сентября 1935 года утверждалось Положение о командном и начальствующем составе Красной армии [9]. Названный нормативный акт четко регламентировал порядок

замещения командных должностей, конкретизировал виды военной службы для советских командиров и военачальников. Разряды командного состава были количественно увеличены по сравнению с предшествующим периодом и включали в себя следующие виды: командный, военно-политический, военно-технический, военно-хозяйственный и административный, военно-медицинский и военно-ветеринарный, военно-юридический состав.

Впервые учреждалась система воинских званий, которые дополнили собой воинские должности, существовавшие еще со времени Гражданской войны. Собственная система воинских званий вводилась по всем девяти типам начальствующего состава. Высшим званием Вооруженных сил СССР стало маршальское. Одновременно были введены воинские специальные знаки отличия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка произошедших изменений показывает, что военно-правовая отрасль СССР в период 1920–1930-х гг. являлась действенным инструментом военного реформирования РККА. Будучи подчинено принципам классового подхода и коммунистической идеологии, военное право СССР на деле выступало регулятором военно-служебных отношений в рядах Красной армии и существенно влияло на социально-классовую структуру и политическую систему советского общества. Изменения становились всё более нацелены на ограничения последствий «революционного романтизма» периода первых лет становления РККА, когда армия рассматривалась лидерами большевиков в первую очередь не как государственный институт, а как авангард мирового революционного движения. Постепенно стал намечаться отход от пренебрежения воинскими традициями старой русской армии, характерный для 1917 – конца 1920-х гг. В последующем с приближением Второй мировой войны и нарастанием военной угрозы именно военно-правовая отрасль была использована для дальнейшей модернизации военной организации и подготовки советского социума к эпохе глобального военно-политического противоборства.

Библиография / References:

1. Антошин А.М. Военная реформа 1924–1928 гг. / канд. юрид. наук кап. юстиции А.М. Антошин. – М.: РИОВКА, 1951. – 143 с.
2. Бритов В.В. Рождение Красной армии. – М.: Учпедгиз, 1961. – 280 с.
3. Военная юстиция в России: история и современность / под ред. В.В. Ершова и В.В. Хомчика. – М.: Российский университет правосудия, 2017. – 564 с.
4. Военное право: монография / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина: Т.1: Теория и история военного права. – М: Центр правовых коммуникаций, 2021. – 560 с.
5. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 28 сентября 1922 года «Об обязательной воинской повинности для всех граждан Р.С.Ф.С.Р. мужского пола», Декрет ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1923 года «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся». [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1400.htm?ysclid=lile1ivx3e286063317 (дата обращения: 09.12.2022).
6. Закон об обязательной военной службе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2651.htm?ysclid=lgndkbolrc510499650 (дата обращения: 19.12.2022).
7. Общее положение о народных комиссариатах Союза Советских Социалистических Республик: постановление ЦИК СССР от 12 ноября 1923 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций с иностранными государствами. – 1923. – № 1.
8. Положение о Совете народных комиссаров Союза ССР: постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 12 ноября 1923 года // СУ РСФСР. – 1923. – № 107. – Ст. 1032.
9. Постановление ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 года // СЗ СССР. – 1935. – №57. – Ст. 469.
10. Положение об охране государственных границ Союза ССР: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15 июня 1927 года // СЗ СССР. –

1927. – № 62. – Ст. 625.

11. Реформа в Красной армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.; В 2 кн. Кн. 1. – М.; СПб.: Летний сад, 2006. – 720 с.

1. Antoshin A.M. Voyennaya reforma 1924–1928 gg. [Military reform 1924–1928] / kand. yurid. nauk kap. yustitsii A.M. Antoshin. – М.: RIOVKA, 1951. – 143 s. (In Russ.).

2. Britov V.V. Rozhdeniye Krasnoy Armii [Birth of the Red Army]. – М.: Uchpedgiz, 1961. – 280 s. (In Russ.).

3. Voyennaya yustitsiya v Rossii: istoriya i sovremennost' [Military justice in Russia: history and modernity] / pod red. V.V. Yershova i V.V. Khomchika. – М.: Rossiyskiy universitet pravosudiya, 2017. – 564 s. (In Russ.).

4. Voyennoye pravo: monografiya [Military law: monograph] / pod obshch. red. A.N. Savenkova, A.V. Kudashkina: T.I. Teoriya i istoriya voyennogo prava. – М.: Tsentr pravovykh kommunikatsiy, 2021. – 560 s. (In Russ.).

5. Dekret VTSIK i SNK RSFSR ot 28 sentyabrya 1922 goda «Ob obyazatel'noy voynskoy povinnosti dlya vseh grazhdan R.S.F.S.R. muzhskogo pola [On compulsory military service for all citizens of the R.S.F.S.R. male]», Dekret TSIK i SNK SSSR ot 8 avgusta 1923 goda «Ob organizatsii territorial'nykh voyskovykh chastey i provedenii voyennoy podgotovki trudyashchikhsya [On the organization of territorial military units and the conduct of military training of workers]». [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1400.htm?ysclid=lile1ivx3e286063317 (data obrashcheniya: 09.12.2022). (In Russ.).

6. Zakon ob obyazatel'noy voyennoy sluzhbe [Law on Compulsory Military Service]. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2651.htm?ysclid=lgndkbolrc510499650 (data obrashcheniya: 19.12.2022). (In Russ.).

7. Obshcheye polozheniye o narodnykh komissariatakh Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: postanovleniye TSIK SSSR ot 12 noyabrya 1923 goda [General Regulations on the People's Commissariats of the Union of

Soviet Socialist Republics: Decree of the Central Executive Committee of the USSR of November 12, 1923] // Sbornik deystvuyushchikh dogovorov, soglasheniy i konventsiy s inostrannymi gosudarstvami. – 1923. – №1. (In Russ.).

8. Polozheniye o Sovete Narodnykh Komissarov Soyuz SSSR: postanovleniye TSIK SSSR i SNK SSSR ot 12 noyabrya 1923 goda [Regulations on the Council of People's Commissars of the USSR: Decree of the Central Executive Committee of the USSR and the Council of People's Commissars of the USSR of November 12, 1923] // SU RSFSR. – 1923. – №107. – St. 1032. (In Russ.).

9. Postanovleniye TSIK i SNK SSSR 22 sentyabrya 1935 goda [Decree of the Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the USSR on September 22, 1935] // SZ SSSR. – 1935. – № 57. – St.469. (In Russ.).

10. Postanovleniye TSIK SSSR, SNK SSSR ot 15 iyunya 1927 goda Polozheniye ob okhrane gosudarstvennykh granits Soyuz SSSR [Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of June 15, 1927 Regulations on the protection of the state borders of the USSR: Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of June 15, 1927]: postanovleniye TSIK SSSR, SNK SSSR ot 15 iyunya 1927 goda // SZ SSSR. – 1927. – № 62. – St.625. (In Russ.).

11. Reforma v Krasnoy Armii. Dokumenty i materialy [Reform in the Red Army. Documents and materials]. 1923–1928 gg.; V 2 kn. Кн. 1. – М.; СПб.: Letniy sad, 2006. – 720s. (In Russ.).

АЛЕКСЕЕВ Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт культуры (Россия, Химки), e-mail: ipo1972@mail.ru, AuthorID: 770762

ALEKSEEV S.V., Doctor of History, Professor, Moscow State Institute of Culture (Russian Federation, Khimki), e-mail: ipo1972@mail.ru

**«СКАЗАНИЕ О ХОЛОПЬЕЙ ВОЙНЕ»: ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ
И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ**

**«THE TALE OF THE KHOLOP WAR»: LITERARY HISTORY AND THE PROBLEM OF
HISTORICAL BASIS**

Аннотация. Цель статьи – восстановление литературной истории и попытка определить историческую основу так называемого «Сказания о холопьем войне». Этот сюжет русской исторической словесности позднего Средневековья и раннего Нового времени сохранился в различных сходных, но текстуально прямо не связанных версиях XVI – XVII вв. Наиболее ранней среди них является рассказ немецкого дипломата Сигизмунда Герберштейна, представленный им со ссылкой на новгородскую «летопись». Старейшие известные науке русские версии, однако, относятся к концу XVII в. Это «Сказание о вятчанах» и «Историческое и древнее описание» Т. Каменевича-Рвовского. В статье рассматриваются возможные литературные источники русского сюжета, восходящие к античности, предлагается реконструкция содержания первоначального, известного Герберштейну текста. Происхождение «Сказания», по заключению автора, связано с настроениями новгородской элиты после потери независимости Новгорода в XV в. Вместе с тем сюжет «Сказания» может иметь в основе и элементы устной традиции, восходящей к временам складывания Древнерусского государства.

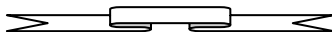
Ключевые слова: древнерусская литература, устная традиция, Новгород, С. Герберштейн, Т. Каменевич-Рвовский, «Сказание о вятчанах», «Сказание о холопьем войне».

Abstract. The purpose of the article is to restore the literary history and to determine the historical basis of the so-called «The Tale of the Kholop War».

This plot of Russian historical literature of the late Middle Ages and Early Modern times has been preserved in various similar, but textually not directly related versions of the 16th-17th centuries. The earliest among them is the story of the German diplomat Siegmund Herberstein; he presented it with reference to the Novgorod Chronicle. The oldest Russian versions known to science, however, date back to the end of the 17th century. These are «The Tale of Vyatka citizens» and «Historical and Ancient Description» by T. Kamenevich-Rvovsky. The article discusses possible literary sources of the Russian plot dating back to antiquity, and proposes a reconstruction of the content of the original text known to Herberstein.

As a result, the author comes to the conclusion that the origin of «The Tale» is linked to how the Novgorod elites feel after the loss of Novgorod's independence in the 15th century. At the same time, the plot of «The Tale» can also be based on elements of an oral tradition dating back to the times of the formation of the Old Russian state.

Keywords: Old Russian literature, oral tradition, Novgorod, S. Herberstein, T. Kamenevich-Rvovsky, The Tale of Vyatka citizens, The Tale of the Kholop War.

ВВЕДЕНИЕ

Из многих примеров из мировой науки о фольклоре, особенно на ее ранних этапах, хорошо известны факторы, искажающие содержание устной традиции при встрече «письменного с устным», ученого, «книжного» знания и неписаной исторической памяти. Практически те же модели, что в донучной и ранне-научной фольклористике, – соединение «ученых» данных с устными (необязательно чисто устными) по происхождению и конструирование книжных легенд – мы видим и в русских книжных сказаниях XVII века, часто характеризующихся как «баснословие». Принципиальное отличие от известных истории фольклористики случаев заключается в полном отсутствии данных о том, как был воспринят автором «устный» компонент. Тем более трудно представить механизмы, социальную среду, обстоятельства передачи преданий, особенно «новых» по сравнению с древними летописями. Всё это неизбежно ведет к скепсису в отношении какой-либо фольклорной и тем более исторической основы подобных текстов. В науке в целом справедливо они оцениваются как баснословные и рассматриваются преимущественно в контексте литературных и политических явлений XVII века.

Но это не тот тезис, на котором следует остановиться. Устные источники, в первую очередь местные топонимические предания, у некоторых из баснословных сказаний имелись. Иногда они выделяются в их составе довольно легко, в том числе (как в известном «Сказании о начале Новгорода») благодаря параллелям с подлинными фольклорными текстами позднейшего периода. Конечно, реальность описываемой эпохи такого рода предания непосредственно отражать не могут. Однако в отдаленной основе их могут лежать и подлинные исторические факты. Каждый из таких случаев заслуживает особого анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Русские версии так называемого «Сказания

о холопьем войне» относятся к концу XVII века и в этом смысле не отличаются от других «баснословных» произведений этого столетия. Однако первая запись основного сюжета имела место почти на 200 лет ранее. Габсбургский дипломат Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Новгороде в 1517 году, в своих «Записках о Московии» (1549 года), описывая город, сообщает среди прочего следующее: «Их летописи повествуют еще, что однажды, когда новгородцы в течение семи лет подряд были заняты тяжелой осадой греческого города Корсуна, их женам наскучило отсутствие мужей, в жизни и возвращении которых они вообще уже сомневались, и они вышли замуж за рабов. Наконец, завоевав город, победители-мужья вернулись с войны, везя с собой {в знак своей победы (в фигурных скобках даны дополнения и наиболее существенные варианты немецкой авторской редакции «Записок», выполненной как перевод с латинской – **С. А.**)} медные ворота покоренного города и большой колокол, который мы сами видели в их соборной церкви, рабы же вознамерились силой не пустить своих господ, на супругах которых они женились {вариант: выступили против своих господ и разбили их в битве}. Тогда господа, возмущенные этим недостойным деянием, отложив по чьему-то совету в сторону оружие, ибо имели дело с рабами, взяли за дубинки и плети {вариант: Тогда, говорят, среди господ нашелся некто, подавший совет сразиться со своими рабами не оружием, а дубинками и плетками; они вспомнят, что всего лишь рабы, убоятся}; устрешенные этим рабы обратились в бегство и, удалившись в некое место {около сорока миль по сю сторону от Москвы (это дополнение отсутствует в обеих редакциях «Записок», но наличествует в пространной немецкой «Автобиографии» Герберштейна, создававшейся примерно в одно время с немецким переводом – **С. А.**)}, которое и поныне еще называется Хлопи-городом, т. е. «крепостью {или городом} рабов» {хотя там нет уже никаких укреплений}, потерпели поражение и понесли от господ заслуженную кару {жены же их повесились}» [1, С. 342–345].

Несколько далее Герберштейн возвращается к этому сюжету, рассказав подробнее о Холопьем Городке на Мологе [1, С. 354/5]. Текст обоих фрагментов «Записок» не оставляет сомнений, что имелся в виду именно этот последний, в XIV – XVI вв. важный торговый центр с запустевшим древним городищем. О заброшенном Холопьем Городке на Волхове, археологическом памятнике IX века к югу от Новгорода, Герберштейн не знал.

Изложение этого сюжета у Герберштейна необычно и отличается от других мест «Записок», основанных на «летописях». Во-первых, известный русский летописный источник у него отсутствует. Во-вторых, прослеживается даже на текстуальном уровне зависимость автора от античных историков – Геродота, изданного в Западной Европе в XV веке, и хорошо известного со Средних веков Юстина. У античных авторов это эпизод из истории скифов, причем немецкая редакция «Записок» особенно зависит от древнего источника. Всё это наводит на предположение, что в данном случае Герберштейн слукавил, выдав за известие новгородской «летописи» собственную фантазию на античном материале.

Но есть аргументы, не позволяющие с этим согласиться. Во-первых, Герберштейн был довольно щепетилен в своих ссылках на источники и научных построениях, и этот случай был бы единственным примером столь явного лукавства. Иногда он дополнял или подменял изложение летописных данных пересказом польских «Анналов» Яна Длугоша, но ведь сам Длугош ссылаясь на русскую летопись. Во-вторых, совершенно неясны побудительные причины подлога. Вероятно, какое-то предание о происхождении названия Холопьяго Городка Герберштейн всё-таки читал или слышал. В-третьих, к новгородским легендам – о Корсунских вратах, о корсунском колоколе – восходит контекст сюжета. Герберштейн, судя по отсутствию дальнейших пояснений, связывал его с захватом Херсонеса при Владимире Святом, о чём отмечал выше.

Уверенность в отсутствии русского источника у основного сюжета исходит в основном

из априорно принимаемого незнакомства новгородцев того времени с античными авторами. Между тем, если «Историю» Геродота на Руси вряд ли знали (хотя имя его как древнегреческого автора было известно по византийским сборникам цитат и афоризмов), то с весьма популярным сочинением Юстина или его сюжетами образованные новгородцы могли ознакомиться на Западе. Но даже и в этом допущении нужды нет, поскольку ещё в XII веке сюжет был позаимствован для своей истории польским хронистом Винцентием Кадлубком. Затем он как часть преданий древней Польши воспроизводился позднейшими авторами до Длугоша включительно. Благодаря этому рассказ о войне с рабами мог попасть на Русь и, в частности, в Новгород как в письменной, так и в устной форме. Здесь, в свою очередь, его могли использовать для литературного оформления какого-то давнего местного предания.

Принятие такого вывода разрешает проблему. Герберштейн, действительно, мог ознакомиться с новгородским письменным источником, содержащим переданный им сюжет. Оpozнав последний как хорошо известный по античным и польским источникам, он не стал задумываться над его достоверностью, а использовал Юстина для «украшения» русского предания подробностями. Наиболее основательно это было произведено уже в позднейшей немецкой редакции.

Определённость этому предположению придало недавнее открытие «Сказания о вятчанах», старейшего известного сочинения по истории Вятской земли, созданного в 1690-х гг. с опорой на местные устные и письменные источники. В нём содержится рассказ с тем же сюжетом, в деталях не совпадающим с изложением Герберштейна и его известными в России XVII века польскими обработками:

«...В лето в Великом Новеграде бысть великий князь Ярослав сын Владимиров. И посла бояр своих и воевод со многими силами из Новаграда под град Корсунь. Они же быша тамо под градом и стояша семь лет. Жены ж их ждаша мужей своих в Новеграде многое

время и недожда, чающе их побитых, и начата жити за немощь естественную болярыни и княгини и служилых людей жены совокупишася с холопи своими а прости також с чюжими мужи. И по окончании семи лет приидоша вестницы в Новъград, что идет все воинское во свояси. Жены же их и дщеры слышаша приход их и убояшася и с теми своими рачители из Новаграда бегу яшася и приидоша на реку великую глаголемую Каму и поставиша подле град и нарекоша имя ему...» [7, С. 347].

Очень похожий текст мог стать источником для Герберштейна. Вятский вариант позволяет увериться, что самые яркие «античные» детали из скифской легенды Геродота были включены автором «Записок». Наиболее заметные отличия в основе самого сюжета следующие. Во-первых, он приурочен ко временам Ярослава Мудрого, при котором был построен Софийский собор. Это соответствует логике традиции, поскольку в версии Герберштейна фигурируют «корсунские» врата и колокол собора. В вятской версии упоминание о них отсутствует, вероятно, вследствие сокращения. Во-вторых, в вятской версии не говорится о Холопьем Городке на Мологе, а холопы бегут на Каму, где основывают «град», как подразумевается контекстом «Сказания», Вятку-Хлынов. Времени ее основания, а не временам Ярослава соответствует и дата – 1174 год.

Обе версии позволяет связать воедино третья и самая пространная, содержащаяся в «Историческом и древнем описании» иеродиакона Тимофея (Каменевича-Рвовского) из Холопьяго монастыря на Мологе. Это чрезвычайно многословное и местами сумбурное повествование было создано начитанным клириком с использованием разных польских, греческих и русских источников в 1699 году. Одной из основных задач Тимофея было опубликование сведений о древнейшей истории монастырской округи и объяснение названия монастыря. Использовал ли автор местные предания, неясно. Например, название Шексны производится от имени «первого на ней жителя» Шека и его жены-«богатырки» Сны. Но это «предание», скорее, авторское,

поскольку построено по точной аналогии с также приводимой Тимофеем книжной легендой о происхождении названия Москвы. Последнее выводилось от библейского Мосоха («Моса») и его выдуманной жены Кы. Есть и другие подобные «ученые» этимологии. Название Мологи производится от библейского Молоха, которому будто бы местные жители поклонялись наряду с Велесом и другими богами языческой Руси [3, С. 35]. «Сказание о холопьем войне» у Тимофея поставлено в контекст «Сказания о начале Новгорода», на котором основываются его представления о древнейшей истории славян. В целом сочинение Тимофея представляет собой выдающийся, хотя и не самый фантастический из известных пример баснословной историографии конца XVII века.

Сюжет «Сказания о холопьем войне» здесь изложен следующим образом. После основания Новгорода (здесь, в отличие от «Сказания о начале Новгорода», во времена Словена и Руса) из словен отобрали воинов для постоянной службы. Они добровольно согласились быть рабами-холопами «рода славенороссийского», чтобы «служить и умирать» за всех. Они совершили многочисленные набеги, победили амазонок, захватили все славные города древности, включая Иерусалим и «Стамбул». Их устранился сам Александр Македонский. По просьбе последнего (сюжет из «Сказания о начале Новгорода») славяне прекратили войны и поселили холопов «посреди Великого Новгорода» на Холопьем улице. Со временем от безделья и отсутствия военной добычи холопы начали чинить насилие самим новгородцам, грабить и убивать их. Они построили себе «грады» на Мологе, Каме и «по всей земле», а потом начали опустошительную войну со словенами. «Новгородцы, ростовцы, всеяне и устюжане», объединившись, нанесли холопам поражение, разрушив сначала «первое их Волховское поселение», а потом и городки по Мологе. Уцелевшие холопы бежали на Каму, откуда предприняли набег на Тмутаракань (отождествляемую с Астраханью). Местные татары со своим царем Аз-Тараканом переби-

ли их, в честь чего Астрахань и получила название [3, С. 30–38].

Эта часть сочинения Тимофея представляет собой, помимо прочего, еще и слегка закамуфлированный политический трактат против сохранявшейся в России конца XVII в. практики использования на войне боевых холопов. Связь этой версии с реалиями XVI – XVII вв. справедливо отмечал И. Я. Фроянов [8, С. 21]. Данная современная реалья «объяснила» автору сам факт «холопией войны». Но основной объем расширений сюжета не навеян ничем, кроме безудержной авторской фантазии. Имевшийся в распоряжении Тимофея источник о новгородских холопах едва ли сильно отличался от вятской версии объемом и содержанием.

Однако «Историческое и древнее описание» сохранило ряд черт источника, из вятской версии выпавших, и это существенно проясняет дело. Прежде всего, становится ясно, что в общем источнике всех трех версий присутствовали и Холопий Городок на Мологе, и бегство остатков холопов на Каму. Первое сохранено у Герберштейна и Тимофея, второе – в «Сказании о вятчанах» и у Тимофея. Во-вторых, у Тимофея сохранилось четкое свидетельство о «первом Волховском поселении», т.е. Холопьем Городке на Волхове. Правда, он связал его с Холопией улицей в Новгороде. Вряд ли сведения о волховском Городке отсутствовали в источнике, созданном в Новгороде. Скорее всего, они просто были опущены и Герберштейном, этого места не знавшим, и автором «Сказания о вятчанах», которого интересовали только данные о бегстве холопов на Каму.

Сюжет о холопией войне был довольно популярен на северо-востоке исторической Руси во второй половине XVII – начале XVIII века. В. Н. Татищев, считавший всю историю «басней» на основе Геродота, приводит данные из двух доступных ему сочинений – «Истории града Ростова» и «Муромской истории». Место действия здесь – городище Шолопин близ Калыгина монастыря на Волге, недалеко от Углича. Об этом пункте, наряду с двумя городища-

ми Городка на Мологе, в данной связи упоминал и Герберштейн [1, С. 354/5].

История, доставшаяся Татищеву, в ростовском варианте изобиловала новыми фантастическими подробностями: «к сражению у вождей или царей скифских были трубы, литавры и сурны, а у холопей одни свирели и рожки пастушьи. Скиф предводители: Страшимир, Громислав и Бедислав; у холопей: Загуми, Разрывай и Угоняй; оружие у царей самострелы и мечи обоюдоостры, у рабов – сабли и луки. Холопи пред сражением, неколико голодных и раздраженных медведей приготавливая, в войско царей пустили и оное смяли, а цари после, приготавливая собак, на медведей пустили, которые, в войско холопей вбежав, смяли». Приведя эти детали, историограф иронично заключает: «Правда, что вымысел не худ, как имяна, музыка и ружье по пристойности людей положил, токмо, знатно, он того не знал, что тогда литавр, не говорю о самострелах, не было» [6, С. 285]. Судя по упоминанию скифов, сочинитель ростовской версии был знаком с античным прототипом истории, очевидно, в пересказах доступных ему западных авторов.

Подводя итог, можно заключить, что у всех вариантов сюжета был один источник, созданный в Новгороде примерно в последней четверти XV – начале XVI века, ранее визита Герберштейна. Источник, судя по всему, входил в какой-то сборник или компиляцию легендарно-летописного характера, связанную с Софийским собором. Создание текста преследовало две цели. С одной стороны, он удостоверял легендарное «корсунское» происхождение врат и колокола собора, в реальности появившихся в нём несколько десятилетий назад (см.: [2, С. 426]). С другой – легенда утверждала исторические права Новгорода на Помолжье и Вятскую землю, будто бы заселенные некогда холопами новгородцев. В условиях свершившегося создания единого Российского государства это имело больше компенсирующий смысл. В качестве связующего звена было избрано локальное предание о происхождении Холопьяго Городка на Волхове. С последним устная традиция связывала, очевидно, и хо-

рошо известный пункт того же имени на Мологе. Первоначальному тексту в основном соответствует текст «Сказания о вятчанах» с добавлением данных о вратах и колоколе и обоих Холопых Городках.

Воссоздаваемая на археологическом материале история волховского Холопьяго Городка (см.: [4, С. 179–183; 5, С. 146–154]), не выходящая за пределы IX в., позволяет сделать некоторые выводы об исторической основе предания. Из предания явствует, что появление «рабской» топонимики в этом районе отражает результат военного противостояния – очевидно, того же самого, которое привело к гибели Холопьяго. Но то, что предание говорило о «восстании рабов», – иллюзия. Она создается внесением в традицию при «записи» античного мотива, а также соединением с легендой об осаде Корсуни и «корсунских» ценностях Софийского собора. Можно заключить, что на самом деле «рабские» названия даны в результате войны победителями и их потомками «в память» об обращенных в рабство побежденных. В первоначальной основе речь шла о событиях второй половины IX века – объединении Поволховья вокруг расположенного вверх по Волхову от Холопьяго «Рюрикова» Городища, прямого предшественника Новгорода. При том что название его дано в Новое время, есть немало оснований связывать Городище именно с ранним этапом становления Руси как «державы Рюриковичей». Новгородцы, зная которых, согласно уже древнейшим летописным преданиям, возводила себя к спутникам легендарного Рюрика, естественно, заменили последних в развитии традиции. Вероятно, центр силы традиционной племенной знати на Волхове был в названное время захвачен и уничтожен, после чего вошел в предание как Холопий Городок – поселение тех, кого обратили в рабство.

Суть предания как отражающего противостояние различных центров словенского региона в целом правильно, как представляется, расшифровал И. Я. Фроянов [8, С. 19–23]. Он, в частности, высказал допущение, что определение побежденных как «холопов» носило

уничтожительный смысл [8, С. 23]. Исследователь связывал отразившиеся в предании события с консолидацией в ходе «межплеменной» борьбы вокруг приильменского центра. Последний он без комментариев называл Новгородом. События были отнесены им к середине IX века и связывались с пожаром Ладоги 860-х гг. «Холопы», таким образом, соотносились с «ладожскими словенцами», и все сказание оказывалось более подробным вариантом древнего летописного предания о войнах северных «родов» [8, С. 19, С. 23–24].

Что касается Холопьяго Городка на Мологе, то его упоминания ранее XIV века отсутствуют. Археологическое исследование находящихся ныне на дне Рыбинского водохранилища местных городищ невозможно. Название Городка на Мологе дано выходцами из Поволховья в честь тамошнего Холопьяго, но время и причины этого неизвестны. Поскольку в период своего существования Городок являлся важнейшим торговым центром, не исключено, что название связано с работорговлей. В то же время присутствие в «Сказании о холопьях войне» мотива бегства на Мологу и Каму отражает действительный процесс заселения земель северного Приволжья из Новгорода. С IX века и позднее на восток выселялись те, кому по тем или иным причинам не находилось места в Поильменьи и Поволховье. Среди них, конечно, могли быть (и в немалом числе) беглые рабы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В некоторых случаях среди баснословия поздних летописных памятников можно всё-таки обнаружить возможные или даже очевидные следы устной традиции, восходящей к весьма давним временам. Нельзя сказать, что привлечение источников такого рода существенно обогащает наши знания об истории IX века. Тем не менее становится возможным уточнить хотя бы на уровне гипотез детали, такие как судьба Холопьяго Городка. Столь поздняя традиция едва ли качественный первоисточник по любым проблемам, связанным с

описываемым ею временем. Больше говорит она об особенностях исторической памяти, и выстраивать картину изображаемого прошлого на ее основе не следует. Но в той же степени не следует и полностью игнорировать ее данные, тем более тогда, когда их традиционное происхождение может быть прослежено и обосновано.

Библиография / References:

1. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии / пер. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 1. – 776 с.
2. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии / пер. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 2. – 656 с.
3. Гиляров Ф.[А.]. Предания русской начальной летописи (по 969 год): Приложения. – СПб.: Современные известия, 1878. – 326 с.
4. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. – Л.: Наука, 1990. – 214 с.
5. Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 404 с.
6. Татищев В.Н. История Российская. Т. I. – М.: Ладомир, 1995. – 500 с.
7. Уо Д.К. «Анатолиевский сборник» и проблемы вятского летописания // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Материалы международного научного симпозиума. – Киров, 1997. – С. 336–354.
8. Фроянов И.Я. Древняя Русь IX – XIII вв.: Народные движения. Княжеская и вечевая власть. – М.: Русский издательский центр, 2012. – 1088 с.
1. Gerberstejn Sigizmund (2008) Zapiski o Moskovii [Memoires about Muscovy] / transl. A.I. Malein, A.V. Nazarenko. – M.: Pamjatniki istoricheskoy mysli. Vol. 1. – 776s. (In Russ.).
2. Gerberstejn Sigizmund (2008). [Memoires about Muscovy] / transl. A.I. Malein, A.V. Nazarenko. – M.: Pamjatniki istoricheskoy mysli. Vol. 2. – 656 s. (In Russ.).
3. Gilyarov F.[A.] (1878) Predanija ruskoj nachal'noj letopisi (po 969 god): Prilozhenija [The Tales of the Russian Primary Chronicle (before 969): Addenda]. – SPb.: Sovremennye izvestija. – 326s. (In Russ.).
4. Nosov E.N. (1990) Novgorodskoe (Rjurikovo) gorodishche [Novgorodian (Rurik's) Gorodishche]. – L.: Nauka, 214s. (In Russ.).
5. Nosov E.N., Goryunova V.M., Plokhov A.V. (2005) Gorodishche pod Novgorodom i poselenija Severnogo Priil'men'ja (Novye materialy i issledovaniya) [Gorodishche near Novgorod and the Settlements of the Northern Priilmenye (New materials and research)]. – SPb: Dmitrij Bulanin. – 404 s. (In Russ.).
6. Tatishchev V.N. (1994) Istorija Rossijskaja [Russian History]. Vol. I. – M.: Ladomir. – 500s. (In Russ.).
7. Waugh D.K. (1997) «Anatolievskij sbornik» i problemy vjatskogo letopisaniya [Anatolii's Miscellany and Problems of Viatka Chronicle Writing] // Shvedy i Russkij Sever: istoriko-kul'turnye svyazi. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma. – Kirov, – S. 336–354. (In Russ.).
5. Froyanov I.Y. (2012) Drevnjaja Rus' IX–XIII vv.: Narodnye dvizhenija. Knjazheskaja i vechevaja vlast' [Old Rus' in 12th–13th centuries. Folk Movements. Princely and Veche's Power]. – M.: Russkij izda-tel'skij centr. – 1088 s. (In Russ.).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Цель журнала – создание коммуникационной площадки для обсуждения и изучения проблем истории развития государственного и муниципального управления; эволюции социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство и другие, и их влияния на формирование и реализацию реформ в области государственного, муниципального, корпоративного управления, а также аккумуляцию исторического опыта российской государственности и развития государственных и социальных институтов.

Журнал адресован научному сообществу, студентам, аспирантам и преподавателям, ученым, экспертам и управленцам-практикам.

Журнал «Вестник государственного и муниципального управления» приглашает к сотрудничеству и творческому диалогу преподавателей вузов, аспирантов, соискателей научных степеней, практических работников органов власти и управления.

Статьи авторов рецензируются. Требования к оформлению статей см.:

<http://orel.ranepa.ru/the-structure-of-the-academy/journal>

Приглашаем вас к сотрудничеству и ждем ваших материалов

по адресу: e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Точка зрения авторов необязательно отражает мнение редакции.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК с 01.02.2022 г.:

5.6.1. – Отечественная история (исторические науки),

5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки)

JOURNAL OF PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION • VOLUME 11 • ISSUE № 4 • 2022

DEAR READERS!

The purpose of the Journal is to create communication platform for discussing and studying the problems of history development of state and municipal government; the evolution of social institutions, such as traditions, morality, law, family, public associations, the state and others, and their impact on the formation and implementation of reforms in state, municipal, corporate governance, as well as the accumulation of historical experience of Russian statehood and the development of state and social institutions.

The Journal is addressed to the scientific community, students, graduate students and teachers, scientists, experts and practical managers.

"Journal of Public and Municipal administration" invites you to cooperation and creative dialogue of university teachers, graduate students, applicants for scientific degrees, practitioners of government and administration.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации».

119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82.

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Рег. ПИ № ФС77-71949 от 26.12.2017.**

**При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник государственного и муниципального управления» обязательна.**

Главный редактор П. А. Меркулов

Ответственный секретарь Е. С. Матвеева

Переводчик Е. А. Князькова

Корректор И. Л. Кургузова

**Подписной индекс в общероссийском
каталоге «Пресса России» – 15166.**

Выходит четыре раза в год.

Адрес редакции и издателя: 3020001, Орловская область, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Издатель: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

Отпечатано в типографии издательства Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

по адресу: 3020001, Орловская область, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Подписано в печать 20.06.2023. Дата выхода тиража в свет 3.07.2023

Усл. п. л. 12,4.

Формат 70х100 1/16

Тираж 100 экз. Заказ № ____.

Цена свободная.

© Вестник государственного и муниципального управления

Научно-образовательное издание

№ 2 (48) 2023г.